

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
№ 2 2023

Литературно-художественный журнал

16+

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Елена Андреевна Сапогова

Александр Иванович Демченко

Наталия Тяпугина. «Хранительница русского слова» стр. 144

Наталия Киреева. «Множество ипостасей одной личности» стр. 133

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 2 2023

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2023

№ 2 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Николай ПЕРЕСТОРОНИН. Некалендарная весна	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Лидия СЫЧЁВА. Повелительница груш	8
ПОЭТОГРАД	
Юрий ТАТАРЕНКО. Перекасти-поле	21
ОТРАЖЕНИЯ	
Лариса КАЛУЖЕНИНА. Нищий	26
Марианна ДАВЛЕТОВА. Дедушка	30
ПОЭТОГРАД	
Елена КОНОВАЛОВА. Неутешный снег	32
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Данила КАТКОВ. Оруженосец	37
ОТРАЖЕНИЯ	
Алексей СОЛОНИЦЫН. Евразиец (<i>Продолжение следует</i>).	41
ПОЭТОГРАД	
Михаил ЛАВРЕНТЬЕВ. Я вспомнил жизнь	95
ОТРАЖЕНИЯ	
Василий КИЛЯКОВ. Выстрел	98
ПОЭТОГРАД	
Наталья ЕЛИЗАРОВА. Я шар земной держу в руках	103
ОТРАЖЕНИЯ	
Геннадий МАЙОРОВ. Туфельки для Золушки	106
КАМЕРА АБСУРДА	
Валерий АНИШКИН. Смерть музыканта	109
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ	
Людмила ОРЛОВА. Письмо внуку	117
СТАТЬИ	
Валерий АРШАНСКИЙ. Цель творчества — самоотдача	127
ЮБИЛЕЙ	
Наталья КИРЕЕВА. Множество ипостасей одной личности	133
Наталья ТЯПУГИНА. Хранительница русского слова	144
Алексей БУСС. «Я не теряю оптимизма...»	151
РЕЦЕНЗИИ	
Дмитрий ЕРМАКОВ. Великая мечта о русском свете	169
Ирина КИТОВА. «Сыплются зёрна меж строк»	171
Данила КАТКОВ. Суровый вопрос	173
ОБЗОР	
Елизавета МАРТЫНОВА. «Книги, с которыми можно жить»	175
В МИРЕ ИСКУССТВА	
Виктор ЛОБАНОВ. В затишье лета	178
КОНКУРС	
. . . . .	191

**Николай
ПЕРЕСТОРОНИН**

НЕКАЛЕНДАРНАЯ ВЕСНА

ИОРДАН

Это я в сердце своём берегу:
Крашек вечного лета,
Тёмные камни на том берегу,
Светлая радость на этом.
Тело омоют и душу мою
Воды святого течения.
В белой крестильной рубашке стою –
Это второе крещение.
Селезень с утицей рядом плывут,
Сонно сомы копошатся,
Как на иврите мне их назовут,
Я не хочу догадаться.
Выйду на берег – поверить смогу
(В это не верилось долго),
Что так светло улыбаться могу,
Плакать от радости только.
Время вернуться в родные края,
Где васильки да ромашка.
Всё не кончается радость моя,
Не высыхает рубашка.

-
- Николай Васильевич Пересторонин родился в 1951 году в г. Кирове. После окончания средней школы работал на заводе, служил в армии, после демобилизации снова поступил на завод. Занимался в литературном клубе «Молодость», которым впоследствии руководил. Работал в областных газетах, закончил заочно Уральский государственный университет в 1981 году. Член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ, автор 29 книг стихов и прозы, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, премии правительства Кировской области имени А. И. Герцена, всероссийских литературных премий имени русского поэта Н. А. Заболоцкого, святого благоверного князя Александра Невского, кавалер ордена Фёдора Достоевского I и II степени. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Вятка литературная» и ежемесячного литературного журнала «Ротонда». Живёт в Кирове.

***

Это нужно России израненной,
 Потому и сбывается в ней:
 По-над шрамами жизни несправедной
 Исцеляюще кружится снег.
 Гуще сумерки, дни ли короче,
 Или ветер такой ледяной.
 «От родимца, испуга и порчи...» –
 Кто-то шепчет над бедной страной.
 И устало смежаются веки,
 И баюкает душу простор...
 Хорошо бы навеки, навеки
 Был серебряный тот заговор...

ВЯТСКИЕ МАРШАЛЫ

*Памятник маршалу Коневу,
 выдворенный из польского города Кракова,
 стоит теперь в городе Кирове
 (историческое название – Вятка),
 в Юго-Западном микрорайоне.*

Памятник выдворят – совесть убудет.
 Голос забвения стих.
 Есть чем гордиться, вятские люди:
 Мы не бросаем своих.
 Мал пьедестал для манёвра и марша,
 Были щедрей на гранит.
 Но и поныне каменный маршал
 За Юго-Запад стоит.
 Чтобы скорей отошли от порыва,
 Вспомнили славу свою.
 Словно не Конев стоит у обрыва –
 Чувствую, мы на краю.
 Вятские маршалы строй поредевший
 Выведут к бою опять.
 Выстоит Конев окаменевший,
 Нам бы ещё устоять.
 После доспорим о рати и жите,
 В чём и когда на парад.
 Вятские маршалы, просто скажите:
 «Больше ни шагу назад!»

***

Мне всегда казалось: это было,
 Только почему-то позабыл.
 Тишина небесная царила,
 И молчаньем старец говорил.
 Видел он духовными очами

Книгу, не написанную мной,
Ангел с золотыми волосами
Бережно кладёт на аналой.
В ней такие чистые страницы,
В ней такие светлые слова!
Словно снег на солнышке искрится,
Самая правдивая глава.
Я её как другу дорогому,
Сам не знаю, как и доверял:
Золотом писал по золотому,
Серебром по серебру писал.

***

Такого не было со мною
На протяжении многих зим,
Я жил неверующим Фомою,
Хотя и не был нелюдим.
Хотелось, чтоб меня любили,
Но торопился сам любить,
Надеясь, что такой-то силе
И лёд по силам растопить.
Но вот нашлась на силу сила,
Обворожительно нежна,
Как будто в мире наступила
Некалендарная весна.
Она мне волосы ерошит
Ладонкой маленькой своей,
«Хороший, – говорит, – хороший...»
Я почему-то верю ей.

***

Заповедник зимы. Белоснежное царство покоя.
Полудённой тиши бессловесная повесть души.
И не в силах уже одолеть притяженье земное,
Снег нисходит с небес и назад уходить не спешит.
В целом мире весна наступила по солнечным срокам,
Нерастраченным дням снег ведёт свой особенный счёт.
Он в молчанье своём так светло говорит о высоком:
Просто смотрит в окно или рядом с тобою идёт.

БЛАГОДАРЕНИЕ

Спасибо, Родина,
За Болдино,
За золотые купола,
Когда возвышенно и подлинно
Шуршит листва,
Звучат слова.
За этот дар

Благословенный,
За вдохновения зарю,
За русский гений,
Свет нетленный,
Благодарю, благодарю!

***

Всё возвращается на круги,
Душа не так уже смела,
Но были творческие муки,
И радость творчества была.
И в ночь-полночь будило Слово
Надежды, веры и любви,
И в сердце трепетно и ново
Рассветно пели соловьи.
Текли живительные токи,
И вновь казалось мне – сбылись
Судьбой отточенные строки,
Необъяснимые, как жизнь.
Так было и так будет снова,
Иного я и не зову.
И чуть души коснётся слово –
Я пробуждаюсь и живу.
Живу, не опуская руки,
И голова ещё светла.
Ведь были творческие муки,
И радость творчества была.

***

Лимит любви, наверно, вышел,
К нам охладели небеса.
То дождь всю ночь стучит по крыше,
То надвигается гроза.
Верхушки лиственниц качает
Неясный ветер перемен,
И вот душа уже не чаёт,
Как бы продлился этот плен.
О, этот сладкий плен свободы
Готов не променять и я,
Ценя изменчивость природы
И непрерывность бытия.
Не уходи, побудь со мною,
Единство небо и земли,
Соединённое любовью,
На все века благослови.
И будет это как спасенье
И как прощенье за грехи.
Даст Бог, за песнею осенней
Придут и зимние стихи.

***

Снегопады и вьюги
Окликали: «Поэт...»
Ни вины, ни заслуги
В этом, кажется, нет.
Просто сердце болело,
Отзывалась душа
И над миром летела,
Как на помощь спеша.

***

Снова привыкаю к одиночеству,
Вы меня спросите: «Почему?»
Потому что жизнь – угода творчеству
И служенье Богу одному.
Снова подступает вдохновение.
Наступают золотые дни.
Слава Богу, раздаю имение...
Господи, спаси и сохрани!

***

Этим летом в Вятке было жарко,
А в окно раскрытое гляжу:
Голуби на площади Сан-Марко
Ждут, что я им хлеба покрошу.
Ни одной границы не нарушу,
От родной земли не отрекусь.
Разломаю вятскую горбушку,
Честным хлебом честно поделюсь.
Если не дано с высоким слиться,
То хотя бы это не забыть:
Истиной земною – поделиться,
Истину небесную – любить.

***

Как лекарство от боли сердечной
Растворится в тягучей крови,
Всё пройдёт и проходит, конечно,
Невозможно уже без любви.
Не насыщенные думы о хлебе
Станут светом, что светит во мгле.
Тает облако белое в небе,
Остаётся любовь на земле.
Как мы жили, давно позабыли,
Но дано нам почувствовать вновь,
Мы не зря в этот мир приходили,
Даже если не очень любили,
Всё равно остаётся любовь,
Все равно остаётся любовь!

**Лидия
СЫЧЁВА**

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ГРУШ

ВЕРА МОГУЧАЯ

...Мы с детьми подходили к дому ночью, стремительно наступавшей, и давно – уж не вспомнить, когда – я не видела таких больших и ярких звёзд, как будто это были не звёзды, а глаза неведомых зверей, живущих во Вселенной; звери эти были добрые, мирные и далёкие.

– Смотри, – говорили мне звёзды, – как прекрасен мир, какая тёплая синяя ночь вокруг, и по ней плывёт лодочка растущей луны, а на дне моря – силуэты цветущих вишен (май только начинался), а на подходе – и черёмуха, и яблони, и груши..

– Смотри, – говорили мне звери, – вы сыты, обуты. У вас есть дома, машины, у вас есть день и ночь, росистое утро, зовущий вечер, почему же вы не можете устроить свою короткую жизнь так же красиво, как мы устроили для вас мир? Зачем вы обижаете друг друга? Копите лишнее богатство, увлекаетесь глупостями? И не видите главного, ради чего вас сюда ненадолго позвали?..

Мы ехали на медленном, старом и потому осторожном автобусе, крутые подъёмы давались ему тяжело, двигатель натужно гудел.

Всё для меня было как в первый раз – и это небо, и это дерево, и трава, и первые звёзды, и путь – дрожащие огни печальных деревьев.

Мы остановились там, где узкая боковая дорога подходила к трассе, и в этом «рукаве» стоял старый «Жигулёнок».

-
- Лидия Андреевна Сычёва родилась в 1966 году в с. Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Училась на историческом факультете Воронежского пединститута. Работала преподавателем, журналистом. В 1995 году поступила на заочное отделение Литературного института. В 1998 году дебютировала с рассказами в «Новом мире». Активно печатается в литературной периодике: газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Российский писатель», журналах «Москва», «Подъём», «Полдень», «Бельские просторы», «Север», «Алтай», «Родная Кубань», «Литературный меридиан», «Аврора», «Золотая Ока», «Двина» и др. Автор нескольких книг прозы и публицистики. Главный редактор интернет-журнала «МОЛОКО» («Молодое око»). Главный редактор сайта «Славянство – форум славянских культур». Лауреат премии журнала «Москва», литературной премии имени Петра Проскурина, международного литературного конкурса «Народ мой – большая семья», премии им. Александра Невского, им. Андрея Платонова «Умное сердце», премии «Зодчий» им. Дм. Кедрина. Награждена серебряным дипломом Международного славянского литературного фестиваля «Золотой Витязь» (2012). Проза переведена на китайский, немецкий, болгарский и арабский языки. Живёт в Москве.

Из машины вышли отец и мать – встречали кого-то из нашего автобуса (кого именно – сына или дочь – я не увидела). Я смотрела на отца, высокого, поджарого, в спортивных штанах и клетчатой рубашке; голова его была седа, руки – большие, изработанные. Следом, отстав, медленно шла мать – в мягких чунях, тёплых носках, байковом халате; фигура её была тяжеловатой, чуть оплывшей. Наверное, уже и гипертония у неё есть, и другие болячки... Дома она, конечно, всего настряпала, и, наверное, счастлив будет гость, когда увидит эти хлопоты, когда вернётся в милый быт – такой привычно-неизменный, с родными запахами маминых пирожков, с кустом смородины у крыльца и путающимся под ногами котом (ластится, знает, что ради праздника обязательно перепадёт ему что-то редкостно вкусенькое!).

Дом! Какое же это счастье!.. Оно – как вода и воздух, как солнце и сон, как любовь и ласка. Настоящая любовь никогда не разрушит дом, никогда ни у кого ничего не отнимет.

Тополь у дома, кажется, зацветает – тело его бело-серебристое, и набухающие почки – бело-серебристые. Сказочное дерево! Я смотрю на него и люблюсь его зрелостью, основательностью, устойчивостью. Царь-дерево!..

Но что же я замечаю вдруг? Поодаль, через несколько метров через дорогу, там, в дебрях терновника, поднялось и окрепло ещё одно дерево – тоже тополь. Молодой, выросший незаметно. Дерево по росту почти достигло родителя, но, конечно, оно не такое мощное и серьёзное. Тянется вверх, ветви его не так густы, ствол не так строен. Но ведь это – то же самое дерево!.. Корень могучего тополя, пущенный вбок, только и мог спрятаться в терновнике, там сохраниться, пробиться, и вот теперь расцвести и явить себя.

Молодой тополь будто чуть стесняется, что вырос тайно, что не так строен и основателен. Но тело его – такое же белокожее, как у родителя, с лёгким оттенком изумрудности. Молодой тополь чуть склоняется в сторону старого – строго говоря, он и не дерево вовсе, а ветка серебристого тополя, пробившаяся через тернии к свету.

Большое дерево питало малое, стоящее поодаль, и вот уже малое превратилось в дерево взрослое, вроде бы даже «отдельное», вроде бы даже выросшее – на посторонний взгляд – само собой.

Этой весной ветви старого и молодого дерева соединились, образовав арку. Летом, когда серебристая листва окутает кроны, как красив будет этот удивительный, волшебный, триумфальный свод нашей любви!

Мы – одно целое, одно дерево. Ты и я.

В густых ветвях старого тополя жили птицы. Мне они казались райскими (может быть, это были обыкновенные сойки, не знаю). Но так плавно они кружили в небе, так проворно исчезали в кроне, так красивы были их распушенные веером хвосты, что, наверное, это всё-таки были волшебные птицы.

Яблонька цветёт так ясно, так яростно, будто это последний день её жизни. Вот так и мне хочется рассказать о своей любви: ликующе-безнадёжно! Да, что бы я ни сказала, мне не повторить застенчивого, сладкого и чистого аромата этих цветов, синь ещё холодного неба, ясные, прямые, неиссякаемые лучи солнца, от которых вспыхнули на земле золотые, жаркие одуванчики. «И на этой на земле огромной счастлив тем, что я дышал и жил». Я знала эти строки наизусть с отрочества, но всё равно переписывала их в заветную тетрадку – чтобы они всегда были у сердца. Мне казалось, так будет верней – стихи никто и никогда не сможет у меня отнять.

Цветущий сад всегда прав. Красота, как цветущий сад, всегда права.

– А что бы ты делала, если бы узнала, что тебе жить осталось полгода? Дети наши насмотрелись страшного иностранного кино (про «нравственный выбор»), взволнованны.

– Ну, я бы всем рассказала, что, мол, всё, жить осталось полгода.

– А потом?

– Жила бы точно так, как сейчас, – смеюсь я.

Проснулась утром – и первая мысль: как же люди живут без любви? Думаю, надо обсудить с тобой. И тут же расхохоталась: так я же сама без неё жила! Правда, я всё время искала любви. И готова была найти её в самом ничтожном предмете. И Бог, видя мою беспомощность, смилостивился.

Каждый человек, я верю, несёт громадный заряд готовности любить. Почему же это чувство даётся только единицам? К чему эта награда обязывает? (Страшно и подумать!) Или царский дар – без отдачи?!

Ой, не знаю...

И в том, как фырчит ёж у тропы, как цветёт вишня и летит стриж, как растёт чеснок на грядке, как охорашивается малинник, одевая голые ветки густой листвой, как просыпается виноградная лоза у ограды, – нет, не погибла она в окаянную, с оттепелями и морозами зиму; как застенчиво серебрится ландыш среди плотных тёмно-зелёных листьев-ладоней; так вот, во всём этом – моя любовь к тебе, моя неповторимая радость, невысказанная оттого, что передать её невозможно.

– Кто вы? – восхищённо выдохнул продавец рыбы. – Можете и не брать ничего, с вами и поговорить счастье! Приходите почаще, прошу вас!

– Ну уж! – остужаю его пыл. – Кто? Гражданка РФ, электрот. Налогооблагаемая база. Давайте мне без лишних восторгов три честных хвоста подешевле. Хек серебристый, например. Давно уж пора ему приплыть в хорошие руки.

Я всегда в хорошем настроении, когда я с тобой – пусть даже только мысленно, но с тобой.

Уходя с рынка, поправила продавца:

– Не «кто вы?», а «чья вы?» – правильный вопрос.

...Серебристый хек был приготовлен на славу. Пообедали неспешно, с аппетитом и тщанием, тут и пошли родительские воспоминания.

– Раньше, бывало, камсы привезут, очередь страшная в магазине, всем охота попробовать.

– По полкило в руки давали.

– Каждому ж охота рыбки съесть.

– А до войны у кого хлеб без макухи, те считались богатыми.

– 37-й год, 38-й, 39-й – у нас жёлуди добавляли в муку.

– А в колхозе на трудодень в Сталинградской области давали по полкилограмма зерна, а у нас – по двести граммов.

– Батяня рассказывал: пришёл агитатор партийный, стал в колхоз загонять. Фёдя Рябый размышлял: «А как мы мёд будем есть?» – «Ложками, ложками!».

– Хе-хе...

– А теперь всё есть в магазинах!

– Да...

– Всё есть, а радости нет. Раньше идём с поля, уморенные, а песни как заведём!.. Откуда и силы брались?!

Варю ли я борщ, сажаю ли огород, веду ли необязательные беседы, живу ли вынужденной жизнью, любовь моя всегда со мной. Но всё же самое сладостное в ней – когда мы рядом.

Дедушку с бабушкой, кота и кур, яблоню и сад, старый дом и новый забор я оставляю на наших детей – майские праздники они проведут здесь, на родной земле. Беспечные, они не понимают её ценности и силы.

Дети натягивают гамак между грушей и сливой. Здесь, в краю вечного крестьянского труда, они обустривают «Европу».

Я же возвращаюсь в большой и тяжёлый город, но на самом деле – к тебе.

В день отъезда я проснулась рано, и – высокое чувство захватило меня. Будто бы не надо никуда спешить и что-то радостное, чудесное ожидает меня; может быть, плеск тёплой волны, или – поющий птицами лес, или – пологая тропа на кручу, с которой я увижу мир до самых туманных горизонтов – в общем, это была заветная минута – наступившее ясное утро.

Я мысленно просигналила, что отдаю утро только тебе. Всю эту запылённую неделю я мало думала, потому что мешали заботы. А в сущности, зачем они, если нет любви? Без любви жизнь теряет краски, превращается в чёрно-белый, печальный и ненужный рисунок.

И я стала мечтать, как мы встретимся, как я буду говорить тебе эти слова, и голос мой будет сбиваться (от волнения), и как ты будешь улыбаться и хмуриться – ты всегда строг к форме, всегда стремишься к совершенству и радуешься, когда у меня получается хорошо, а за мои «сбои» переживаешь сильнее, чем за себя.

Если бы не наше с тобой чувство, то гигантские цунами накрыли бы землю, или пробудился бы вулкан и засыпал пеплом свет, или солнце послало нам убийственный огонь – в общем, это мы держим планету на плечах; без нас мир давно бы погиб, или – что точнее – мы бы погибли, если бы не встретили друг друга.

Нежность соединила нас. Это как цветущая черёмуха или спящий ребёнок. Нежность! Мы заботливо «прикрывали» друг друга от грубости жизни. Тот, кто не знает нежности, не знает настоящей любви.

Я думала о тебе, а ты был в отъезде, по работе, там даже спутниковая связь не берёт. Но я-то знала: нежность – как первый снег, как ласка матери, как лепестки ромашки; я знала, ты меня хорошо слышишь и мы ещё обнимем друг друга!

Ах, как жаль, что раньше я была слишком послушна обстоятельствам, не дерзила им, исправно отдавая «должное» – работодателям, чужим людям, условностям; старалась «быть вполне хорошей» для всех – в ущерб нашей любви; как жаль, что раньше мне не хватало отваги быть собой. По праву рождения – точно так, как есть права у растущей травы, поющей птицы или звенящего листьями могучего тополя.

Да, тот, кто познал любовь, всегда будет по ней тосковать и ни на что её не променяет!..

Возвращалась я на перекладных, на попутных машинах, и дорога эта была лёгкой и радостной.

Мы летели на шикарном авто по дну древнего моря.

Меловые горы – это донные отложения многомиллионной давности. В наших местах решили открыть гранитный карьер. Могучие экскаваторы снимали сорок метров мела, и вот, почти добравшись до камня, рабочие ахнули, увидев чудо-юдо – огромного моллюска, окаменелость.

Но владелец будущего карьера не стал «разводить романтику», а командовал:

– Ребята, дави его трактором! Иначе набегут учёные, начнут раскапывать, разноухивать – и всё, конец бизнесу. А я деньги заплатил немалые, чтобы откупить участок.

И ребята стали утужить окаменелость скрепером. Уцелела только огромная часть раковины моллюска, больше метра длиной, и водитель Александр, с которым я ехала, спрятал находку в багажник (якобы «на память»), а на самом деле тайно отвёз осколок в Москву, в Палеонтологический музей.

И наука узнала, что в здешнем древнем море водились невиданные миру существа.

Любознательный Александр поведал мне эту историю, и я по-другому посмотрела вокруг. Чернозём – это высохшие древние «болота», песчаные отмели – давние берега.

Земля жила, двигалась, ворочалась, вздымая пласты.

...Но по-настоящему я ощутила скорость и время, когда распрощалась с Александром и пересела на «семёрку» («Жигули»).

– Десять лет машине, ни разу меня не подвела, тьфу-тьфу-тьфу, – хвалил водитель.

Мы летели как на «Формуле-1» – мотор ревел, полотно мелькало под колёсами, трепетали флаги пирамидальных тополей, и только однажды нас обогнали, и то – с нарушением правил.

Через двести километров пути мы свернули на заправку. Здешние сотрудники носили униформу, на груди – таблички с именами. Уборщица, молодая пенсионерка, подметала асфальт у колонок. Увидев её имя, я оторопела.

– Извините... Вы – Вера Могучая?!

– Ой, да это моего чёрта фамилия! – зачастила она. – Мы с ним давно разошлись! Ничего с ним не нажила, кроме фамилии! Польстилась на имя. Буйный был, и поколачивал, и гонял, без руля и ветрил.

– Вера – человек славный. Невеста на выданье, – разъяснил её напарник, улыбчивый старик с метлой, с зелёным пластиковым совком на длинной ручке. – Я вот ей говорю: выходи за меня! Я – свободный, смиренный. Будешь мне кашу варить, штаны стирать. А она: «Вот ещё! За Шпундикова не пойду!» Вишь, как своё звание бережёт!

– Всё вы сочиняете, Николай Ефимович, – зарделась Вера. – Люди неизвестно что подумают могут... Счастливого пути, доброй дороги вам!

Итак, сюда, в эти заповедные края, привозила я свою любовь! Здесь, на дне океана, она зародилась – я ещё не знала, что мы встретимся и будем счастливы – так, как это пытаются показать в кино. Но ничего рассказать о любви не получается – наглядные искусства слишком грубы. Остаётся, впрочем, музыка, которая всегда звучит во мне, когда я думаю о тебе. Мелодия поющего света.

В день перед отъездом я стояла у дерева – тополя-родителя – и чуть стыдилась своей праздности. Вдали шагал сухощавый, жилистый мужик с рабочим чемоданчиком – в таких носят инструменты – дрели, например; он кивнул мне – я на него смотрела так пристально, что он принял меня за знакомую.

О чём я думала? Женщина даёт силу или отнимает её, женщина – это та же земля, территория; женщин берут или завоёвывают, покоряют; или – словно выходя на цветущий луг, прежде неведомый – присоединяют к себе,

к своим владениям. Женщину возделывают как землю, и она плодоносит, озарённая светоносной энергией.

От радостного этого труда рождаются дети, стихи, картины, музыка, виноград, зерно; зреют плоды, поднимаются травы и цветы. «Боже, как я тебя люблю!» – говорит земля, и расцветает день, а ночью, при ярких и крупных звёздах, земля спит; спят её птицы и звери, цветы и деревья, отдыхает солнечный свет, и вырастает за ночь новый день, новая, бесконечная жизнь.

Так думала я и обещала сказать тебе всё при встрече, сказать спасибо за эту неутраченную и неразгаданную связь. Пройдут миллионы лет, в толще застывшей породы найдут окаменелости нынешних механизмов и машин, что-то уцелеет, сохранится для пытливых потомков. Странные, необъяснимые предметы из чужой и далёкой жизни.

А мы будем в звёздном мире уже неразлучаемые; будем благословлять цветы и травы, птиц и зверей, ручьи и водопады; будем зажигать звёзды в небе; будем новыми царями нашей вселенной.

Так говорю я, женщина Земли, и, пожалуй, многие подумают: фантазия эта – возможна. Всё – в нас, и всё – вне нас.

Вот такую «телеграмму» – в век мгновенных сообщений и коротких чувств – я отправляю тебе. В ней сказано, конечно, не всё – главное останется между строк.

В ДОЖДЬ

– Погода отвратительная, – говорила старшая сестра.

Она была настроена решительно, но растворимый кофе в фаянсовой чашке размешивала бережно, аккуратно, боясь расплескать напиток.

Оля любила эту чашку – голубые колокольчики на толстостенных боках, ручка крендельком – и радовалась, что сестра выбрала именно её.

Весь день, с утра, без перерывов на улице шёл дождь, упорно, бодро, будто выполнял чьё-то задание и потому не мог остановиться на полпути. Дождь был осенний, серый, тёплый, а день – безветренный, влажно-туманный. Дали были закрыты дождевыми завесами, они шли уступами от неба до земли, и казалось, что весь мир помещён в огромный дождевой дворец, в котором открываются всё новые и новые залы.

В Ялте, наверное, было солнечно и ясно, там аквамариновая волна, нагретая галька и раздольный полёт чаек, в деревенской России бабье лето – с танцующими паутинками, с рыжими косогорами и валками соломы на полях, а здесь, в Москве, дождливый день, с красными, будто обожжёнными кленовыми листьями на тротуаре, с тёмно-зелёной ивой под окном, с тяжёлым веером серых брызг на дороге, с набрякшими зонтами на бульваре – они, как грибы, возникали то тут, то там. Но прохожих немного – день выходной, а куда ж идти в такой дождь?!

Оля хлопотала на кухне. Она любила сестру, но скрывала нежность напускной беспечностью, боясь расстрогать её своей чувствительностью. «Какой чудесный день! – думала она. – Мы вместе. Это такая редкость! Мы в тепле, уюте, пьём чай с булками и с повидлом из яблок. (Варенье привезла сестра.) А яблоки собраны у родного дома. Это же совсем другие яблоки, не магазинные. Редкий промежуток, когда наши близкие живы и здоровы, и мы говорим не про их болезни и скорби, а про всякие пустяки.

Боже! Какое же это счастье – длинный дождливый день! Да ведь такого дня я и припомнить не могу, если честно!..»

Но вслух она сказала другое:

– А я люблю такую погоду. Под неё хорошо думается, особенно в деревне, если, конечно, срочная работа сделана до дождя и тебя не тревожат ни сено, ни огород, ни крыша сарая. Хорошо тогда смотреть в окошко, в палисадник с фиолетовыми астрами, хорошо думать, отвлекаясь от зачитанной старой книги, хорошо вспоминать прошлое, счастливые мгновения (как здорово, что они были, никто их у тебя уже не отнимет!) и надеяться на чудесное...

Мысленно она добавила: «Надеяться, даже если жить осталось совсем немного. И встречать каждый день как великое счастье!»

По выражению лица Оля увидела, что её рассуждения кажутся сестре странными, если не глупыми, и поспешила переменить тему:

– А где твой кожаный плащ?

– Висит. Иногда я его ношу, но вообще он мне надоел.

И Оля тотчас вспомнила другую осень. Стояла несусветная грязь, с низкого неба шла противная морось. Сестра провожала её на автостанцию. Оля уезжала на междугородном автобусе в Москву. У неё тогда была интересная работа, кипучая жизнь, заграникомандировки, а сестра оставалась в провинции, среди грубого быта, скуки, связанная родственными обязательствами... Оля, глядя из окна автобуса на одинокую фигуру в кожаном плаще, не смогла сдержать слёз – сердце её защемило. И каждый раз, возвращаясь к этому воспоминанию, она испытывала перед сестрой чувство вины.

После чая, невзирая на дождь, они пошли по магазинам – сестра хотела купить что-то потеплее, чем лёгкая куртка, что была на ней.

Они перемерили кучу пальто. Ничего не подходило – одни были малы, другие велики, третьи – коротки, четвёртые – не по фигуре, пятые – не того цвета. Обошли три магазина, вымокли, хотя всё время были под зонтами.

Обе измучились, устали. Надо было возвращаться домой, собираться на поезд.

И всё равно Оля была счастлива. Ей казалось, что звучит симфония дождя, что в величественном дворце природы играет великий пианист – Лист, например; и оттого, что слышит всемирную мелодию, она сопричастна её минору, и так по-хорошему сентиментально было у неё на душе, так неповторимо!

«Никогда, никогда больше в моей жизни не будет такого дождя!..»

Сестре же она говорила другое:

– Послушай, у Веры (дочери) целый гардероб вещей, которые она не носит. Давай посмотрим, может, что-то подойдёт. Не хочу, чтобы в дождь ты мёрзла.

– Да-да, – соглашалась сестра.

Но ей непременно хотелось купить сегодня что-то новое – раз уж вышли по магазинам в такой дождь. Сестра выбрала шляпу – вишнёвую, классической формы, из отличного фетра и, на удивление, очень дешёвую.

Оля из солидарности купила модную кепку и тоже почти даром.

Они смотрели в тонированное зеркало, подсвеченное с боков: сёстры походили на удачливых авантюристок.

– Ну вот мы и в Париже! – смеялась Оля, убирая чёлку под козырёк кепки.

Сестра загадочно улыбалась – она заразилась её настроением.

И снова шёл дождь, вода струилась по тротуарам, в потоке кружились лимонные и багряные лодочки облетевших листьев, и терпко пахло дубовой корой, когда они шли через маленький старый парк, и непонятно было, что сейчас, день или вечер – от долгого дождя затуманилось небо, сумрачные тучи скрыли солнце.

Они купили колечко пахучей белорусской колбасы. И снова сидели на тесной кухне, обсуждали погоду, детей и будущее.

– Зачем столько тряпок? – ахала сестра, перебирая вещи племянницы «на отдачу».

– Страсть это, – отвечала Оля. – Кто-то собирает деньги, кто-то – одежду. Люди пьют, курят, обжорствуют или, наоборот, служат «культу тела». Страсти маскируют... – она хотела сказать «ужас жизни», но смягчила: – смыслы бытия.

Несколько недель назад, проснувшись рано утром, она долго лежала в постели (был выходной), перебирая дела предстоящего дня. И вдруг почувствовала, как от неё будто «отодвинулось» прежнее. Это было похоже, как если бы на реке начался ледоход. Огорошенная, Оля села на постель. Словно граница пролегла для неё, и прежние, «уплывающие» желания показались обманными, призрачными. Она ощутила укол грусти – будто в этот миг что-то безвозвратно потеряла, утратила в себе.

А сестра рассуждала:

– Я Арише (дочери) говорю: тебе тётя Оля отдаёт свою кухню. Ну возьми ты эти шкафчики! На первый случай... Какая разница, что там у тебя в новостройке будет висеть?! Выкинешь потом или таджикам отдашь. Нормальная кухня, – сестра показывала на шкафчики рукой.

– Да, – соглашалась Оля.

– А она мне говорит: «Я сама знаю, как мне поступать и что брать!» Вот ты можешь представить, чтобы мне мать что-то говорила, а я не сделала?!

«Интересно, – думала Оля, – нравится ли маме такая погода? Видит ли она нас сейчас оттуда, из другого мира? Как мы чай-кофе пьём?»

Сестра наставляла:

– Ты меня не провожай, опять под дождь, промокнешь, время потеряешь.

– Ничего не потеряю, – смеялась Оля. – Может, мне за эти два часа – до вокзала и обратно – потом там побольше начислят, – она кивнула на потолок.

И на вокзале шёл дождь. Встрёпанные как воробьи, пассажиры прятались под навес над перроном. По-деревенски пахло угольным дымом – он вился над мокрой спиной длинного состава; нарядные и торжественные проводники в синих плащ-накидках проверяли билеты.

Они прошли внутрь вагона, в темноте нашли 15-е место, сели. Сестра уже мысленно была в пути и как бы «отъединилась» от Оли. Новая вишнёвая шляпа грустно лежала на столе.

– Возьми себе, – сказала сестра. – Куда я её буду носить в деревне? В куриный сарай, что ли?!

– Нет, – отказалась Оля. – Будешь смотреть на неё, вспоминать Москву.

Домой она возвращалась в холодных сумерках. Дождь прошёл. Золотыми свечами отражались на влажных тротуарах фонари. Медленно, как единый организм, двигался плотный поток машин по шоссе, весь прошитый тревожно-кровавым пунктиром стоп-сигналов. И, скрытое от всех, мерно стучало её тревожное сердце, запечатлевшее дождливый день той счастливой осени.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ГРУШ

Она проснулась рано, под громкое тиканье секундной стрелки: двое настенных часов шли вразнобой, и время будто капало с тяжёлым, твёрдым стуком. Всё тело болело, каждая косточка ныла, а в мышцах накопилась тягучая усталость.

Панцирная сетка на старой кровати провисла, так что Зося лежала неудобно, дугой.

«Рано заснула, а не выпалась...»

И тут же перед ней встал в полный рост предстоящий день, и она сначала вздохнула, а после расхохоталась, вспомнив свои неурядицы.

В первый же день по приезде она наткнулась на ржавый гвоздь, во второй – кашляла от трухи и пыли (носила сено на вяхире), в третий – слесарили, чинила дробилку для зерна, сбила пальцы, с натугой откручивая прикипевшие гайки.

Но главное – земля! Она здесь была своевольная, рожала сколько хотела и когда хотела или вдруг скудела ни с того ни с сего.

Земля имела притяжение, силу. Она то безжалостно отторгала, выбрасывала людей в города, где они устраивали «тараканьи бега» по асфальту и бетону, а то вдруг властно призывала к себе, и всегда это была чрезвычайщина – похороны или крестины, крушение жизни или её излом.

Здесь, на земле, пластом лежали груши и сливы, орали голодные коты, куры деловито гребли ямы у сарая, вились надоедливые осы, больно жалили поздние мухи.

«Отчего же так ломит тело? Неужели от лопаты?»

– Приезжай, – кричала в трубку сестра, – будешь с грушами бороться. А я – всё...

Ну всего-то две груши она и припомнила (оказалось – три). Зося никогда никого толком не слушала, поступала как вздумается, жила своим разумением. В родительском доме была давно, захваченная карьерной гонкой в большом городе. И, когда сестра ей угрожала грушами, она ей не сильно верила.

Зося вошла во двор и ахнула – груши лежали пластом. И сливы. Но сливы отца не очень волновали. А именно груши.

– Как ты тут с ними будешь бороться?.. – вздыхал он. – Не знаю!.. Давай их на сушку, что ли. Это быстрее.

По телевизору показывали учения. Били миномёты, ползли танки, истребители закладывали виражи. Время было восемь вечера, а глаза у неё слипались от усталости. Генштаб привёл войска Центрального округа в полную боевую готовность: выезжали из ангаров БТРы, вырубали штурмовики, бойцы разбирали автоматы из оружейки.

– Видишь, дело к войне, готовятся, – внушал отец.

Зося и сама думала, что дело к войне. Хорошо хоть малина отошла, но груши, сливы и яблоки – всё в таком изобилии и в один год она не могла припомнить.

Обсуждали с отцом, что лучше – повидло, сок? Варенье, сушка? Жара, кстати, стояла выше тридцати, и это в сентябре.

«С вами Мария Ситтель и Александр Кондрашов, в эфире «Вести», – бодро говорил телеведущий.

Зося с ужасом чувствовала, что заснёт прямо сейчас, сидя на стуле, голова её предательски клонилась вбок.

– А они что ж, поженились? – заинтересованно спрашивал отец. – Видишь, их всё время вместе показывают.

– Не знаю, – бормотала она, внутренне улыбаясь.

Зося сегодня ещё и на рынке побывала. Сестра купила папе носки. Перед тем, как надеть, он вычитал на этикетке, что носки – женские. Наотрез отказался их носить, мол, что это такое, давай мне нормальные, «а в бабьих пусть сама ходит».

На рынке Зося встретила тётю Маню, та ей поведала:

– Я ж хату свою продала, с Лазоревки уехала, теперь перешла к дочери, буду у неё жить. Годы..

– Да, годы.. – вздохнув, солидно поддакнула Зося.

– Годы, – хихикал отец, выслушав отчёт о встрече с роднёй. – Она на 17 лет меня моложе! Я в её возрасте и не вспоминал ни про какие годы.. А ты чё ж, уморилась, что ли?

– Нет, – Зося пыталась мобилизовать в себе боевой дух и резко мотала головой, прогоняя дрему. – Это акклиматизация!..

– А-а-а, понятно, – папа недоверчиво всматривался в неё.

Груши падали с глухим или звонким стуком и производили целый переполох, когда катились по железу крыши или скатывались в сваленную кучу лома – проволока, листы старой кровли, детали от трактора. Отец собирал в хозяйство всё, вплоть до гвоздя на дороге, это была привычка, выработанная временами величайшего дефицита, когда всё надо было «доставать» с огромными трудами – доски, шурупы, гайки, уголки, обрезки труб.

Груши падали, и казалось, кто-то большой и опасный ходит по крыше, что-то ищет и не находит.

У папы была двухнедельная путёвка в Дом ветерана, сестра уехала к дочери в Краснодар. Зося осталась одна – с котами, с курами, а главное, с грушами.

Перерыв в этой гонке наступил внезапно – пошёл дождь, избавив её от полива огорода.

На открытой веранде Зося долго смотрела вдаль, на умытые, освежившие окрестности. Небо было всё так же прекрасно – нежно-розовое, а выше – оттенки сливового, густо-серого, прозрачно-голубого.

И вдруг... Ей показалось, что небо стало ниже. По сравнению с прошлым её приездом.

«Я, что ли, выросла? Или зрение так село?»

На следующий день она ещё раз внимательно, как будто была ревизором, осмотрела окрестности. И окончательно убедилась: да, небо стало ниже.

«Дурь какая-то... Глупость. Нормальные женщины смотрят в зеркало, с морщинами борются. А я в небо... Тоже мне, астроном без трубы».

За резкой груш Зося думала о своей жизни. Нет, живи она здесь всё время, она бы давно погибла!.. Слишком властно забирает земля человека, слишком большого терпения требует от него. А Зося – давно горожанка, изнежена кабинетной работой. Но и без живописного двора, без выматывающего силы огорода (от жары земля была каменной) она бы тоже, наверное, сгнула, потеряла себя. В «послушаниях» крестьянского труда заключалось что-то глубокое, тайное, до которого она никак не могла добраться. Родина – больше, чем родные. Хотя родные – часть родины.

Груши – Зося точно помнит с прошлого приезда – были дички, твёрдые и невкусные. И вдруг – лысенковщина какая-то, перерождение, она никак

не могла в это поверить – груши стали сочные, сладкие, с терпким, богатым вкусом. Знатные груши, ни на какие другие не похожие.

Как это понимать?! Почему небо стало ниже, а груши – слаще?

Почему в юности ей принадлежал весь мир (а из дорогих вещей у неё было только два платья – в горошек с белым воротничком, приталенное, и голубое, с васильками, летучее), а теперь, когда она что-то нажила, заработала, всё будто бы стало чужим, условно-доступным. Точно так и время: раньше год казался громадным, длинным, а теперь – коротким и быстрым, как заячий хвост.

То ли она втянулась в работу, привыкла, то ли погода менялась, но сегодня Зося не свалилась в сон к девяти часам, а наконец-то вышла вечером на крыльцо – постоять в раздумье. Груша, что росла у колодца, походила на новогоднюю ёлку – в её ветвях блистали крупные яркие звёзды, а у подножья россыпью лежали плоды, и от них, казалось, исходило драгоценное, золотое свечение.

У Зоси болит нёбо – она обожгла его сливовым повидлом. Болит палец – прищемила дверью. На другой руке – огромная мозоль, набитая ножом.

Нежный и тревожный ветер налетел, коснулся крон деревьев, её лица и – умчался. Тихо. Дышит земля, россыпь далёких звезд, тонкий, едва уловимый аромат – это прощально цветут астры у крыльца.

И вдруг – бах! бух! Грохот железа, кошачий ор. Зося аж вздрогнула: что это?!

Ах, да, это же груши..

– Ну вы что? – сказала она вслух. – Неужели нельзя ещё денёк повисеть?.. Вы же видите, я всё делаю, что могу, но – не успеваю!..

Теперь она разговаривала с яблонями и с грушами, с огородом и колодцем, с котом и печкой. Бывали, конечно, и люди. Приходила почтальонка с районной газетой, где поздравляли с юбилеями пятилетних детей и бодрящихся пенсионеров, а ещё было много некрологов и местной рекламы; приезжал проверяющий по газовым плитам, бегло глянул на счётчик; и вот теперь у неё на лавочке сидел сосед Бузов и проповедовал учение о конце света.

Зося вскапывала грядку за двором, а Бузов, наскучивший на хуторе (он занимался фермерством, держал бахчу), цитировал ей с пространными толкованиями Библию. Сосед был баптист и не терял надежд обратить её в свою веру.

Она его слушала вполуха (про мор, голод и число зверя) и отвечала дипломатично:

– Сколько проживу, столько и проживу. Что людям, то и мне.

Внешне Бузов давно на себя махнул рукой: футболка и штаны на нём грязные, небритый, щетина седая, волосы вихрами, давно не стриженные. Глаза воспалённые, один заплыл кровью – лопнул сосуд.

– Травят нас! – сосед перешёл к доказательной части своей речи. – Самолёт пролетел, чем-то обработал подсолнух цветущий, к вечеру все пчёлы подошли. У меня два улья было, для себя держал. Это как понимать?.. Магазины мелкие все разорились, а в сетях торговых ты правды не найдёшь. Мясо купил, стал варить, пена из кастрюли на полметра полезла химическая. И ты понимаешь, ничем не пахнет!.. Мясо как картон, без вкуса. Ударно идём к утилизации.

Зося вспомнила, как она смотрела на небо и чуть не проговорилась о своих наблюдениях, но вовремя удержалась. «Ещё подумает, что не в себе, умом тронулась в деревне от одиночества. Допомогалась!..»

А вслух сказала:

– Зато груши домашние, сливы пристроить некуда. Никто и даром не берёт, такой нынче урожай. Жалко, пропадут же.

– Жалко! – взвился Бузов и с остервенением затоптал окурки. – Вот тебе падалицу жалко, курицу жалко, небось, и букашку жалко. А им, – он мотнул головой вверх и вбок, – никого не жалко! Попомни моё слово: эти скоты загонят нас в концлагерь! Будем в очередь за пайкой стоять. Умолять на коленях, чтоб покормили.

Бузов говорил с такой страстью и злобой, что Зося сжалась от его слов, как от ударов. Она чувствовала себя виноватой. Как будто от неё тоже что-то зависело – в мировом масштабе.

И тогда она сказала, как оправдалась:

– А я детям говорю: девочки, люди рождены для счастья. Надо жизнь вокруг себя делать счастливой.

Утром она пила на кухне чай, смотрела во двор, на опустевший и почти вскопанный ею огород – чёрный, ровный. За ночь на землю упало несколько светло-зелёных яблок – ветка с огромного соседского дерева нависала из-за забора. Яблоня была зимней, а плоды крупные, с кулак, и твёрдые как камни.

Зося думала о ближайших делах: надо всё перестирать до отъезда, собрать, ничего не забыть. Вдруг краем глаза она поймала какую-то аномалию, ненормальность за окном. Присмотрелась. Из-под соседского забора медленно стала выдвигаться длинная палка – черенок от граблей. Этим орудием дед Судаков – больше некому, молодые-то на работе! – попытался захватить одно из яблок и подкатить к меже.

Занятие требовало немалой сноровки и терпения, но дед не собирался отступать.

– По справедливости, поскольку яблоки упали на нашей стороне, они должны нам принадлежать, – комментировал отец по телефону, когда Зося вечером докладывала ему новости. – Потому как яблоня у забора посажена, ствол у неё мощный, корни высасывают влагу и полезные вещества с нашего огорода. И он закон знает, что яблоки – наши. Но не связывайся, не ругайся – пусть берёт.

– Да я и не собиралась, естественно...

– У меня и зубов нет их грызть, – пояснил причины своего великодушия отец.

Сестра, узнав про подкатывание яблок, негодовала:

– Он и меня выслеживал, вдоль забора крался! Я как со двора выйду, он шаст за этими яблоками!.. Да зайди ты в калитку при мне, спроси: можно яблоки забрать?.. Нет, это ж умалит его достоинство. Поэтому будет весь день под забором лежать и тайно их выкатывать. Хотя дома – полные сундуки добра. И всё мало!.. Вот кому надо было олигархом родиться.

Батарея банок сияла новыми крышками. Плотный набитый мешок с сухофруктами темнел в углу кладовки. Пучки высушенных лекарственных трав развешаны по стенам.

Ну, вот и всё!..

Она ждала междугороднего автобуса на остановке, а молодая мама везла в коляске двух сыновей, один, совсем маленький, лежал, широко открыв чистые, сообразительные глазёнки; а второй, годок, стоял в коляске, держась одной ручонкой за ограждение, а другой махал прохожим. Да так открыто

и доверчиво, что невозможно было ему не ответить. Светлый чубчик, улыбочивое лицо – мальчик в новеньком матросском костюмчике. И такой доброй радостью и благополучием веяло от этой семьи, что Зося долго, пока они не скрылись в конце улицы, смотрела им вслед.

Потом она ехала мимо строя молодых кривеньких берёзок, обещающих вырасти через много лет в основательные и мощные деревья, мимо полей, будто расчёсанных гигантским гребешком, мимо зеленей, таких ярких на фоне сумрачного дня. Ехала мимо домиков и домишек с новыми яркими крышами и заборами из металлического профиля, мимо придорожных кафешек, гостиниц, автосервисов, магазинчиков – всех этих «Путников», «Комфорт», «Чимкентов», «На дровах»... Ехала мимо щитовой дорожной рекламы с фотографиями новых комбайнов и сеялок, видела дальние перелески, грядки вспаханного чернозёма, и всё это проносилось быстро-быстро, так что невозможно это было вобрать в сердце – и одинокую сороку, летающую так, будто она баловалась, меняя «эшелоны» и лихача от избытка сил; и дальние дали, по которым, кажется, иди сейчас пешком – и охватит отчаяние от невозможности дойти до цели...

Грушевого варенья она везла с собой немного – тяжело, на руках особо не унесёшь. Но всё равно несколько мини-закруток на подарок поберегла. Для самых близких друзей.

– Это чаванпраш (чудодейственное лакомство из Индии), кладовая здоровья, – говорила она и, видя, что ей верят, поясняла: – Ну, почти. Изготовлено лично мной по уникальной рецептуре в экстремальных условиях. Сила земли, солнца и немножко неба. От всех напастей и болезней. Во избежание привыкания – на завтрак не больше двух чайных ложек. И, вкушая, пожалуйста, будьте счастливы!

Как ни странно, варенье действительно помогало перемочь простуду. У Зоси потом ещё его спрашивали, но закрутки быстро разошлись.

А грушевого года больше никогда не было.

**Юрий
ТАТАРЕНКО**

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

СТОЯНКА ПОЕЗДА

Садится зарядка. И сырники тают во рту.
И только метель набирает в ночи обороты.
И ложка в стакане моём – часовой на посту:
Весь день охраняла пакет, где твои бутерброды.
И хочется в трубку кричать: «Кто он? Вадик, Олег?
Зачем он тебе – непростой, несмешной, ненадёжный?..»
Под нижнюю полку забился мужской интеллект.
И странно глядит проводница на термос таёжный.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Хлеба нарезать и тем же ножом – колбасы.
Лень доставать из пакета печенье и сушки.
Радио сделать погромче – поют «Верасы».
Вспомнить, как ты танцевала босая, в ночнушке.
Обматерить законную зимнюю тьму.
Взять «Комсомолку», где пара певцов на обложке...
Так непривычно пить чай без тебя, одному!
Кажется, сахара снова две лишние ложки.

ЧЕМОДАННОЕ НАСТРОЕНИЕ

В субботу закончились деньги и лето.
А где-то тепло, премиальные где-то...

Царапает зеркало ливень осенний.
И нету желающих на воскресение.

-
- Юрий Анатольевич Татаренко родился в 1973 году в Новосибирске. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов и фестивалей в Москве, Одессе, Симферополе, Ярославле, Калининграде, Кирове, Томске, Туле, Мурманске, Уфе, Санкт-Петербурге, Полоцке, Льеже. Победитель поэтических турниров в Красноярске, Томске, Новосибирске, Коктебеле, Севастополе. Автор 9 книг стихов. Публиковался в литературных журналах и альманахах России, Украины, США, Германии: «Арион», «Нева», «Новая Юность», «Юность», «Литературная учёба», «Кольцо А», «Сибирские огни», «День и ночь», «Бельские просторы», «Паровоз», «Наш современник», «Традиция и авангард», «Плавучий мост», «Дружба народов» и др. Работает журналистом. Соброр «Литературной газеты». Живёт в Новосибирске.

В блокноте зачёркнута Галя Сизова.
Уложены брошки на бархат сезона.

Вагоны закрыты. Толпа на перроне.
Хоронят панаму. Купальник хоронят.

В пижаме ли, в тройке – достойно потеем,
Враждуя с находкой, смиряясь с потерей.

Стараются тучи – с утра при параде –
Частицу себя разглядеть в листопаде.

ЧЕТЫРЕ ЧАЯ В ПЕРВОЕ КУПЕ

Вот и первый облом: проводник – старый дед из тувинцев.
«Цель поездки?» – сурово спросил у меня одного.
Расскажу пассажирам про литсеминар с Ягодинцевой.
Выпускница мехмата отрежет: «Стихи – баловство».
Что ответить мне, братцы, на сей приговор Пастернаку,
И Есенину, и Мандельштаму, и много кому?
Прочитаю Кабанова – ночью, вполголоса, внаглуую –
И добавлю, что снова недорого было в Крыму.

ПРИТЯЖЕНИЕ

В Тюмени всегда луна.
В Барабинске вечна рыба.
Приехали, пей до дна.
Я понял, за всё спасибо.
А поезду дальше быть.
И ветру собой гордиться.
Она ждёт его любим.
Его ждёт назад столица.
Из школы вернулась дочь.
Таджики стригут газоны.
В России повсюду дождь
И счастье за горизонтом.

ДВОЕ НА «ВОЙКОВСКОЙ»

Маленький город оставлен на тридцать часов.
– Ты переедешь?
– Не знаю. Пока не могу.
Губы немели. И час оставался на сон.
Ей – в электричку.
Его отправляют в Юргу.
...Слово «тук-тук» отыскалось у рельса внутри.
Где бессердечные буквы –
Там смятый листок.
Что интересного может присниться в Твери?
Надо проверить.
Но поезд идёт на восток.

ОСЛОЖНЕНИЕ

Ознобно. Темнота. Ни звука.
И – крест на мейлах и вотсапах.
Обыкновенная разлука.
Диагноз ставят на вокзалах.

Надсадный кашель телефона –
Психосоматика плацкарта.
Досадный промах на полтона
В грудном ритмичном пиццикато.

Горячий палец на запястье.
И что-то заживёт до свадьбы...
И у водилы медсанчасти
Вдруг вырвется: «Не опоздать бы...»

СОБРАННЫЙ ЧЕМОДАН

Захлопнута книга. И сразу не стало любви
У Вронского с Анной,
У августа с креслом-качалкой.
И дождь морозящий играет с окном в «селяви»,
И счастливы грядки с капустою белокочанной.
И просятся в поезд айфон, ноутбук и блокнот,
И всё же за старших все трое останутся дома...
И дочь-семиклассница вилку в розетку воткнёт,
И вздрогнет закладка в начале девятого тома.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Ровно сутки пути не на скором.
Пассажирском? Да вроде того...
У земли за румяным забором
Не с закатом – с дорогой родство.
А ты ищешь родства с облаками
За слегка дребезжащим окном.
И разводит попутчик руками:
Извини, не запаса вином...
Отдаляется поезд от Крыма,
Приближается к звёздной родне.
И зачем-то тушёнка открыта,
А гляди-ка – осталось на дне...
Се ля жизнь. Аритмией задорной
Недоволен купейный ковёр,
И мальчишка с трубою подзорной
Утаил, у кого её спёр.
Налюбуешься небом весенним,
Громко скажешь: «Пора на покой».
И не ясно, как в песне, соседям,
Почему я весомый такой.

КОНЕЦ ОКТЯБРЯ

Из Братска написать родному брату
 Логично вроде – только вот о чём?
 О том, что ночь подобна реферату
 «Как разводить кусачих белых пчёл»?
 О том, что двадцать первый век – советский,
 Но только без учебников и книг?
 С вахтовиками выпить по-соседски
 Уговорил нетрезвый проводник.

ТАЙШЕТ

Мы прибыли на двадцать первый путь.
 Я думал, их так много не бывает.
 Рябины гроздь – как следы от пуль.
 Здесь наготове держат неба вату.
 Здесь осень – не по правилам игра.
 И смайлики – безжалостней ОМОНа...
 И разобьётся вдребезги экран
 Подаренного в пятницу айфона.

ОКТЯБРЬ. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Семь часов до Читы.
 Все вагоны пусты.
 Наполняется кружка «Тархуном».
 Не тревожить руды.
 Просто жить вдоль воды.
 Синева – то, что делает юным.
 Обогнули Байкал.
 Водки просит рука.
 Сопки требуют криков с вершины.
 Поезд молча идёт
 Мимо слов, мимо нот,
 Мимо плача пожарной машины.
 За окном Селенга
 Не пустилась в бега.
 Поседела до снежных повесток.
 Всё готово к весне.
 И до кладбища мне –
 Пара сотен недельных поездов.

НИЖНЕЕ БОКОВОЕ

Поезд едет – да мимо вайфая.
 Мимо леса, кустов и травы.
 И дорога, как строчка, прямая –
 Если не поднимать головы.
 Мною издали интересуюсь,
 Звёзды искоса смотрят в окно.
 «Обнимаю, целую, люблюсь».
 Не отправлено. Но прочтено.

СОН

От Уфы до Москвы –
Не страшнее, чем пара ночей.
И в пустое купе
Пассажира втолкнёт проводница.
На искусственной коже
Растают следы от ногтей.
Под колёсами рельсы.
И этот секрет сохранится.
Звёзды царственной – в профиль.
И замерло счастье анфас.
И рука затекла,
Не способная шёлк от вельвета...
Пофонарь мне в лицо.
И не бойся зажмуренных глаз.
И запомни меня
В тишине отведённого света.

**Редакция журнала «Волга–XXI век» поздравляет
замечательного поэта Юрия Анатольевича Татаренко с юбилеем!**

Лариса
КАЛУЖЕНИНА

НИЩИЙ

Проехала Снегурочка на тракторе, в голубой шубке со звёздами, с накладной белёсой косой. Сама управляла машиной, и публика по обеим сторонам площади оживилась. И тотчас вслед за ней прогремел по замёрзшим плитам отряд конников, в странных каких-то свитках, с пиками в руках. Малышка, отцова любимая пятилетняя Лидочка, не только что целого конного отряда, но и одной живой лошадки в жизни не видевшая, во все глаза уставилась на необычную кавалькаду. Но всадники протрусили бодро и в хорошем темпе, а вслед за ними возникла огромная конфета, которую везли на открытой платформе. На картонном боку сладости красовалось имя известной конфетной фабрики. Городские предприятия шли новогодним маршем по главной площади страны. В конце парада весёлой колонной прошествовали деды морозы и снегурочки. Им хлопали, но больше всё-таки снимали на видео и не хотели расходиться, хотя последний Дед Мороз уже скрылся из виду где-то в районе Главпочтамта.

Денис посмотрел на дочь. Лидочка стояла, держась за руку матери, ещё не веря, что всё закончилось, всё ещё ожидая новых чудес.

– Пошли, – сказал Денис жене. – Холодно, ещё простудим Зайца. – Так он называл вторую, любимую свою дочку. Старший сын его от первой жены был совсем взрослый, жил на отлёте, отдельно. Второй же счастливой его семьёй был он сам, Денис Пирогов, доцент кафедры лексикологии, жена Юлия, бывшая его студентка, и пятилетнее их чудо, малышка Лидочка.

Огни у входа в католический собор здесь же, на площади, светились приветливо, и оба решили зайти туда погреться,

-
- Лариса Анатольевна Калуженина родилась в г. Тбилиси. Окончила Государственный лингвистический университет в Минске, отделение испанского языка. Ещё на 4-м курсе начала писать для Агентства печати «Новости», где после окончания вуза проработала в течение двух лет в качестве референта и одновременно писала материалы как журналист. В 80-е годы работала на Кубе переводчиком с испанского языка. В 90-е годы возглавляла первый республиканский независимый экономический журнал «Деловой вестник», трудилась в «Экономической газете». Публиковалась в журналах «Неман», «Наш современник», «Волга–XXI век», «Новая Немига литературная», «Латинская Америка», коллективных сборниках прозы издательства «Мастацкая літаратура». Автор книги «Приключения кота Зелёнкина» (2020). Печаталась во многих странах мира, включая Германию, Чехословакию, Польшу, Кубу, Японию, США. В 1984 году вступила в Союз журналистов СССР, а в 2021 году – в Союз писателей Беларуси и в Союз писателей Союзного государства Беларуси и России.

посмотреть. Был католический Сочельник, и все скамьи в костёле были заняты. Люди толпились в притворе, стояли в проходах. Приглушённый шум толпы прихожан и таких же, как они, случайных посетителей наполнял всё огромное пространство костёла.

Очень скоро началась рождественская служба в честь вифлеемских пастухов, первыми из людей узнавших о рождении Христа. Сразу же по обеим сторонам, высоко на стенах возникли два огромных экрана со словами рождественских гимнов на польском языке. В обычные дни – Пирогов слышал – службы здесь шли на белорусском. Он огляделся по сторонам. Люди пели молитвы, но видно было, не все уверенно выговаривают слова, многие польского не знают. Они ещё постояли, послушали немного и стали осторожно пробираться к выходу. Денис взял дочку на руки.

Крещённый православным батюшкой ещё ребёнком, в церковь Пирогов заглядывал редко. По особым, как он считал, случаям. Через пару недель и у них, православных, настанет Рождество, праздник, который как-то по-особому чувствовался им в последние годы. Что-то витало в воздухе в рождественские дни, а что, он бы не взялся определить.

– Ты заметила? – спросил жену. – Заметила, как перед началом службы, когда вдруг погас свет и всё погрузилось в темноту, заметила? Как будто первичный хаос перед сотворением мира или тёмный мрак перед рождением Христа. Правда интересно католики придумали?

Вышли из собора. Их встретила опустевшая площадь, холодная, без снега, который что-то не торопился в этом году. Стылая морось и ветер, пронизывающий до костей.

Он стоял не на паперти, а как-то сбоку от входа. Длинный, худой, в лёгкой куртке с опущенным капюшоном, с беспомощно торчащей из куртки голой, без шарфа, шеей. При виде незнакомого мужчины с ребёнком на руках неуверенно протянул руку:

– Подайте на проезд.. – И запнулся.

Пирогов посмотрел. Лет восемнадцать, а то и меньше. На алкоголика не похож, на наркомана не похож. На кого похож? Он опустил Лидочку на землю.

– А сколько тебе надо? Куда тебе ехать?

– В N., – парнишка назвал город, километров в шестидесяти к югу от столицы.

«Может, врёт?» – подумал Пирогов. N. был крупным железнодорожным узлом, его все знают.

– Ты там живёшь? – спросил.

Парнишка кивнул. Он ещё раз посмотрел на нищего и повернулся к жене: «Забирай Зайца, иди к матери, корми дочку, а я тут... – помедлил, – я не задержусь».

Тёща Пирогова была его ровесница, даже родилась с ним в один и тот же месяц с разницей в четыре дня и жила здесь же, в центре, одна в большой квартире.

– Пошли, – сказал нищему, – пошли на вокзал, куплю тебе билет.

Купили билет на электричку, до которой оставалось больше часа.

– Есть хочешь? – спросил Пирогов.

Парнишка кивнул.

– Ну, здесь, на вокзале, еда так себе. Но есть кафе недалеко, там лучше будет.

В кафе было получше. Приятно и тепло, горячая еда и вкусные чаи. Но Саня, так парень назвал себя, хотя и видно было – голодный, ел нео-

хотно, как-то машинально проглатывая кусочки бифштекса. Только чай ему понравился. Выпил целую чашку.

– Ещё будешь? – спросил Денис.

– Не-а, – и опустил глаза, – спасибо.

Они вышли из кафе и вернулись на вокзал.

«Остаться с ним, посадить на поезд и только тогда уйти? – размышлял Пирогов. – А вдруг всё враньё и ни в каком N. он не живёт? Выскочит на первой же остановке и опять вернётся к собору, на паперть. Зачем ему деньги? Зачем?»

– Слушай, друг, – сказал ему, – у тебя ещё (достал телефон, глянул на часы), у тебя еще сорок пять... сорок четыре минуты до отправления. Пошли покурим, что ли.

– Я не курю, – сказал Санька.

– Я тоже, – улыбнулся Пирогов. – Тогда просто на вокзале в тепле посидим до поезда.

Вопрос: «Как же дошёл ты до жизни такой?» – всё время вертелся у него на языке, но он себя осаживал. Лезть в душу к человеку под маской благодетеля было как-то противно. Но Санька, Александр Кузин, студент первого курса строительного колледжа, сам разговаривался, когда они поднялись по эскалатору на второй этаж и уселись в зале ожидания.

Он был влюблён. Остро и безнадежно и, наверное, в первый раз по-настоящему, как определил для себя Пирогов. Но девушка его уже год жила в столице. Уехала. И домой приезжать почти перестала. На праздники вроде обещала. Он позвонил, а она не стала с ним говорить. Тогда он приехал сам. И пришёл к ней в супермаркет, где она сидела за кассой. Народу там была тьма. Он взял шоколадный батончик и встал к ней в очередь. Но она пробила чек за батончик и сказала: «Следующий!» Узнала, но виду не подала. Он вышел из супермаркета и стал кружить по городу, который знал плохо, всё шагал и шагал по незнакомым улицам весь день до вечера, до ранних сумерек, пока не оказалось: денег у него на обратный билет нет, потому что карточки нет. То ли спёрли, то ли сам где-то её посеял, и как теперь добираться до дома, неизвестно. Денег там было немного, но он совсем растерялся. Увидел собор и стоял у входа, не зная, что делать. Люди входили и выходили. Никто не обращал на него внимания. А потом он увидел Пирогова, жену его и дочку...

Через полчаса Пирогов тоже шагал пешком до тёщиной квартиры, до которой, по счастью, было не так далеко. Машину его уже несколько дней переобували в зимнюю резину, и он ездил на работу в автобусе, всякий раз ощущая при этом какой-то зудящий внутренний протест.

– Машины уже не в моде, – заметил недавно его приятель на кафедре, Пархимчик. – Имею в виду машины класса «люкс».

– А что в моде?

– Лошади.

– Какие лошади?

– Породистые. Кони.

– А где же их держать в городе, на пятом, на десятом этаже? – удивился Пирогов.

– Зачем на этаже? В собственной усадьбе.

– Это те, что по окраинам? Так там весь участок из конца в конец переплюнуть можно. Где городить ещё и конюшню?

– Серьёзные особняки с хорошим участком, – многозначительно уточнил приятель.

– Ну ладно, у них теперь мода на коней. Завтра введут моду на верблюдов. Что, будешь мечтать о персональном верблюде?

– Завидуешь? – Пархимчик прищурил левый глаз и многозначительно посмотрел на Пирогова.

– Чему? Большим деньгам?

– Завидуешь! – расплылся от удовольствия Пархимчик.

Но Пирогов только передёрнул плечами и ничего не ответил.

Теперь он шёл по промёрзшей улице и думал о сыне. Двадцать шесть. Не женат и не собирается, хотя своя квартира, сам заработал. Четверо их, приятелей, все хорошие кулинары. Трудятся всю неделю в офисе, а по субботам собираются вместе, вкусный ужин готовят по очереди и сидят, попивают вино, всё критикуют. Всё не нравится. Брюзжат как старики. И не похоже, чтобы у них (тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить) свой гей-клуб подобрался или ещё что-то непотребное. Нормальные резонёры. Холостяки. Пирогов заглянул туда раз непрошеным гостем и горько о том пожалел. Как-то все сразу увяли при его появлении. И сын увял. Вышли вдвоём в прихожую. Он что-то спросил у сына для виду. Тот ответил равнодушно. Было заметно, что только о том и мечтает, чтобы отец побыстрее ушёл. Отрочество его и ранняя юность пришлись на нервный, затяжной развод Пирогова с первой женой. Столько лет прошло, но вот поди ж ты.. Пирогов достал чип от входного замка тёщиного подъезда.

– Что вытворяют! Мадагаскар! – встретила его Снежана Маркеловна и стала, показалось Пирогову, как перед камерой, в новых модных брючках. – Сами, что ли, не могут у себя в Гродно штаны пошить?! На Мадагаскаре заказы размещают! Я смотрю в примерочной, вроде всё в норме, и на лейбле всё мелким шрифтом. Пришла домой, а это, оказывается, мэйд ин Мадагаскар!

– Мам, ну какая разница, – сказала Юля, – сидят же хорошо.

– А где это – Мадагаскар? – не унималась тёща. – Денис Ильич, вы в курсе?

– Возле Африки, остров. Вы ребёнка кормили?

Они ещё посидели немного и засобирались домой. В прихожей, пока Юля одевала Лидочку, Пирогов машинально взглянул на тёщу. С внучкой почти не сидит. Во-первых, у неё сайт – «Навыки развивающего рисования от года до пяти». Восемьсот семь подписчиков. Во-вторых, если всё-таки приходится, хотя и редко, отвозить к ней Лидочку, долго потом стонет и жалуется, что Лидочка – ребёнок резвый и шумный, ни минуты на месте не посидит.

– Бабушка моя, – вспомнил Пирогов, – как она с нами, с тремя внуками, управлялась? Родители с утра до ночи на работе, а она и не очень-то много с нами возилась, хозяйство же было на ней. Но как-то всё складно у неё получалось. Секрет такой они знали, наши бабушки...

И опять взглянул на тёщу. Лицо и вправду усталое. И брови зачем-то начернила. «Бабы! Куриный народ!» – подумал весело и, как был уже в пальто, в шапке, вдруг обнял её: «Дорогая моя, самая любимая на свете тёща!»

Они семьёй спускались по лестнице вниз, а Снежана Маркеловна, за годы общения давно привыкшая к вежливой отстранённости зятя, так и стояла столбиком у открытой двери, застыла в немом изумлении.

Их встретил снег. Большие, мягкие хлопья сыпали и сыпали с неба, на глазах укрывая тротуар, пожухлую траву двора, карусель на детской площадке. И весь большой город, и все поля и леса по обеим сторонам железной дороги, по которой резво катила электричка с немногими в этот час пассажирами, с дремлющим вполглаза у окошка Санькой, который хотя и намалялся за день и хотел спать, но боялся пропустить свою остановку.

**Марианна
ДАВЛЕТОВА**

ДЕДУШКА

Мы с бабушкой и дедушкой едем на дачу. Всю ночь не спала – боялась, что наутро пойдёт дождь и мы не поедем. Но погода ясная. Беру рюкзак, складываю туда самое необходимое.

- Вот какая умница! – хвалит дедушка. – Всё собрала?
- Куклу Таню, ведёрко и лопаточку, – отчитываюсь я.
- Самое необходимое, – гладит меня дедушка по голове.

В небольшом бидоне замоченные шашлык. Бабушка ещё взяла ведро для воды, чтобы набрать на колонке. У дедушки же большой рюкзак, туда он положил всё для рыбалки. По наклонной улице быстро спускаюсь вниз, к электричке. Бабушка и дедушка так не могут, идут медленно.

- Догоняйте! – кричу я.

На даче я сразу бегу к кустам малины. Бабушка дала мне кружку для ягод. А потом она налёт туда стужёнку, и я sloпaю эту вкуснятину за обе щеки.

Идём с дедушкой на рыбалку. Я сажусь на стульчик возле него.

- Рыбка, дедушка!
- Это ветер, Машенька, оттого кажется, что поплавок движется.

Мы сидим в полной тишине и смотрим на круги на воде.

- А расскажи историю, – прерываю я молчание.
- Про то, как волка в лесу встретил?
- Нет, что-нибудь новое.

– Ну хорошо, слушай. Как-то, помню, набедокурил, получил в школе сразу три двойки. Отец меня за них ругал шибко. И вот не знаю, что мне делать: идти домой или не идти? Как предсталвил, что отец меня журить начнёт, а мать снова расстроится, так и решил уйти из дома. Пошёл сначала на базар, купил там буханку хлеба, больше-то денег ни на что не было. Ну, думаю, проживу дня два, а там посмотрим. Кусок хлеба оторвал, попил воды

-
- Марианна Маратовна Давлетова родилась в 1984 году в Уфе. Публиковалась в газете «Истоки», в журналах: «Русское слово», «Бельские просторы», «Подъём», «Веретено», «Традиции и Авангард» (Москва), «Аврора», «Симбирскъ» и др. Лауреат нескольких литературных международных и всероссийских конкурсов. Участница семинаров молодых писателей в Оренбурге, Челябинске, Воронеже, Химках, Уфе, Липецке, Мурманске. В 2004 году вышел сборник стихов «Жди», в 2018-м – книга рассказов «Счастье в кармашке», в 2020-м – сборник стихов «Кусочки ткани», в 2021 году – книга повестей и рассказов «Иди ко мне».

из колонки – и дальше путешествовать по городу пошёл. Смотрел на дома, разглядывал людей, даже кое-что из своих наблюдений в тетрадь записал. Я ведь в детстве мечтал писателем стать. А вот теперь... Гляди – рыбка...

Дедушка вытаскивает из воды трепыхающееся чешуйчатое чудо. Он аккуратно кладёт рыбу в приготовленный садок и снова насаживает червяка.

– А что дальше, дедушка, куда ты пошёл потом? – не терпится мне услышать продолжение.

– Под вечер холодно стало, я стал думать, куда бы зайти погреться. Сначала в бакалейный магазин пошёл, постоял там немного, потом вижу: неподалёку церквушка.

Дедушка снова закидывает удочку в воду.

– Так вот. Я в эту церквушку зашёл, а там батюшка обряд какой-то совершает всем желающим. Выстроилась очередь. Я встал в углу. Тут ко мне женщина подошла.

– Ты вставай в очередь-то сынок, не бойся.

– Я и не боюсь, – пожал я плечами и встал в очередь.

И вот стою я и думаю: наверное, мать с отцом там переживают, что я домой не пришёл. А потом думаю: зачем им такой сын-двоечник?

Я вздыхаю и слушаю дальше.

– Дошла очередь и до меня, я последним оказался. Батюшка мне крест маслом на лбу нарисовал и спрашивает:

– Ты откуда будешь?

– Я с улицы Кольцевой.

– А что вид у тебя такой потерянный?

– Я решил странником стать, путешествовать, понимаете, одному лучше.

А дома меня ругают постоянно за двойки.

– Одинокий, значит?

– Одинокий.

– А как же ангел?

– Какой ангел? – удивился я.

– Тот, что на правом плече.

Я посмотрел на правое плечо – там нет никого.

– Ну ты поверь мне, сынок, он там есть. А на другом плечике чёртик сидит. Так что ты не одинок.

– Я не хочу чёртика, – сказал я.

– Вот-вот, – подмигнул батюшка, – так ты с ангелочком тогда поговори, расскажи ему, что тебе непросто. Ему-то тоже одиноко, забыл ты его совсем.

Дедушка молчит. Он снова вытаскивает из воды рыбу.

– И что потом? – волнуясь я.

– Потом помолился я перед иконами и домой пошёл. Иду, с ангелочком разговариваю. А он как будто мне даже отвечает.

Так до дома дошёл. Дверь мне отец открыл. И как обнимет меня:

– Сынок, ты где пропадал?

За ним мама стоит, тоже давай меня обнимать. А я смотрю на правое плечо – никого нет, а будто и есть там кто-то.

Вот так, Машенька, главное – не забывать про ангелочка своего, разговаривать с ним иногда. Я такой вывод сделал тогда.

Мы молчим, а сверху на нас капает дождик.

– Пойдём, – говорит дедушка, – а то промокнешь.

Мы отпускаем рыбок обратно в речку и идём домой.

Елена
КОНОВАЛОВА

НЕУТЕШНЫЙ СНЕГ

***

Ненастная ночь за окном,
И боль не чужая, своя,
Что где-то есть старенький дом,
Спасенье которого – я.

Потухшие пряча глаза,
Он тоже ночами не спит.
И ветры над ним голосят
Под ропот столетних раки.

Они оказались верней
Ушедших в другие края.
А блудных своих сыновей
Всё ждёт терпеливо земля.

Ненастная ночь за окном.
Но память осилит быльё.
Дождись меня, поле и дом,
В котором спасенье моё.

***

Всё тот же двор с калиткой хлипкой,
Дождей осенних перебор,
Ночного ветра вздохи-всхлипы
И неба звёздного простор.

-
- Елена Семёновна Коновалова родилась в 1970 году в с. Шапта Кикнурского района Кировской области. Окончила Волынский государственный университет имени Леси Украинки, Вятский государственный университет. 20 лет служила в Вооружённых Силах РФ. Участница всеармейских совещаний военных писателей в Москве. Живёт в г. Кирове. Член Союза писателей России. Выпускающий редактор ежемесячного литературного журнала «Ротонда». Пишет стихи и прозу. Публикации в журналах: «Московский вестник» (Москва), «Литера» (Йошкар-Ола), «Ротонда» (Киров), «Дрон» (Белгород), «Пять стихий» (Донецк); альманахах: «Вятка литературная» (Киров), «Рать» (Москва), «Парад литератур» (Москва), «Зелёная улица» (Киров), «Слово любви» (Барнаул), антологии «Армейские победные зарницы» (Рязань), сборнике «Память поколений» (Псков). Автор книг «Моё село на косогоре» (2015), «Белое на плечи – доброму навстречу» (2018), «По кромке осени» (2019).

Вот только я совсем иначе
Взгляну на поле, дом и лес.
И в дальнем журавлином плаче
Услышится мне плач небес.

Я в зарослях осины с ивой
Найти тропинку не смогу
И не услышу торопливой
Кукушки звонкое «ку-ку».

И побреду по бездорожью,
Виною, не вином пьяна.
Нам уповать на милость Божью
С тобой, любимая страна.

***

Жили или просто были?
Час за часом – сутки прочь.
По каким путям пылили,
Боль стараясь превозмочь?

Снились розовые дали,
И порой сбывались сны
От печали до печали,
От весны и до весны.

Птицей – годы, искрой – звёзды,
Белым снегом голова.
А в сердцах, как в птичьих гнёздах,
Неистлевшие слова.

***

Всколыхнёт полночная гроза
Памяти заветные пределы.
У тебя марийские глаза
И характер Орлеанской девы.

Невесомы годы-облака.
Замерев, стою в плену ромашек.
Есть места, наверное, и краше –
Я к тебе спешу издалека.

Утолю и жажду, и печаль
Ледяной водою из колодца.
Рассмеюсь – и песней отзовётся
Мне в ответ бревенчатая даль...

Сквозь лета пробьются голоса,
Сердцем сбережённые напевы!
У тебя марийские глаза
И характер Орлеанской девы!

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Есть в осени погожий день.
В нём запах солнечной опушки,
Грибные шляпки набекрень
И лай весёлый у избушки.

В нём луч, пронзив лесную сень,
Рассыпал на тропе веснушки,
И хмель развесил на плетень
Медовых шишек погремушки.

В нём синий ситец на окне
И свет в глазах как откровенье,
Любовь, рождённая во мне, –
Любви небесной отраженье!

***

Голос мой в суете не расслышат.
Тих и нежен, как шелест листвы,
На чужих, неотзывчивых лицах
Он свои не оставит следы.

Он высокое эхо разбудит
В чьей-то скованной мукой душе,
Чтоб, расправив поникшие крылья,
Вновь взлетела бы на вираже...

***

Струился неутешный снег
С небес, которым нет предела.
Я невозможного хотела –
Вернуть тепло в прозрачность век.

Немая опускалась ночь
На белоснежные страницы,
Стирая чёрной тушью лица,
И тьмы её не превозмочь.

Мне ведать было не дано:
У боли тоже край незримый,
Но явят милосердьё зимы
Душе когда-то всё равно.

Что было дальше? Я жила.
Вдыхая жизнь как запах хлеба.
И тайной милостыней неба
Однажды ночь моя ушла.

...По кромке осени иду,
Внимая снам опавших листьев,
И, от тщеты себя очистив,
Неслышно в зиму перейду.

***

Ещё ноябрь, и робок снегопад,
Но ткуются небом кружева зимы.
Душа моя как опустевший сад
И счастья просит у судьбы займы.

Желания – земны, мечты – просты:
Мне в сонме голосов расслышать – твой.
Как тонок лёд и призрачны мосты,
И невозможно обрести покой.

В круженье лет, заснеженности лиц
Разучимся друг друга узнавать.
Но я же помню: парой белых птиц
Дано нам было по небу летать!

Не сбудемся. А память сбережёт
Подробности невысказанных слов.
Я долг верну, но пусть она придёт –
Как первый день зимы – любовь.

***

Вчера за окнами мело,
Качали ели колыбели,
Качели старые скрипели,
А небо мглой заволокло.

И соснам мнились паруса.
О, как ветра их наполняли!
И сдаться шторму не давали
Матросов юных голоса.

А я стояла у окна
И ход часов не замечала,
Себе казалась пташкой малой
В мешке из грубого сукна.

Но замедлялась карусель,
И вихри снежные слабели.
И лишь задумчивые ели
Качали жизни колыбель.

***

В кладовой зимы довольно грусти,
С пылью снежной смешана печаль.
Верба плечи нежные опустит,
Кутаясь в подаренную шаль.
Над притихшей до поры рекою
Звонкая повисла тишина.
В серебре безмолвья и покоя
Снится вербе вечная весна.

СТАНЦИЯ ЗИМА

Холодно на станции Зима.
Небо снежно-пепельного цвета.
Но щебечут птицы без ума,
Песнями подбадривая лето.

Будут и погожие деньки,
И на ранах низовых пожарищ
Зацветут приметные жарки,
Солнышко почувствовав едва лишь.

Холодно на станции Зима.
Я в её необъяснимой власти
Вместе с птичьим гомоном сама
В первый раз с ума схожу от счастья!

А Зима останется Зимой
В летний зной и в танце листопада.
Ей, наверно, нравится самой
Имени морозная прохлада.

**Данила
КАТКОВ**

ОРУЖЕНОСЕЦ

Я верно служу ему, его добродетели и делу, его праву и точности.

Я подаю ему либо пику, либо перо, а он уже по своему усмотрению решает, как ими распорядиться.

Дилетанты давно уверились в однозначности применения этого оружия. И он, вне всякого сомнения, достиг искушённого совершенства во владении и тем, и другим, и продолжает оттачивать своё мастерство, делая его недостижимым для амбициозных крикливых новичков, которые остры лишь на язык, а когда дойдёт до дела, их выпады он отразит смеясь, играючи, в качестве разминки перед поединком с действительно достойным соперником.

А и сыщется ли сегодня такой?

Тем не менее мы всегда должны быть готовы исполнить свой долг, приняв на себя первый удар. Далее будет достаточно всего одного разящего укола или росчерка, который с изяществом, граничащим с небрежностью, он и исполнит.

За лёгкостью этой кроются годы упражнений, самоотречения и смирения страстей, служения избранному нелёгкому пути.

Но, помимо подобающей подготовки и неусыпного пребывания в состоянии абсолютной готовности к схватке, для успешного её исхода нужно иметь соответствующее оружие.

И в этом моя скромная, но ничуть не менее важная для общего вклада в нашу победу роль.

Я выбираю лучшее из того, чего может коснуться его рука.

Перо – очинено. Пика – наточена. И так всегда.

Остаётся лишь вовремя подать инструмент.

И тут люди недалёкие могут рассудить, что это и есть самая простая из моих обязанностей. Но как же далеки они от истины!

Покупка, содержание арсенала в чистоте, своевременная его заточка, обработка от ржавчины, поиски наиболее стойких чер-

-
- Данила Сергеевич Катков родился в 1983 году в Саратове. Автор романа «Секция лепки» («Перископ-Волга», 2019), повести «Неглубокие следы» (Эксмо, 2020). Лауреат грантового направления «Романист» (издательство «Перископ-Волга», 2019). Публиковался в литературно-художественном и публицистическом журнале «Урал» (Екатеринбург, 2022), литературно-художественном журнале «Волга–XXI век» (Саратов, 2019, 2021), в электронном журнале «ЛИterra» (2022), сборнике «Лучшие произведения VI международной литературной премии «Перископ-2022» (Волгоград, 2022), сборнике произведений современных авторов к 130-летию Михаила Булгакова «Мистический писатель» (Волгоград, 2021), литературно-публицистическом альманахе «Веретено» (Калининград, 2020), сборнике рассказов и малых повестей «Видимый свет» (Волгоград, 2019). Живёт и работает в Саратове.

нил, обладающих притом приятным запахом и благородным, не режущим глаз цветом, обязательная гравировка каждого предмета фамильным гербом – всё это ничто в сравнении с единственным, но в то же время самым главным моим действием: подачей правильного – сообразного моменту и противнику – оружия.

И он ценит меня именно за эту способность.

По молодости лет я изучал нелёгкое ремесло у лучшего из наставников, служившего в годы своего величия при дворе, и знаю досконально все тонкости ухода за разнообразным инвентарём. В обучение моё входила и теория применения оружия, и тактика ближнего боя, и стратегия обороны в случае столкновения с превосходящим по численности противником, и, конечно, каллиграфия. Но всё же большее внимание учитель мой уделял развитию у меня особого чутья, позволяющего мне и поныне предлагать наиболее удобный для достижения победы инструмент.

Человек несведущий мог бы подумать, а злые языки открыто говорят, что я сам за него выбираю, казнить или миловать, подсовывая то орудие, которое в данный момент потребно по моему субъективному мнению.

Однако это вовсе не так. В том, как использовать перо или пику, волен он сам. И тому существуют тысячи применений.

Ведь пику можно протянуть тонущему в трясине, а взмахом пера отсечь язык, перерезать горло. Пикой можно пробить крепкую броню жестокосердия, а пером обострить дискуссию, вскрыть невежественное и нетерпимое непонимание.

С той же лёгкостью их можно применить и во вред: пригвоздить оппонента к позорному столбу, оклеветать, сковав по рукам и ногам, обездвигать, обезволить, подписав в конце концов смертный приговор.

Но он справедлив и мудр – без причины не карает. А рвение моё вознаграждает благодарным взглядом.

Легко ошибиться в выборе средства для достижения цели, не оценив всех предлагаемых ситуацией возможностей и нависших угроз.

Но в нашем случае таковая ошибка исключена.

За годы, что вместе, мы научились не тратить жизнь на напрасные упрёки.

И вне зависимости от поданного мною оружия он принимает его без тени сомнения, веряя свою репутацию моему предпочтению.

Может сложиться впечатление, что на нашем месте мог бы быть кто-то другой. Но впечатление это обманчиво.

Не возьмусь сказать, какую слаженность приобрели мы в наших повседневных стараниях, но ни одной проигранной битвы, ни одного неверного заключения выдано нами не было.

Ни один из получивших на руки его решение не подал жалобы. Ни супруга, ни дети, ни дальний родственник не обратились с посмертной апелляцией. А только восхваляли его мудрость и точность милосердно разящей руки.

А он, вне всяких сомнений, достоин восхищения. Его стать, его тихий, но сильный голос, уверенность и пластика каждого движения – и когда он в бою, и когда пишет за конторкой – не могут оставить равнодушными никого.

С годами я свылся. Но первые наши дни так же, как и другие, претерпевал чувство исступлённого восторга от пребывания в его тени. То были времена истинного вдохновения, сильных и мудрых наставников, высоких принципов великого учения, неизбежных столкновений и следовавших за ними больших побед. В котле этом бурлила сама жизнь, столь настоящая и реальная, что за счастье считалось быть в него покрошенным, как можно плот-

нее перемешаться, коснуться края одежд этих великолепных, преданных делу и своей чести мастеров.

Многие тогда страшились оказаться на обочине и с видом брошенной, побитой камнями собаки наблюдать за этим торжественным шествием со стороны, без права влиться в него вновь. Страха того не чужд был и я, с радостью взявшийся за дело, державший наготове и пику, и перо.

И, став плечом к плечу рядом с ним, я в полной мере вкушал блаженство единения с чудесным, раскрывающимся согласно тайным законам миром.

Но в тот момент, когда казалось, что мы постигли этот сложный механизм, управлявший всем сущим, мир сломался.

Это не случилось вдруг. Он сыпался постепенно, являя страшные симптомы неизлечимой болезни, о которой боялись говорить вслух, считая, что, если не зазывать лихо, оно не зайдёт в твой дом.

Раз за разом отказывали органы, отмирала плоть, находя своё выражение в нелепых решениях и попрании авторитетов.

Искрящийся озоном воздух свободы сменился пыльной духотой, и в наступившей мутно-жёлтой яви минувшее кажется далёким сном. Ничуть не менее прекрасным, чем ранее, но всё же сном.

Где теперь они – столпы, титаны золотого века? Растоптаны, раздавлены, умерщвлены в угоду ежемоментной выгоде, красивой отчётности, чьей-то ярко вспыхнувшей, но быстро угасшей карьеры. Случилось то, что противоречило их природе да и вообще здравому смыслу.

Последний уступил место потребности слабых духом, но обладающих необходимыми рычагами влияния совершать различные нелепости, а от случая к случаю и вовсе творить хаос. Единственной мотивацией их действий стало рабское чинопочитание, граничащее с идолопоклонством. Отныне всё было подчинено получению высочайшего одобрения.

Так, вместе, мы и пробивались, храня идеалы взрастившего нас золотого века, но серьёзного сопротивления наступившему бреду оказать не могли.

И вот тогда, многократно осмыслив случившееся, я увидел мастеров древности не в сияющих мантиях, а в холщовых робах. Они пахали бескрайнее поле. Не с той видимой нам лёгкостью, а в надрыв. И теперь пришёл наш черёд тянуть то ярмо. Но не было ни поля, ни ярма, ни направлений. Всё поглотила распутица.

Он остался предан делу, и мы продолжили служение. Но что-то переменялось.

Нет, между нами сохранялось то самое отточенное взаимодействие, скорее, это я стал замечать за ним то, чего он не позволял себе ранее.

Сменилась его осанка, закрепились плечи. Шея приобрела отёчный вид, отчего при ходьбе его стало косить набок. При этом походка преисполнилась неуместной величавости. Все внешние приметы говорили о переменах внутренних. И те не заставили себя ждать.

С посетителями он стал необходим, надмен и сух. Убавилось и количество одобрительных заключений. Но никто не посмел бунтовать. Все восприняли новую методику как должное. Только кланяться, входя в кабинет, ниже стали.

С равными себе общался на короткой ноге, но и в их отношении не гнушался совершать нелюбезные поступки. Деяния эти не граничили ни с мелкими нарушениями, ни тем более с преступлениями, а совершались в рамках принятого закона, однако служили исключительно его выгоде.

Нет, он не утратил прежних точности и шика, но сознавать, что всё это творит человек, который когда-то вовлёл тебя, привил вкус к справедливости, определил понятие нормы, стало тяжелее.

Впрочем, это не уменьшило моей решимости продолжать помогать вершить дело. И все старания мои направлены лишь на то, чтобы он совершил красивый выпад, сорвав овации восторженных поклонниц.

А следят за ним сегодня гораздо пристальнее, чем раньше.

Десятки наблюдателей оценивают каждое его движение, каждую подписанную им бумагу.

Правда, оценку свою они выносят не с позиции порядочности или здравого смысла, а на соответствие обновлённому канону: должному количеству полей в формулярах, каллиграфичности исполнения документа, плотности и оттенку бумаги, глубине проникновения лезвия в ткани.

Их много – слухачей, нюхачей, изрядных геометров.

Под всё можно подвести придирчивую классификацию. А если объект оценки не попадает в существующий в их сознании порядок, так, значит, обречён на частичную кастрацию с последующей принудительной классификацией либо не существует вовсе, то есть подлежит прямому уничтожению.

Допустить создание объекта, отличающегося своими параметрами от шаблона, они не в состоянии. Название их говорит за себя. «Наблюдатель» – тот, кто смотрит на блюдо, сиречь в чужую тарелку. Своей ему иметь не положено, и дела иного, более продуктивного, чем вглядываться в чужие огрехи, они не имеют.

И я не смею им уподобляться.

Да и если бы он совершил какую мерзость, разве вправе я судить его?

Степень запятнанности его репутации не имеет никакого значения.

А утратить я свою – тут же укажут на дверь.

В этом я не одинок. Служение достойных недостойным стало верной приметой. Бывает, набравшись сдуру храбрости, взяв без спроса хозяйское перо, этакий отверженный Авель, незаконнорождённый нелюбимый брат, выводит неровным почерком крик души на жёлтой бумаге. Но потуги эти по достоинству оценены не будут – не тот сорт чернил.

Вот и я запретил себе мнить, что являю собой нечто большее.

Моя задача по-прежнему – вовремя подать оружие. Остальное – мелочи.

А случись настоящая беда – отдать за него жизнь, не задумываясь.

То не геройство – следование предназначению.

Но не мне делать такие подарки. Жизнь – дар равного равному. От меня он подобного не примет. Как и я не постигну всех тайнств его мастерства, а он – искусства сберечь и сохранять арсенал в порядке.

Алексей СОЛОНИЦЫН

Новая повесть известного писателя Алексея Солоницына снова о любви, но только на этот раз события разворачиваются в горах Киргизского Ала-Тоо и на берегах жемчужины Средней Азии – озера Иссык-Куль. Художник Алексей Брусенец везёт свою избранницу в эти заповедные места, которые хочет запечатлеть в своих новых работах. Внезапно вспыхнувшая любовь окрыляет героев повести, заставляет пройти тяжелейшие испытания. На главное полотно художника выливается не только любовь к своей избраннице, но и любовь к земле, где прошла его юность и где он похоронил отца.

Новые преобразования принесли вместе с самостоятельностью страны разочарования, нищету. Но нравы коренных киргизов не изменились, остались таким же надёжными в дружбе, отважными в схватке с врагом, как в народном эпосе «Манас», один из сюжетов которого воспроизводит на своём полотне Алексей Брусенец.

Писатель и его главные герои верят в нерушимость братских отношений русского и киргизского народов. Двуглавый орёл на гербе России смотрит как в сторону Европы, так и Азии. И мысль о неизбежности этого евразийского завета для жизни как России, так и соседних с ней стран Азии, является центральной в повести.

-
- Алексей Алексеевич Солоницын – писатель, кинодраматург, родился в 1938 году в г. Богородске Горьковской области. Окончил факультет журналистики Уральского университета в Свердловске (ныне Екатеринбург) в 1960 году, много ездил по стране, работал в газетах Киргизии, Латвии, на телевидении, в кино. С 1973 года живёт в Самаре. С 1972 года – член Союза писателей России, с 1984-го – член Союза кинематографистов России. За 55 лет творческой деятельности в Москве, Петербурге, Самаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах России и зарубежья издано, включая переиздания, более пятидесяти книг писателя. По его сценариям снято более сорока документальных фильмов. Дипломант Патриаршей литературной премии св. Кирилла и Мефодия 2012 года, лауреат первых всероссийских литературных премий им. Александра Невского (С.-Петербург), Ивана Ильина (Екатеринбург), Серафима Саровского (Нижний Новгород), Международного кинофестиваля «Золотой витязь» (Москва).

ЕВРАЗИЕЦ

Повесть

«Нет, вы ещё не любите России. А не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам».

Николай Гоголь

«Выбранные места из переписки с друзьями»,
письмо двадцатое.

«Сокол полетел и сииб её. Когда же Семетей подъехал и хотел взять лебедь (а это была красавица Айчурек), она не далась ему в руки, а сама подняла сокола и улетела с ним. Семетей попробовал схватить их, но не успел».

Народный эпос киргизов «Манас»

Поэма «Семетей», глава 10

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАПЕЧАТЛЁННОЕ МГНОВЕНЬЕ

Перед отъездом из Москвы художник Алексей Брусенец решил забрать в гастроном, который находился в боковом крыле высотки на Кудринской. Особой нужды в этом не было, потому что он летел самолётом и брать в дорогу какие-то продукты не имело никакого смысла. Но по привычке ещё с советских времён, отправляясь в дальний путь, он, как и другие граждане нашей великой страны, уезжая из Москвы, запасался неизменной колбасой и варёными яйцами, финскими сырками, хлебушком, нарезанным на кусочки, а к нему ещё чем-нибудь вкусненьким, дефицитным. Весь этот набор мама заворачивала в старые газеты и сама укладывала Алексею в дорожную сумку.

Теперь мамы нет, страны, в которой он родился и вырос, тоже нет, идёт уже шестой год нового, двадцать первого столетия.

Колбасу и варёные яйца в дорогу не берут, на дальние расстояния перемещаются преимущественно самолётами, где услужливые стюардессы предлагают прохладительные напитки, кофе «эспрессо» и обязательный обед с неизменной куриной ножкой, даже тёпленькой.

В «Гастрономе», теперь супермаркете, непривычно толпились люди, и Брусенец хотел было направиться к выходу, как вдруг перед ним возникло женское лицо.

Женщина шла впереди и внезапно остановилась.

Он едва не налетел на неё, но успел отстраниться.

Их лица оказались близко, и невольно они рассматривали друг друга несколько мгновений.

– Простите, – успел сказать Брусенец, – но вы..

Женщина растерянно и как-то неловко повела плечом, продолжая смотреть на Алексея.

Повернулась, ничего не сказав.

Пошла вперёд, к витринам, возле которых выстроилась очередь.

Лицо женщины показалось Брусенцу примечательным – чем, он не мог себе дать ответа. Да и некогда было, потому что сзади подталкивали. Он оказался в очереди, которая двигалась вдоль витрин, прямо за той женщиной, которая случайно остановила его.

«Почему очередь? За чем, интересно?» – мелькнуло в его сознании.

Взгляд его упал на витрину, за стеклом которой лежали колбасы разных сортов, копчёности, ветчина, сардельки и сосиски, большие и поменьше, завлекательные, радующие своим свежим видом.

Сзади его подтолкнули, и Брусенец невольно коснулся спины женщины. На ней было надето лёгкое шёлковое платье – синие то ли васильки, то ли какие-то иные яркие цветы по светло-жёлтому полю.

«Красиво, – подумал он. – Хотя..»

Она оглянулась.

– Простите, – снова сказал он, виновато улыбаясь. – Толкаются. Как в былые времена.

Она поглядела на него тем же растерянным, блуждающим взглядом. В этот раз он успел разглядеть, что глаза у женщины голубые, но не яркие, как цветы на шёлковом платье, а словно бы размыты жарким летним солнцем. Будто на них набежало облачко, да так и осталось, забыв, что надо дальше плыть по небу.

Очередь продвинулась. Продавщица в высоком накрахмаленном белом колпаке, из-под которого на лоб чуть выползала игривой волной чёрная чёлочка, спросила:

– Вам сколько?

Женщина замешкалась. Смущённо сказала:

– Да знаете... немного... пожалуй, десяток хватит.

– Мы не по штукам отпускаем, а по весу, – назидательно сказала продавщица. – Полкило или больше?

У неё было ухоженное, бело-румяное лицо. Губы накрашены красной помадой.

– Пожалуй, дайте половину килограмма.

Брусенец увидел, что продавщица кладёт на весы колбаски твёрдого копчения. Какие-то импортные, немецкие, наверное. Или чешские. К пиву они, наверное, хороши.

– Это какие сардельки? – спросил он женщину ради того, чтобы она повернулась к нему и чтобы ещё раз увидеть её глаза.

– Это чешские шпекачки, а не сардельки, – сказала продавщица, и назидательный тон услышался более внятно. – Вам? – Её взгляд теперь устремился к Брусенцу.

– То же самое, – поспешно ответил он, уже боясь потерять женщину, которая теперь ещё больше заинтересовала его.

К кассе, что стояла на выходе из этой части гастронома, где находился Брусенец, он подошёл довольно быстро. Но всё же несколько человек отделили его от женщины в шёлковом платье с яркими голубыми цветами.

Его обрадовало, что она задержалась на выходе, рассматривая покупки в пакете и словно бы думая, что ещё купить.

Он оказался рядом и с совершенно несвойственной ему смелостью, которая возникла, когда ему предстояло сделать что-то особо важное, обратился к ней, улыбаясь несколько не смущённо, как к давней знакомой:

– Знаете, вы так необычно на меня посмотрели целых два раза, что мне очень захотелось ещё раз увидеть ваши глаза. Я собиратель взглядов, профессия у меня такая.

Она теперь внимательно, уже не блуждающим, равнодушным взглядом, посмотрела на него.

– Вот как. – Она взяла пакет с продуктами и направилась к выходу. – Впервые слышу про такую профессию.

Он не отстал от неё, сам себе удивляясь.

И слова нашлись.

– Ваш взгляд очень необычный. Я такого раньше не видел. Как будто... небо жарким днём... забыло, по неосторожности... или нарочно, не знаю, ещё не понял... но забыло... облако.

Они обходили здание высотки, шли к тому подъезду, который вёл в квартиры дома.

Она остановилась.

– Небо забыло! – Взгляд её стал насмешливым. – Это вы забыли, что неприлично приставать к незнакомым женщинам на улице!

Она решительно пошла к высокой двери подъезда, и он понял, что сейчас она уйдёт и он никогда уже не увидит её глаз, которые...

– Пойдите! – почти крикнул он. – Я неудачно выразился! Позвольте хоть досказать... Прощу!

– Ну, говорите.

– Понимаете, когда небо устаёт от жары, когда всё как будто останавливается... и сам воздух становится плотным, как будто даже осязаемым... Небо – оно ведь живое, понимаете? Не удивляйтесь, что я так говорю. Я ведь художник! Мне извинительно. Если я вижу красоту, вот такую, как ваши глаза... Впрочем, не подумайте, что я пристаю к незнакомым женщинам. Наоборот! Я застенчив, иногда даже до неприличия.

– Оно и видно.

– Да! Смешно, конечно. Простите меня! Я ведь прощаюсь с Москвой! Сегодня улетаю. И вам ничего не стоит поговорить с незнакомцем хотя бы несколько минут. Вы останетесь в моей памяти как... как воспоминанье о Москве!

– Извините, мне надо идти.

– Подождите. Ну что вам стоит... оторваться от кухни?! От несчастных шпекачек или как там они называются... Что, умрёт ваш муж, если он не получит эти колбаски к своему пиву!

Она опять внимательно посмотрела на него, прямо глядя в глаза.

– Вы, конечно, хорошо научились увлекать девушек, господин художник. Но на этот раз вышла у вас промашка.

– Нет! Ради Бога, нет! Вы не понимаете, да и сам я не понимаю, что со мной. Вы живёте в этой высотке. Это о многом говорит. Мой друг здесь живёт. Я у него иногда останавливаюсь, когда приезжаю в Москву. Кабир Исмаилов, может, знаете? Народный художник...

– Да, слышала.

– Ну вот, значит, нам можно поговорить как соседям.

– Какие там соседи! Я его не видела даже.

– Но это ужасно! – Брусенец кивнул консьержу, который вопрошающе посмотрел на него. – В одном доме жить, почти рядом, и... Я к художнику Исмаилову, вы не забыли?

Консьерж, коренастый, лет пятидесяти человек с приплюснутым носом, похоже, боксёрским, кивнул, нажал на какой-то рычажок под крышкой стола, и решётчатая металлическая дверь открылась.

Брусенец поспешно прошёл к лифту вслед за незнакомкой.

В кабине лифта он рассмотрел мягкий овал её лица, пожалуй, бледного для июня месяца, очерк губ, чувственных, но плотно сжатых, чёлку, закрывающую её лоб, льняные волосы, свободно опускающиеся на прямые плечи. Она была высокого роста, почти вровень с Брусенцом.

Надо было объяснить, почему он не отстаёт от женщины, и Брусенец опять нашёлся:

– Если вы позволите, я быстро, у меня тут всё есть, с карандашами я не расстаюсь, можно и пастельными, вы только разрешите...

– Вы серьёзно? – строго спросила она.

– Ну, пожалуйста! Я быстро! Мне надо только сохранить впечатление!

Лифт остановился, дверь отворилась.

Она пошла к двери, обитой чёрной кожей, на которой чётко виднелись металлические кнопки и цифры номера квартиры.

– Послушайте, мне крайне неприятно разговаривать с вами. Тем более приводить незнакомца за собой.

На её звонок дверь в квартиру открылась. Выглянула женщина, немолодая, в ярко-жёлтых кудряшках. Она удивлённо посмотрела на Брусенца.

– Алексей, гость вашего соседа Кабира Мухамедовича Исмаилова, народного художника. Вот, понимаете ли...

Женщина в кудряшках, явно крашенных, в летнем халате, пёстром, в красную полоску, не дала ему договорить:

– Проходите, проходите, прошу вас! – И она гостеприимно распахнула дверь. – Вот сюда, вот сюда... – Она показала, куда проходить, и Брусенец прошёл в гостиную.

Осмотрелся, выбрал кресло у высокого окна, из которого бил яркий солнечный свет, вынул из заплечной сумки альбом с плотными листами, коробку с пастельными карандашами положил на журнальный столик, задёрнул шторы, притушив слишком яркий свет. Женщины между тем о чём-то говорили на кухне, причём один голос звучал громче. (Брусенец понял, что это голос младшей по возрасту женщины.) Второй голос, возражающий, достаточно властный, укоряющий, принадлежал женщине старшей, вероятно, свекрови, а может, и матери.

«Сейчас выгонят, – решил Брусенец. – Буду сопротивляться!»

– О, вы, кажется, приготовились рисовать, – сказала женщина в кудряшках. – Что же вы не предупредили? Мы же не подготовились!

Вошла в гостиную и молодая женщина, увидела незнакомца с альбомом в руках.

– Да вы прямо бульдозер, честное слово. Неужели вы думаете, что я стану вам позировать?

– Позировать не надо. Просто повернитесь чуточку вот так... – Он подошёл к ней и повернул её голову слегка, чтобы лицо писать в три четверти. – Можете сесть. Только не меняйте поворота головы.

– Да вы уже командуете! – раздражённо сказала она.

– Алина, ну нельзя так, – попыталась остановить её женщина.

Брусенец окончательно определил, что это свекровь – слишком они были не похожи.

– Понимаете, я сегодня уезжаю, – попытался объяснить ситуацию Брусенец. – Времени в обрез! А так сильно захотелось остановить мгновение... Понимаете?!

– Купили бы фотоаппарат! – возразила молодая женщина, которую звали Алиной.

– Он есть. Но это в крайнем случае! А вот карандаши... Я привык к пастельным... Они лучше схватывают настроение... Да присядьте, Алина, и не сердитесь, прошу вас... Я и сам не знаю, что со мной... так бывает редко...

– Так уж и редко!

– Вам что принести, какие напитки... э-э-э...

– Алексей Михайлович, – представился Брусенец. – Легко запомнить. Так звали нашего царя-батюшку. Алина, поверните голову немного влево... да, так. Я умею быстро... в академии научили...

Он наносил линии на бумагу, штриховал, растирал пальцем мазки, запечатлевая контуры лица, которое его так поразило.

– Принесите стакан воды.

– Воды? Какой? С газом, без газа?

– Лучше без газа.

А сам продолжал всматриваться в лицо Алины.

Лицо гордое, лицо страдающее... Отчего? Глаза... Нюансы потом... Главное, остановить... что?

Эту её боль? Или красоту, которая видна во всём: в осанке, высокой шее... Надо её приоткрыть... Пусть она поправит волосы... чтобы видны были и плечи... их тоже приоткрыть.

– Алина, левой рукой откиньте, пожалуйста, волосы... Да-да, вот так... И руку задержите на минуточку... Пожалуйста, очень прошу... Да, так хорошо...

Алина попробовала ещё протестовать, хотела уйти, но женщина старше возрастом опять остановила её.

Видимо, привыкла командовать в доме.

Брусенец между тем не терял времени, рисовал – он умел делать это быстро в экстренных ситуациях. А сейчас была именно такая.

Алина вынужденно смирилась. Опять её лицо приняло усталое, даже какое-то обречённое выражение.

– Не буду вас мучить... Я быстро... А закончу потом... Может, мне повезёт ещё раз. Может, вы согласитесь позировать... когда настроение у вас будет лучше...

– А куда вы улетае? – спросила Наталья Николаевна – так звали женщину в крашенных кудряшках.

– В Бишкек, бывший город Фрунзе. Мне устроил заказ Кабир Мухамедович. Мы с ним дружим со студенческих времён.

– Как приятно слышать это, – живо откликнулась Наталья Николаевна. – Сегодня истинную дружбу встретишь так редко. Вот ваша вода. Кстати, дистиллированная.

Брусенец знал, когда пишешь кого-то, обязательно надо занять его разговором, чтобы, слушая, он общался с художником. Или мысленно, или отвечая.

Уцепился за «дистиллированную воду».

– Про эту воду есть прекрасное стихотворение поэта Леонида Мартынова, сибиряка. Вот, послушайте:

*Вода благоволила литься,
Она блистала, столь чиста,
Что ни напиток, ни умыться,
И это было неспроста...*

– Слушайте дальше. Стих небольшой, но такой прекрасный!

*Ей не хватало ивы, тала
И горечи цветущих лоз,
Ей водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз...*

Его слушали, и он пользовался этим, продолжая рисовать.

*Ей не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде,
Ей жизни не хватало
Чистой, дистиллированной воде!*

Он остановился на секунду, радостно глянул на женщин.

Если бы он видел себя!

Выше среднего роста, с развёрнутыми плечами, в лёгкой рубашке с короткими рукавами, которые не скрывали его мускулистых рук, не отяжелевший в свои сорок с лишним лет, со сросшимися бровями, из-под которых смотрели с нескрываемым восторгом его миндалевидные глаза, он сейчас являл собой действительно художника, хотя на нём не было ни блузы, ни берета на роскошной шевелюре, какую обязательно представляют наши обыватели, особенно женщины, когда им видится настоящий художник.

Но Алина не была обывательницей, видела сейчас неподдельное вдохновение на лице незнакомого человека, привлекательного, с небольшой бородкой и усами, уже тронутыми сединой, как и редящая шевелюра на его голове.

– А?! – продолжал Брусенец. – Стихотворение написано в годы застоя, понимаете? Про Леонида Мартынова говорили, что он отстоял честь русской поэзии на восьми квадратных метрах – таково было его жильё.

– Можно посмотреть? – Наталья Николаевна подошла к художнику и стала рассматривать рисунок.

– О, да вы мастер! Так быстро! И так похоже! Алина, подойди посмотри. Алина подошла не сразу.

Посмотрела.

– Да, вы действительно... Только... не очень-то спешите?

– Что поделаешь. Меня оправдывает лишь то, что времени мало.

– Но это эскиз, так, кажется, называется? – сказала Наталья Николаевна, улыбаясь несколько сладковато. – Вы будете писать портрет?

– Да. Если Алина согласится. И когда вернусь в Москву.

– А вы надолго собираетесь в этот Бишкек?

– Как получится. Я живу теперь в Кручинске, на Волге. В Москву выбираюсь редко. Но теперь... обязательно вернусь.

Он посмотрел на Алину.

И опять сказал себе: «Господи, какая же она... Но почему в ней ни капельки радости?»

– Я перепачкал руки. Можно умыться?

– Да-да, конечно, – откликнулась Наталья Николаевна и повела Алексея в ванную комнату.

Умывшись, он сказал:

– Пора. Не знаю, как вас и благодарить.

– Это мы должны благодарить вас, – поспешно ответила Наталья Николаевна. – Поверьте, нам было приятно познакомиться. Вот ведь, живёшь-живёшь, ходишь рядом, а потом вдруг – раз, и такая встреча.

Они прошли в коридор. Алексей вручил визитку хозяйке, а сам то и дело бросал взгляды на Алину.

Он вышел на лестничную площадку. Неожиданно вышла и она вслед за ним, сказав свекрови:

– Провожу Алексея Михайловича.

Наталья Николаевна не смогла скрыть удивления, но быстро с ним справилась. Пожимая на прощанье руку Брусенцу, приторно улыбнулась.

Когда вышли на улицу, Алина спросила:

– Где у вас вещи? Или про самолёт вы выдумали?

Он рассмеялся.

– Алина, неужели я произвожу впечатление мошенника?

– Близко к тому. Отвечайте на прямо поставленный вопрос.

– Вещей немного. Они на Киевском. Оттуда есть маршрутка в аэропорт.

– Тогда идёте сюда, к остановке. Доедете до вашего Киевского.

На остановке он даже не посмотрел в сторону подъехавшего троллейбуса, а посмотрел Алине прямо в глаза.

– Алина, мне показалось, что вы попали не в свой дом. Что вы живёте не там, где вам положено жить.

– Вот как! А где, интересно, мне положено жить?

Последние слова она выделила голосом.

– Где нет Натальи Николаевны в парике из жёлтых кудрей. Мужа, у которого вкус к вычурным торшерам и люстрам. И обоям с такими же нелепыми птицами на ветках.

– И обои успел разглядеть.

– Главное, я разглядел твои глаза. Боль ведь никуда не спрячешь.

– Зачем же тебе приспичило рисовать больную женщину?

– Знаешь, у Чехова я прочёл: «Стояла женщина. Бледная, худая. Очень красивая». Это про тебя.

Они не заметили, как перешли на «ты».

Опять подъехал троллейбус.

– Проводи меня до вокзала.

Она не ответила. Зашла в распахнувшиеся двери троллейбуса первой.

Они встали в тамбуре. Ветерок, залетая из приоткрытого в салоне окна, шевелил её чёлку, волосы, спадающие на плечи.

– У тебя прямые плечи. Редкие, между прочим. Такие плечи называются египетскими.

– Сомнительный комплимент.

– Зато нестандартный.

– А что, во всём надо быть нестандартным? Не боишься превратиться в стандарт наоборот?

– Это как?

– Ну, оригинальничать во что бы то ни стало. Получится нечто ужасное. Хуже всякого стандарта.

– Согласен. Один критик, женщина, кстати, написала о моих картинах, что у меня «бинокулярное зрение». Что я смотрю сразу в два окна. И вижу предмет сразу в двух ипостасях. Это мне понравилось.

– Поясни.

– Она имела в виду, что я могу изобразить хорошее в плохом, и наоборот. Умная тётяшка, всё правильно поняла.

– Ты так говоришь, что будто тётяшки умными не бывают.

– Нет, но их развелось слишком много. Посчитай, сколько их во главе государств. И в министрах...

– Что же делать, если вы обабились.

Парень, сидевший на заднем сиденье, улыбнулся и сказал:

– Так его, окаянного!

Алексей обернулся к незнакомцу, но, встретив широкую улыбку, улыбнулся в ответ.

Подъехали к вокзалу.

У ряда металлических ящиков он подошёл к одному из них, набрав код, открыл, вытащив дорожную сумку.

Неожиданно задумался.

– Есть идея, – сказал он, глядя на Алину. – Здесь касса Аэрофлота. Я сейчас перерегистрирую билет на завтра. И у нас будет время погулять.

– А надо?

– Надо.

И, поместив сумку обратно в ящик, закрыл его.

Переоформив билет, они вышли из вокзала. Он предложил поехать в Зарядье, в новый парк.

Так и сделали.

Уже в парке, сидя на лавочке с мороженым в руках, они перебрасывались шутками, как студенты или старшеклассники, убежавшие с занятий.

– Попадёт тебе от Натали Николаевны. Она всё выложит любимому сынку, главе какой-нибудь крупной компании, государственному человеку.

– Почти угадал. Тебе не терпится узнать, кто он такой и как это я охмурила такую важную персону.

– Натюрлих. Но если я угадаю, кто ты по профессии, то отвечу и на остальные вопросы.

– Начинай!

Она откусила кусочек мороженого, шутливо глянула на него. Он обрадовался, заметив перемену в её настроении, и даже произнёс про себя, сосредоточившись: «Господи, помоги».

– В прихожей, на тумбочке, когда я снимал мокасины и надевал тапочки, обратил внимание на корзинку ручной работы. Она сделана из плотной бумаги, проклеена, покрыта жёлтым лаком и сплетена, как плетут тонкие ивовые прутья. Корзинка получилась изящной, лёгкой, я даже взял её в руки, когда вынимал ложку для обуви. Она мне тем более показалась примечательной, когда на стене, у зеркала, я увидел столь же изящный мешочек для мелочей, вроде платков или ключей, длиненький такой, из цветной бумаги. И подумал, что в этом доме живёт искусница, мастерица. А когда вошёл в гостиную и увидел мебель, обои с птицами, то понял, что мастерица – это ты, которая залетала к птицам чужим. Мою догадку подтвердили и Наталья Николаевна в парике, и твоё платье с такими прекрасными ромашками – такие платья не продают в магазинах, это тоже ручная работа. По всему по этому я делаю вывод, что ты занимаешься или прикладным искусством, или...

Он сделал паузу, задумался, продолжил:

– ...Или ты модельер, конструируешь одежду и аксессуары к ней. Потому что походка твоя... балетная... Но рост, некая изящная худоба,

модная у манекенщиц, вроде бы говорят о том, что ты сама демонстрируешь свои работы.

– Ты случайно не фээсбэшник?

– Случайно не фээсбэшник и не мошенник, в которые уже был тобою записан. Просто человек, смотрящий сразу в два окна, как сказала умная тётенька-критик.

– И что ещё ты высмотрел?

– Фотографию на журнальном столике. Где ты с государственным человеком. Вы в купальниках на фоне мраморного льва, лежащего на парапете набережной. Вероятней всего, где-нибудь на Лазурном берегу.

– Почти точно, – сказала она. Доела мороженое. – Ну, куда пойдём?

– «Лидо» в Москве нет. А вот на открытой веранде около Третьяковки можно неплохо посидеть. И кормят там прилично.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОСТ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ

Город истомился от жары, и, когда солнце стало клониться за высоты Москвы и подул вечерний ветерок, стало легче дышать. Уже не казался столь душным и жарким воздух, поднимающийся от нагретого за день асфальта.

Брусенцу сейчас казались приветливыми и даже замечательными прохожие, знакомые улицы преобразились, а пешеходный Третьяковский мост, прежде раздражавший его замками, которые висели по обе его стороны якобы для нерушимости семейного счастья, теперь показался милым и симпатичным.

– Ты знаешь, откуда москвичи слизали этот обычай? – спросил он, проведя рукой по целому ряду замков, больших и малых, висящих на цепи вдоль перил.

Алина остановилась, прикоснувшись ладонью к огромному, начавшему ржаветь амбарному замку. Рассмеялась.

– Гляди, эти молодожёны решили, что чем больше замок, тем больше будет их счастье.

– Время от времени замки спиливают. Иначе бы мост рухнул. Интересно, тут поблизости никто не подторговывает замками?

– А милиция для чего?

– Теперь у нас полиция.

Мимо проходила степенная женщина, полная, уставшая.

– Послушайте, у вас не найдётся замочка какого-нибудь заваливающего? – обратился к женщине Алексей.

Женщина остановилась, строго посмотрев на Брусенца.

– Раньше надо было думать, если шли сюда с этой целью, – назидательно сказала она и пошла дальше.

– А поблизости нет магазина, где купить замочек? – крикнул ей вслед Алексей.

– И поблизости нет, – ответила она, не оглядываясь.

– Ладно, в ресторане разберёмся. Официантки наверняка знают.

Алина пошла вперёд, глядя рукой замки.

– Интересно бы узнать, сколько браков уцелело. И сколько пар оказались счастливыми.

– Статистика есть и без замков. Можешь посмотреть в интернете. Но дело не в статистике. Дело в другом.

– Так разве в это «другое» они не верили – кто вешал замки и бросал ключ в воду?

– Ну да, все верят. Только вера эта разная. У итальянцев, которые придумали этот обряд в Риме, – одна вера, у нас – другая.

– А что, её можно измерить?

– Можно.

– Интересно, как? – Она повернулась к Алексею, ожидая ответа.

– Прибор такой изобрели. Называется любометр. Если, например, юноша говорит «люблю», девушка прикладывает прибор к его сердцу и слушает. Потом говорит: «Ну-ка, прыгни с этого моста», – и смотрит на прибор. Стрелка показывает: «да», если юноша снимает ботинки и штаны и прыгает. Стрелка показывает «нет», если юноша отвечает: «Да что я, дурак, что ли?! Разве не видишь, всё дно в камнях. Голову разобью». Девушка решает, как быть. Если послушает его, стрелка покажет отметку: «пеняй на себя». А если не примет его довод, стрелка укажет на отметку: «верное решение».

Она не спускала с него глаз.

– Сам изобрёл прибор?

– Сам.

– Когда?

– Сейчас.

– Тогда давай его испытаем.

– Давай.

Он снял заплечную сумку, мокасины, расстегнул ремень на джинсах и стал их снимать. В конце моста появилась парочка. Парень с девушкой остановились, уставились на Брусенца, который, на ходу снимая рубашку, полез на перила моста.

– Что вы делаете?! – крикнула девушка. – Там мелко! Грязно!

– Прыгай! – крикнул юноша.

Брусенец, как в детстве, когда страшно было прыгать с вышки в бассейн, зажал нос двумя пальцами и «солдатиком» прыгнул вниз.

К счастью, дно было более глубоким, чем его рост, к тому же он поджал ноги, и поэтому не повредил их. Вынырнув, он поплыл, но скоро перешёл на шаг. Вода доходила ему до груди, затем до колен.

Алина с его одеждой уже бежала к нему. Он выбрался на берег, где не было бетонного ската к воде, а велись ремонтные работы.

Юноша крикнул с моста:

– Молоток! Пусть теперь только откажется!

К мосту подошло ещё несколько пар, и все они с радостным любопытством смотрели на Брусенца, который торопливо одевался.

Полиции, к счастью для них, рядом не оказалось. Но какой-то мужчина поспешно направился к ближайшему от моста дому.

До открытой веранды у Третьяковки было недалеко, и скоро они уселись за столик. Алексей успел привести в порядок свою причёску, усы и бороду, благо расчёску всегда носил с собой. Уставился в меню, но с трудом мог что-то выбрать, потому что всё ещё не мог прийти в себя от купания и быстрой ходьбы к ресторану.

Протянул меню Алине.

– Выбирай.

– Нет, ты победитель, ты и выбирай.

– Да какой там победитель? Вода не только грязная, но и вонючая. Поди пахну теперь как козёл.

Она засмеялась.

– Если честно, я испугалась. Вспомнила свою подружку Таню. Мы купались на Яузе, в Доме творчества отдыхали. Она наступила на битую бутылку, кровь так и хлестанула. А тут чего только нет: ключи эти, бутылки наверняка, банки...

– Всё обошлось. Возьмём сухого? Есть хорошее шабли.

– Можно чего-нибудь и покрепче.

– Ого! Ты, оказывается, знаешь, когда что пить.

– Я ещё и не то знаю, чего ты не знаешь.

– Например?

– Например, что ты разведён.

Он вопросительно посмотрел на неё.

– Твой паспорт посмотрела, когда ты за мороженым бегал по парку.

– Вот это да! С тобой надо ухо держать востро.

– А как же. Женщина должна знать, кто за ней приударяет.

Так они переговаривались, выпили коньяку, закусили хорошими отбивными, про которые знал Брусенц по прежним заходам в этот летний ресторан. И чувствовали они себя хорошо.

Как вдруг к ним подошёл тот самый человек, который видел сиганувшего в воду Брусенца. Он поспешил сообщить о происшествии стражу порядка из ближайшего дома. Человек этот был осведомителем по вдохновению ещё с давних времён. Сейчас, находясь на пенсии, он продолжал пресекать нарушения порядка, особенно такие вопиющие, как прыганье в воду с моста.

– Вот этот гражданин, – указал он полицейскому на Брусенца. – Я за ним проследил.

Сержант полиции, немолодой, с лицом равнодушным, утомлённым жарой и бездельем долгого дня, отдал честь и попросил документы у Алексея.

Брусенец предъявил паспорт.

Полицейский долго листал странички паспорта. Спросил:

– Вы действительно прыгали с моста в реку?

– Действительно.

– Тогда придётся пройти в отделение.

Алексей подумывал, как выкрутиться. Сообразил:

– Может, вы подождёте, сержант? Всё-таки я не один. И вы, конечно, догадались, почему я совершил правонарушение. Готов понести наказание. Но сначала нам надо рассчитаться. Тем более я художник и меня здесь хорошо знают. – Он протянул сержанту своё удостоверение Союза художников. – А товарища, который проявил бдительность и своевременно доложил о нарушении порядка, думаю, можно отпустить, чтобы он продолжил свой заслуженный отдых. Ведь так?

Он выразительно посмотрел на сержанта. И, подозвав официантку, подошёл к ней и что-то зашептал на ухо. Она внимательно слушала, потом кивнула.

Алексей вернулся к столу.

Сержант и бдительный гражданин отошли.

– Не беспокойся, я всё улажу, – сказал Алексей Алине. – Обойдёмся без похода в полицию.

Так и вышло. Алексей, уединившись в свободном уголке ресторана, который им предоставила официантка, заплатил сержанту штраф, получил документы обратно. Распрощался с сержантом, поблагодарив не только крепким рукопожатием.

– Первый случай, когда здесь в речку сигают. Видать, крепко ты в неё втюрился.

– Твоя правда, сержант.

Вернувшись к столу, Алексей предложил Алине выпить ещё по рюмке – в честь победы «над бдительными супостатами», как он витиевато выразился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БОГОМАТЕРЬ ВЛАДИМИРСКАЯ

Пора было возвращаться, и они приехали к высотке на Кудринской. Он взял её тонкую руку и сказал:

– А если я тебя попрошу проводить меня завтра? Выйдешь?

– Да-ка свой телефон.

Он вручил ей свой мобильник, и она занесла в него свой номер.

– Вот.

– Пожелаю тебе спокойной ночи. И чтобы тебе приснился замок с золотым ключиком.

– Ладно. Звони, если не передумаешь.

– Не передумаю.

Высокая дверь за ней закрылась. Как будто её поглотила какая-то огромная пещера. Или замок Черномора. Или, хуже того, Синея Бороды.

Брусенец стоял, раздумывая, куда же ему деться.

«К Кабиру нельзя, попрощались, он уехал на дачу. В гостиницу? Какую? Выбрать подешевле, аванс ведь имеет свойство кончатся. И ещё надо продержаться в Бишкеке до выплаты за работу. Она будет, когда закончу. Ладно, чего загадывать. Надо жить сегодняшним днём, так мудрецы учат».

Гостиницу он выбрал по карману.

Утром, когда ехал к центру, решал, когда лучше позвонить.

«Сейчас, пожалуй, слишком рано. Если часов в десять, она может уйти. На работу, например, день-то будний. Придётся её ждать. Может сослаться на занятость. Попрошается по телефону, вот и всё. Надо действовать!»

Поезд в метро летел как ошпаренный, подвывая на остановках. С места быстро набирал скорость, исчезая во тьме тоннелей. Но Алексею казалось, что опаздывает, и он то и дело поглядывал на часы.

Из метро вышел без двадцати девять.

«Самое время звонить. Работу они начинают не раньше десяти. Сейчас она наверняка дома. А этот «государственный человек», что же, не подвозит её? Или до сих пор не купил ей машину? Или у них уже есть – и не одна, а две. Может, и Наталья Николаевна разъезжает на своей машине, кто их знает! Почему я не спросил, кто этот гусь? И где он сейчас? Может, как раз дома. И никуда её не отпустит с подачи Натали Николаевны!»

Он выискивал место, откуда бы позвонить, где не так шумно, как здесь, у вестибюля метро.

Обошёл его, укрывшись за выступом стены.

«Действительно, как разведчик-нелегал. Правильно она меня определила».

– Алина?

– Да, это я.

– Говорит ваш вчерашний приставала, Алексей Брусенец.

– Здравствуйте, нырлящик. У вас ничего не болит?

– Если честно, задницу немного отбил. Но ведь кто не рискует, тот не пьёт коньяк.

– Верно. Я освобожусь примерно через час. И сама позвоню вам.

– Ладно. Где вас ждать?

Сказать ей «ты», как вчера, он не решился.

– Где же, как не на том же мосту.

– И в самом деле. У Пушкина есть «сцена у фонтана». А у нас будет «сцена у фонтанов и моста».

– Ну, пусть будет так. – И она отключила телефон.

Разговор кончился так же внезапно, как и начался. Он не знал, радоваться или огорчаться. Потому что её слова прозвучали иронически, и их можно было истолковать как отговорку, как окончание их отношений. Более всего к такому выводу склоняла фраза: «Я сама позвоню». И это «вы», хотя вчера они уже обращались на «ты».

Но всё же она назвала его «нырлящиком». Значит, он ей всё же запомнился, пусть и нелепым поступком. И мост ей запомнился.

В общем, надо ехать туда и ждать.

Что же ещё остаётся? Поступки, вроде вчерашних, на которые, как оказалось, он способен в свои-то уже зрелые годы, кончаются одним и тем же.

Надо ждать.

Что ж, раз вбил себе в голову такую заботушку, сам себя и вини.

Он добрался до «моста влюблённых» раньше назначенного срока. Прощёлся в один конец, потом в другой.

Про этот мост он узнал года два назад, когда приехал в Москву и по привычке решил зайти в Третьяковку.

Теперь его приезды в столицу начинались с молитвы у «Владимирской».

Путь к иконописи начался с увлечения народными ремёслами, хохломской, городецкой, другими росписями, преимущественно нижегородскими, куда он частенько навещался из своего Кручинска, на родину отца. Вслед за росписями пошла и иконопись, а потом и разгадка её, узнавание святых, изображённых на «чёрных досках» в центре и клеймах. Затем перешёл он и к расшифровке текстов, понял, что надо изучить старославянский. Изучая его, постепенно, когда уже поступал в Суриковский, неплохо знал и иконопись и свободно читал по-церковнославянски. Это помогло ему при поступлении в знаменитый институт, когда на собеседовании он обнаружил знания по древнерусской письменности и искусству.

Но сейчас он размышлял о другом.

«Как легко увлечь народ всякой новизной, пусть даже она сводится к замкам. Лишь бы связать с любовью, как сделал это какой-то третьестепенный итальянский писатель. Мелодрама, мост, любовь, замок на память – вот тебе и готова фишка для молодых. Вот и появляются замки на мосту, потом на деревьях. Их возникает целый лес. Хорошо ещё, что власти догадались заменить деревья фонтанами. А то стыдоба за этих подражателей».

«А в живописи? – продолжал думать он. – Чем она лучше теперешней литературы? Тут хоть про любовь. А когда на холсте писсуар изображён, это про что? А, Энди Уорхол¹ Вот Наталья Николаевна такой шедевр купила бы?».

Он снова посмотрел на часы. 15 минут одиннадцатого. Со времени его звонка прошёл один час 15 минут.

¹ Энди Уорхол – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, создатель произведений, которые являются синонимом понятия «коммерческий поп-арт».

«Так, девушкам положено опаздывать на свидания. А юношам положено ждать. Так что нечего нервничать. Хотя она не девушка, а ты не юноша. И в Москве жара и пробки».

Ему захотелось пить, но он не решался уйти с моста, боялся, что разминется с ней.

Однако прошло ещё 15 минут.

Потом ещё 15.

Вот стрелки его часов показали 11.00.

«Сколько раз в сутки часовая, минутная и секундная стрелки сходятся на одной отметке?» – вспомнился ему школьный вопрос.

Оказалось, два раза.

Но он до сих пор не выяснил, на каких именно цифрах стрелки сходятся воедино.

«Хорошо бы пойти к Владимирской, – подумал он. – Но теперь как пойдёшь? Нельзя. Если бы раньше... Если бы да кабы!..»

Он подумал и о том, как хорошо, что икона Владимирской Богоматери теперь находится не в выставочном зале Третьяковки, а в церкви, пристроенной к музею. Причём пристроенной так, что она не портит исторического вида музея, находясь за основным зданием. Как хорошо придумали, что одна из главных святынь Православия находится там, где ей и положено быть – в храме. И условия хранения святыни соблюдены, температурный режим, оклад с пуленепробиваемым стеклом – всё устроило музейщиков. А православный народ успокоился – хочешь помолиться, пожалуйста, приезжай в эту церковь, молись, никакие экскурсанты иностранные, в шортах и соломенных шляпах, в блузках, едва прикрывающих груди, здесь тебе не помешают молиться. Если и пустят сюда иностранцев, захотевших увидеть Владимирскую, то заставят туристок надеть платки и прикрыть голые ноги лёгкой шёлковой тканью, опоясавшись которой, женщина как бы окажется в юбке.

Приходя в Третьяковку, Брусенец всегда шёл в зал иконописи на первом этаже, подходил к «Троице» преподобного Андрея Рублёва. В молодости он лишь созерцал её, открывая всё новые и новые особенности этого рукотворного чуда, поражаясь гению русского мастера. Со времени его воцерковления он стал и молиться перед ней, не выставляя напоказ свою веру, как некоторые посетители музея, стоящие у иконы с раскрытыми молитвословами.

Он стоял молча перед Владимирской, поражаясь её совершенству и неземной красоте. Доходило даже и до того, что он, чувствуя слёзы на глазах и боясь, что кто-то их заметит, резко поворачивался и быстро уходил.

Со временем он победил стеснительность и уже задерживался у этих святынь, сколько ему хотелось. А когда Владимирскую перенесли в специально выстроенный храм, тем прекратив споры между музейщиками и верующим народом, Алексей обрадовался несказанно, взяв за правило начинать свои дела в Москве молитвой у Владимирской. Когда-то так поступали москвичи и приезжающие в столицу, молясь в Иверской часовне перед иконой Её.

Часовню перед входом на Красную площадь восстановили, Чудотворную икону сюда вернули. Но всё-таки это был список, а не сам святой образ Богородицы. А образ Владимирской хотя тоже список, но с того образа Пресвятой, который написан самим евангелистом Лукой. Привезён в Москву, и в честь этого события установили специальный праздник, встречая Её торжественным крестным ходом.

Брусенец посмотрел на часы: 11.30. Да, запаздывает девушка. Позвонить...

После длинного гудка соединение произошло лишь на секунду, а потом посылались один за другим короткие гудки.

Брусенец позвонил ещё раз.

Эффект тот же самый.

«Значит, дело не в связи. Звонки просто сбрасывают. Разговаривать не желают. Что ж, может, занята по работе. Разговаривает с какой-нибудь важной персоной. Или готовят к показу новую коллекцию. Мало ли у них там неотложных дел. Государственных.

Но неужели нельзя позвонить? Ведь она знает, что её ждут уже два часа. Если быть точным, то два часа пять минут.

Как говорил в таких случаях отец: «Довольно рыбки половили, пора и удочки смотать».

Медленно от побрёл от моста. Обошёл главный вход в Третьяковку. Посмотрел на памятник, кивнул: «Здравствуй, Павел Григорьевич. Тебя, поди, бабы не обманывали. Послушными были. Мозги не пудрили. Или ты не знал, что такое любовь? Знал, знал. Ты же понимал красоту».

«Как мимолётное виденье... – продолжал он говорить уже про себя. – Как мимолётное виденье... Как гений чистой красоты».

На ступеньках храма он остановился. Перекрестился.

В храме пусто. Лишь за церковной лавкой женщина в очках чем-то занята. Вероятно, подсчитывает выручку, пока в храме никого нет.

В левом углу установлен киот с навесом перед иконой Пресвятой. В окна падают солнечные лучи. Они тянутся к киоту, достают до него. Но всё равно виден мерцающий огонёк лампы, горящей перед иконой.

Брусенец подошёл к иконе, опустил перед Ней на колени.

«Мать Божия, Пресвятая и Пречистая! Вот стою пред тобой, недостойный, весь в грехах с головы до пят. Понимаю, поступки мои недостойные, глупые. Может, я всё нафантазировал? Про чинушу мужа и красавицу, которая вышла за него карьеры ради? Или на самом деле полюбила его... Разве чинуши и торгаши все плохие? Может, он как раз хороший? Вот она одумалась и не пришла. А что вид у неё болезненный, так мало ли. В наше-то время. Вот и не состоялась наша встреча. Вот оно и к лучшему, не разбил я семьи. Может, у них просто размолвка. А я... Прости мои прегрешения, Преблагая и Пречистая. Прошу у Тебя благословения на дорогу и труд. Конечно, это будет большое панно не во славу Православия, ведь я лечу в Киргизстан. Там в основном мусульмане. Но я придумал вот что... Это будет праздник. Праздник народа, который был с нами дружен. По крайней мере, в советские годы. Представь, долина между горами, джайлоо называется. Изумрудная трава, и в Альпах такой красоты не найдёшь. Горы в снеговых шапках, сияющих на солнце как алмаз... Тут и там по долине юрты, народ празднично одет, смотрит, как наперегонки несутся всадники... А тут борцы на кошме сошлись в крепких объятиях... На взгорке – на коне всадник, беркут у него на руке. Это беркутчи, знаменитый охотник. А вон от него Белая лебедь, почти как наша Царевна-Лебедь, улетает. Понимаешь, это красавица Айчурек, обернувшись лебедем, уносит с собой любимого сокола, батыра Семетей, её суженого... Он будет искать любимую, а значит, и свою душу... Такая есть у киргизов прекрасная книга, «Манас» называется. Ну, ещё в правом углу комузчи, или манасчи, сидит с комузом, как раз об этом поёт... дети рядом... Киргизия. Древняя страна. И моя тоже... У меня же там отрочество прошло... Такое вот будет панно к юбилейной выставке».

Прости, что я так подробно всё рассказал. Нет, я не на халтурку подрядился. А хочу отдать должное народу, который в войну многих наших прию-

тил и спас, как братьев. Да и Кабир, мой друг ещё по институту, это он мне заказ устроил. И вот я еду... Хочу устроить праздник для друзей моих, страны, которую я, грешный, до сих пор считаю частью своей Родины. Разве это не так? Разве это плохо?

Богородица, Пресвятая и Пречистая Матерь Божия!

Я встретил женщину, которую долго-долго искал. Или мне только так показалось? Я просто ослепился её красотой? И всё? И по привычке нафантазировал неизвестно что?

Просвети, прошу Тебя!

Открой мне глаза!

А если это она... если это моя судьба... может, это и есть Белая лебедь Айчурек? Не дай мне расстаться с ней.

Впрочем, не как я хочу, а как Ты решишь».

Алексей поднялся с колен, подошёл к иконе и приложился к ней.

Ещё раз увидел Её глаза – неземные, с тихой скорбной радостью, нежной материнской ласковостью и всепрощением.

Он ещё раз перекрестился широким крестом, пошёл к выходу.

Проходя мимо ресторанный веранды, замедлил шаг, остановился.

Увидел вчерашнюю официантку Лидию. Она ему дружески улыбнулась.

Он решил перекусить и выпить.

– Что же вы один? – спросила Лидия.

Она была хорошо сложена, приветлива. Безукоризненная шёлковая белая блузка, чёрная юбка с крахмаленным передником. На голове изящный белый кокошник.

Алексей в ответ лишь развёл руками.

– Мне показалось, что она очень хочет видеть вас.

– Когда?

– Да только что. Минут десять, не больше.

– Правда?

– Да зачем же мне вас обманывать.

– Ох, Лида!

Он рванулся к выходу, чуть не сбил какого-то человека, что есть сил побежал к мосту. Издали он приметил, что на мосту есть какие-то люди.

Убыстрил бег, боясь, что упустит Алину.

Но на мосту стояли незнакомые парочки. Он побежал дальше, задыхаясь, но не сбавляя бега.

В конце боковой аллеи, по которой они шли вчера, он увидел какую-то женщину, издали похожую на Алину.

– Алина! – что есть сил заорал он.

Но вышло хрипло, простуженно.

– Алина! – теперь получилось погромче.

Женщина остановилась.

Подбегая ближе, Алексей понял, что это не Алина.

Задыхаясь, вытирая пот, который катился по спине, по вискам, щекам, он ухватился за фонарный столб, чтобы не упасть.

Женщина с удивлением и состраданием смотрела на него, ничего не понимая.

И тут от троллейбусной остановки, бывшей неподалёку, отделилась какая-то женщина в соломенной шляпке и пристально посмотрела в сторону едва стоящего у фонарного столба задыхающегося Брусенца.

Она быстрыми шагами пошла навстречу ему, перейдя с шага на бег. Чем больше она приближалась, тем отчётливей становилось видным лицо жен-

щины в соломенной шляпке, в белом платье, расписанном каким-то цветами, с дорожной сумкой в руке.

Подбежав к Алексею, она бросила сумку на тротуар и торопливо обняла его. Если бы она не сделала этого, он бы упал.

- Ну что ты, что ты! Разве можно так!
- Алина, – только и мог сказать он в ответ.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ВЫБОР

В дорожной сумке у неё оказалась бутылка с водичкой, коробочка, похожая на пудреницу, в которой теснились таблетки разных цветов, напоминающие карамель. Он смотрел, как она перебирает их тонким пальцем с наманикюренным ногтем. Вот пальчик остановился, она взяла бело-розовый баллончик и протянула ему.

– Выпей.

Он послушался, покорно дал ей вытереть пот с лица.

- Последствия чернобыльской катастрофы ликвидированы.
- Не остри. Посиди спокойно минут десять.
- Иначе яд не начнёт действовать? Почему не отвечала на мои звонки?
- Не могла.
- Как это не могла?
- У меня отняли телефон.

Он почувствовал себя легче, дышал уже ровно, расслабился. И перестал обращать внимание на людей, ожидавших троллейбусов и автобусов. К тому же они уезжали, торопились, как обычно. Им некогда было рассматривать бедолагу, у которого, видимо, прихватило сердце от жары.

- Скажи, пожалуйста, зачем ты приехала? Ведь почти три часа прошло.
- А ты куда делся? Картины рассматривал?
- Не угадала. Хочешь правду?
- Хочу.

– Ладно. Слушай. Я молился перед Владимирской, чтобы она помогла мне не потерять тебя. И, как видишь, меня услышали.

Она смотрела на него долгим, немигающим взглядом, словно впервые увидела.

Минуты две они сидели молча, потом она сказала:

- Заедем на Киевский, возьмём твою сумку.

В троллейбусе они сидели молча. Он рассматривал её платье из белого хлопка, одуванчики, разбросанные по нему тут и там. Они казались выпуклыми, словно живыми, булавками пришитыми к полотну.

– Никак не пойму, какая это техника. И вчерашние ромашки были как живые.

- Моё ноу-хау. Продам, но дорого.

– А мы за ценой не постоим. Скажи, пожалуйста, ты за город собралась? На дачу?

- Вроде того.

Они забрали сумку из автоматической камеры хранения, подошли к оставке, откуда отправлялась маршрутка в Шереметьево.

Вот она и подошла. Алина проворно залезла в салон, поставила сумку на соседнее место, рядом с собой.

– Садитесь, раненый.

Он улыбнулся, радуясь и ещё не веря, что она проводит его до аэровокзала.

Ехали молча, он не знал, о чём говорить. Словно вся его говорливость и остроты куда-то исчезли, а вместо сорокалетнего Алексея Брусенца оказался семнадцатилетний Алёша, который в автобусе ехал майским днём в предгорья Ала-Тоо, в долину, сплошь заросшую горными тюльпанами, небольшими, ярко-красными, как капельки крови. Рядом сидела одноклассница Катя Кириченкова, позади Юрка Мураш, его друзья по футбольной команде и по всем остальным играм и делам, большим и маленьким. Алёша тогда понимал, что сейчас самое время взять руку Кати и задержать в своей хотя бы на минуточку. Сердечко его билось, но он не решался даже посмотреть в сторону Кати.

«Трус, трус! – казнил себя Алёша. – Ну, что же ты?»

Но рука словно одеревенела, не двигалась с места.

И сейчас то же самое повторяется.

– А я вчера по интернету посмотрела твои картины.

– И как тебе?

– Понравилось. Особенно портреты. Видимо, ты очень любил своего отца. Портрет его особенно запомнился.

– Спасибо.

– И коробочка с цифрой 50 не показалась мне лишней, как написал один из комментаторов.

– Комментарии могла бы и не читать.

– Интересно. Мне теперь всё интересно, что с тобой связано.

– Тогда слушай. В той самой коробочке из-под красной бархатной обивки выглянул кусочек белой бумаги. Я осторожно взялся за него и вытянул фотографию мамы. Молодой. Она была похожа на актрису Алисову. Фильм «Бесприданница» помнишь? Старый? Отец в неё влюбился, а она замужем. И всё-таки он добился её руки. Он мне рассказал, что однажды зимой, когда они были где-то на отдыхе под Москвой, он тогда в «Известиях» работал, а она диктором в радиокomite, произошло вот что. Она ему сказала «нет» и на санях уехала с кем-то из сослуживцев в Москву – почему на санях, я не понял, но точно помню, что именно на санях. Потому что он мне тогда сказал, что упал на снег и – представляешь! – след от саней стал целовать. Рассказывал под хмельком и даже прослезился. Речь у нас шла о моём разводе, он казнил меня за то, что я ушёл из семьи, оставив Вику с моей бывшей. Он хоть и понимал, что не я виноват в разводе, но утверждал, что я должен был простить Ларису ради Вики. И в качестве примера приводил себя, своё собственное прощение мамы, когда она уехала из Москвы в Питер, Ленинград тогда, с неким Бородачёвым, известным в то время сочинителем текстов к опереткам, довольно популярным. Этот Бородачёв обещал сделать из мамы певицу, и всё у него почти вышло, но что-то такое у них случилось, до сих пор не знаю, что, но она неожиданно вернулась к нам. И отец простил её. Более того, она поставила условие, чтобы он никогда не попрекал её Бородачёвым, и он согласился. Хотя и попрекал, когда запивал, был у него такой период. Когда-нибудь я тебе об этом периоде расскажу. Сейчас не время. Приехали.

Она шла за ним, не отставая. И когда уже встали в очередь на регистрацию билета, он вдруг повернулся к ней, словно поражённый какой-то внезапно налетевшей мыслью.

– У тебя паспорт с собой?

– С собой.

– Слава Богу!

Она выжидательно посмотрела на него, и он заметил, что она тоже волнуется.

– Полетим в Бишкек вместе, а?

– Ты серьёзно?

– Куда уж серьёзней. Ну хочешь, я перед тобой на колени встану?

– Не вздумай.

– Тогда давай паспорт, сейчас билет возьмём.

Она продолжала смотреть на него, не открывая своей дорожной сумки.

– Алина, я тебе клянусь самым дорогим на свете. Памятью отца, о котором говорили. Просто приглядишься ко мне. И решишь, подхожу ли я тебе. И улетишь обратно в свою высотку. Я тебе клянусь. Вот и всё.

– Нет.

– Ну почему?

– Есть другие важные обстоятельства.

– Да какие могут быть обстоятельства, когда даже телефон отнимают. Давай паспорт, очередь подходит!

– Билеты не в этой кассе продаются, – сказал мужчина, стоявший позади них.

Он был в летнем белом костюме, в белом галстуке, чёрной рубашке. Импозантный и приветливый. Алексей и Алина говорили слишком громко, особенно Алексей. Поэтому импозантный мужчина всё слышал.

– А в какой кассе? – спросил Алексей, повернувшись.

– Вон там окошко, второе слева, видите?

– Вижу. Спасибо.

И Алине:

– Коленопреклонённо прошу.

Он всё-таки хотел опуститься на колени, но Алина удержала его, испугавшись. Полезла в сумку, достала из косметички паспорт.

Алексей схватил его, как утопающий хватается за обломок мачты корабля. Бросился из очереди к кассе, которую ему указал импозантный мужчина.

Тот одобрительно улыбнулся Алине.

Она растерянно улыбнулась в ответ, так и держа расстёгнутую косметичку в руках. Импозантный мужчина предупредительно поднял с пола дорожные сумки Алины и Алексея и продвинул их вперёд. До кассы оставалось несколько шагов.

– Вы встаньте в сторонку, ближе к окошечку, чтобы все видели, что ваш спутник отошёл на минуточку. Вот так, правильно. Да не волнуйтесь, время до вылета самолёта ещё достаточно. Всё будет хорошо, вот увидите.

– Вы так думаете?

– Уверен. И желаю вам приятно провести время в солнечной Киргизии.

Напрасно Алексей боялся, что билета ему не достанется. И в салоне самолёта оказались свободные места. Бортпроводница, в тёмно-синем форменном костюме, в пилотке, ладно сидящей на ее чёрных волосах, усадила их рядом.

Обычная суэта перед началом полёта закончилась. Стюардесса рассказала о времени и высоте полёта, показала, какие необходимо принять меры в случае аварийной ситуации и прочего, а Брусенец в это время всё ещё не мог прийти в себя, поверить, что Алина сидит с ним рядом в самолёте, улетающем из Москвы в Бишкек. Он не знал, плакать надо или смеяться, радоваться или огорчаться, не знал, что будет с ним через минуту или через час. События разворачивались стремительно, как будто не по его воле, а сами собой,

надо только было успевать поворачиваться, бежать и не падать. И верить, что всё получится.

Алина не могла объяснить себе, почему она послушалась Алексея, почему села сначала в маршрутку, а потом в самолёт. Ведь летит она в другую страну, летит с незнакомым человеком, который так бурно стал за ней ухаживать.

Почему дала уговорить себя? Ей было не привыкать к ухаживаниям, робким и грубым, с намёками на близость и обещаниями райской жизни, комплиментам и подарками, взглядам сальным и прилипчивым, реже одобрительным и приветливым. Что поделаешь, работа такая, ты часто на виду, сначала рассматривают твою продукцию, а потом тебя саму, с ног до головы, и обратно. И ты должна уметь подать себя, продать товар, а товаром часто считают и тебя саму. Не к такой жизни она стремилась, не моделью хотела стать, а заниматься творчеством, рисовать, придумывать фасоны одежды, аксессуаров к ней. Сначала это было обычное девичье увлечение, занималась она языками, английским по преимуществу, попутно французским.

Поступила на филфак в педагогический, рада была несказанно, что стала учиться в Москве. И начались встречи, знакомства. Поклонников всегда было много. Она отвечала на ухаживания только самых лучших, по её мнению, мужчин. И наконец остановила выбор на Игоре Сметанникове, красивом и умном человеке, который сделал стремительную карьеру в модельном бизнесе. Но только жизнь с ним пошла совсем не по тем правилам, которые ей казались правильными, а которые он исповедовал в жизни и уверенно шёл вперёд. Кончилось тем, что он полностью подчинил её себе не только на работе, в делах больших и малых, но и в совместной жизни. Стал приходить, когда ему вздумается, ссылаясь на дела, командировки по стране и за рубеж, куда он брал её с собой всё реже и реже, а потом и вовсе перестал. Дело его разрасталось, «Дом Сметанникова» стал известен и прибылен, сеть магазинов увеличивалась год от года. И вот итог: малейшее её непослушание строго каралось, конфликты учащались, и третий год их совместной жизни привёл к тому, что и произошло вчера: Алина отказалась подчиниться требованию не встречаться с этим «проходимцем, неизвестно каким художником», как он выразился. Мало того, что ворвался в дом, да ещё и повёл речь о работе. Нет, что ли, у него отличных специалистов, проверенных, именитых. Да и зачем вообще нужен портрет? Досталось и Наталье Николаевне, а когда Алина объявила, что она обещала позвонить и обязательно позвонит, он отнял у неё телефон, как у провинившейся школьницы.

Собственно, эпизод этот явился бикфордовым шнуром, поджечь который можно было и без этого ничтожного, на первый взгляд, инцидента.

Алина давно поняла, что надо уходить, но всё не решалась, обдумывала – куда уйти, где найти новую работу.

Утром ушла, сказав Наталье Николаевне, что едет к подруге – в Москве жара невозможная, а у Татьяны сад, бассейн. Вернётся к вечеру. Сама не знала, куда поехать, а просто шла, куда глаза глядят. К мосту у Третьяковки приехала так, чтобы убедиться, что этот Брусенец, конечно же, уже ушёл, не дождавшись ни её, ни телефонного звонка.

Но вот она с ним. В самолёте, который, ревя моторами, разбежался по взлётной полосе, оторвался от земли, от Москвы, от всей прошлой жизни Алины Колосовой, которая так и не стала Сметанниковой – они зарегистрировали брак, но фамилию Алина не сменила, будто наперёд знала, что семьи у них не получится. А он всё обещал, что скоро они построят свой дом, уедут из высотки, и тогда заживут на славу, и будут у них дети, вот только надо подождать, и наступят лучшие времена.

А времена становились худшими – хотя дело его разрасталось и даже преуспевало.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОПЯТЬ РЕЗКИЙ ПОВОРОТ

Европеизированная киргизка на русском, английском и родном языке объявила, что самолёт снижает высоту и надо пристегнуть ремни. Алексей повернул голову к Алине. Лицо её, бледное, усталое, глаза закрыты, вызвало в нём тревогу. С внезапной ясностью он вдруг почувствовал, что теперь отвечает за вот эту хрупкую белокурую молодую женщину, которая сейчас показалась ему почти ребёнком. Ему захотелось назвать её не Алинушкой, а Алёнушкой, приласкать, как сестрёнку, успокоить, но вслух он сказал:

– Алина, тебе плохо? Делай глотательные движения. Вот пакет, на всякий случай возьми.

– Не беспокойся, сейчас пройдёт. Отвернись.

Самолёт встряхнуло, Алексей вдруг понял, что его самого сейчас может вырвать, и торопливо отвернулся. Самолёт бросило ещё раз, как в яму, он резко снизился и стал разворачиваться, готовясь к заходу на посадку.

Вот он вышел на взлётно-посадочную полосу, выпустил шасси, и колёса точно и в срок коснулись киргизской земли.

Командир корабля был ещё советской выучки и посадил самолёт как положено.

В салоне раздались аплодисменты, и Алексей тоже обрадовался, увидев в этом добрый знак. Он отважился посмотреть на Алину, нашёл её лицо хотя и утомленным, но не таким бледным, как раньше. Тронул её руку и сказал:

– С прибытием.

Стоило выйти из самолёта и ступить на трап, как сразу в лицо пахнул утренний воздух, тёплый, безветренный, но всё же свежий, знакомый. Это ощущение подтвердилось и зрительно: спустившись по трапу и ожидая Алину, он увидел за самолётом гряду гор со снеговыми белыми вершинами.

Их встретил сухощавый, спортивного сложения мужчина лет тридцати, узкоглазый, широкоскулый, смуглый.

– Я от Керимбекова, – представился он. С некоторым удивлением он смотрел на Алину. – Мне сказали, что вы один.

От аэровокзала «Манас» он повёл их к стоянке машин, посадил их в чёрный, матово отсвечивающий «мерседес», похоже, новенький.

– Надо было позвонить, – сказал он Алексею.

– Так получилось. Форс-мажорные обстоятельства.

– Какие?

– Форс-мажорные. Чрезвычайные. Вроде ГКЧП.

– ГКЧП? – изумился водитель и по совместительству, видимо, охранник Керимбекова Азата Канатовича, искусствоведа, владельца частной картинной галереи.

Алексей понял, что шутки неуместны с этим серьёзным и ответственным, судя по его виду, человеком.

– Я имел в виду неожиданные обстоятельства, – пояснил он. – Вас как зовут, простите?

– Башир.

– А по отчеству?

– Можно без отчества.

– Хорошо. Видите ли, Башир, мой эскиз панно потребовал некоторых изменений, так как его размеры увеличились на два с лишним метра. Мне нужен надёжный помощник, с которым я уже работал. Вот я и предложил поехать со мной Алине Леонидовне. Она понимает меня с полуслова, кроме того, владеет английским языком, а ведь нам придётся общаться с этими господами – они ведь могут высказать свои замечания, поскольку придут на выставку. Алине Леонидовне пришлось согласовать поездку с начальством, она очень ценный специалист. Вот и возникли проблемы, которые удалось разрешить в самый последний момент.

Башир утвердительно кивнул, смотря на Алину в зеркальце заднего вида. Смотрел теперь, как показалось Брусенцу, с некоторым почтением.

– В гостинице будут небольшие проблемы. Но мы их решим.

– Не сомневаюсь.

Между тем машина неслась по гладкому шоссе к столице Киргизии, теперь Киргизстана, мимо села, прежде называвшегося Васильевкой, а теперь не известно как. По обе стороны от шоссе всё так же стояли, ближе к селу, пирамидальные тополя. Но вот «мерседес» вырулил на открытое пространство.

– Посмотри в окно. Сейчас горы хороши, – сказал Алексей Алине.

И в самом деле. Утренняя дымка разорвалась, выглянувшее солнце осветило снеговые шапки, светлеющие под ними склоны, тёмные в самом низу; далее долину, мягко зеленеющую вдоль горной реки, светло-жёлтую там, где давно не возделывали землю, а теперь отдали американцам под военную базу и потому вокруг неё прекратили заниматься земледелием.

– Башир, останови, пожалуйста.

И Алине:

– Выйдем на минутку.

Они вышли из машины, встали лицом к горам.

Вид перед ними и впрямь открылся замечательный.

Выжженная трава не казалась сейчас жухлой, а в утренней дымке ровно желтела, даже красиво, простираясь до самых гор.

Алексей посмотрел на Алину.

Бледность ушла с её лица, оно ожило, вернулись прежнее обаяние и красота, когда она радостно улыбнулась.

И Алексей обрадовался, осознав, что она видит красоту мира, гор, долины, которая по названию реки называется Чуйской.

У гор и долин, рек и озёр есть жизнь, они живые – он с детства понял это. Но сформулировать смог лишь в зрелом возрасте.

– На горных долинах красота намного ярче, насыщенной цветом. Сама увидишь и восхитишься.

– Ты возьмёшь меня с собой? И также будешь нести ахинею?

– А то как же! Тебя должны бояться. Не будут приставать с ухаживаниями. Я обязательно скажу, что ты прошла курсы тхэквондо и имеешь звание мастера спорта.

– Вот балабол так балабол!

– Со мной не соскучишься.

В новой гостинице «Кыргызстан» их разместили по просьбе Алексея и при активном содействии Башира в соседних номерах. Они отдохнули, позавтракали, а в одиннадцать часов позвонил Башир и сказал, что Азат Канатович ждёт их.

– Пойдём вместе, – сказал Алексей Алине.

– Да ты что! Кроме этого платья, я ничего не взяла из верхней одежды.

– В этой ты как раз и хороша.
– Нет, нельзя. Официальный визит, ты что!
– Да перестань. Я тоже не в парадном костюме пойду. А к официальному приёму, если он будет, мы купим тебе вечернее платье и какие-нибудь сногшибательные туфли.

– Нет, не уговаривай. К тому же мне надо отдохнуть. Я ведь совсем не спала.

Он согласился. Отдал ей свой телефон и сказал:

– Себе я куплю. Можешь позвонить и сказать, что считаешь нужным. Он ведь не даст тебе покоя. Заставит выяснять своих нукеров, где ты. Поверь, они покруче Башира. Понимают, что такое форс-мажор и ГКЧП.

– Ладно. Я подумаю.

– Подумай. Азат Канатович наверняка пригласит нас на обед. Я попрошу, чтобы он был ближе к вечеру, как жара спадёт. А до этого мы с тобой пробежимся по бутикам. Тут их поменьше, чем в Москве, но всё же немало. Отдыхай.

Башир привёз Алексея к зданию, где находились галерея «Сезам» и офис Азата Канатовича. Здание новое, из стекла и бетона, модерн.

Открыто солнцу и ветрам – деревья посажены недавно, тени не дают.

Поднимаясь по коврам к кабинету Керимбекова, Брусенец чувствовал волнение, хотя заказ оговорён и обсуждён, но кто знает, как дело обернётся.

Керимбеков представлял собой невысокого плечистого человека неопределённого возраста, с высоким покатым лбом – причёска на его большой голове начиналась чуть ли не с макушки. Зато волосы от затылка опускались на плечи, как бы компенсируя их отсутствие впереди. Глаза у него были не такими узкими, как у горных киргизов, а достаточно широкими, маслянистыми, как у киргизов южных кланов, которые и были сейчас у власти в республике.

Глаза эти светились умом, а когда Азат Канатович улыбался (а улыбался при разговоре он довольно часто), в них появлялось нечто большее, чем просто ум. Появлялась и некая хитрость, говорящая о том, что с этим человеком надо держать ухо востро, иначе обязательно попадёшь в ловушки, которые этот человек умело расставляет. Добыча бежит от ловца, вроде бы уже уверена, что спаслась от преследования, но как раз и попадает в умело поставленный капкан.

– Рад, рад несказанно, – приветствуя гостя, Керимбеков встал из-за просторного стола и пошёл навстречу Алексею. – Долетели благополучно? Устроились хорошо?

– Всё в полном порядке. – Алексей сел в предложенное кресло у низкого столика, стоящего сбоку от начальственного стола.

– Ну и отлично. И спутница ваша, надеюсь, довольна? Кажется, Алина Леонидовна?

– Совершенно верно.

– Неожиданно, признаться. К тому же отличный специалист.

«И это успел доложить», – быстро подумал Алексей о Башире.

– Ну, это я загнул, так, для субординации. Но она владеет английским и французским, это точно. Так что помощница и впрямь мне необходима.

– Понимаю, понимаю... Я ведь почему спрашиваю, Алексей Михайлович. Вам предстоит поездка в горы, на джайлоо, о чём вы просили. А ведь там сложности для европейцев, так сказать...

– О, не беспокойтесь, Азат Канатович. Она закалённая, готова к трудностям.

Керимбеков выжидательно смотрел на Брусенца. Опять широко улыбнулся.

– Отлично, отлично...

И так же внезапно стёр улыбку с лица.

– Понимаете, Алексей Михайлович, тут у нас внезапные сложности. Обстановка в стране беспокойная... Может, у вас, в России, это и не знают... Впрочем, Кабир Мухамедович, думаю, вам говорил...

«К чему он клонит?» – подумал Алексей.

– Да, я в курсе. Но эта борьба... политическая... надеюсь, к нашему заказу не относится?

– Приятно общаться с умным человеком. А не только с талантливым художником. Да, Кабир Мухамедович уже долго не живёт на родине и многого не знает. А обстоятельства меняются быстро, как погода в горах...

Алексей молчал, выжидая, что Керимбеков скажет дальше.

– Не хочу вас вот так, с налёта, огорчать... Но предупредить обязан.

– О чём?

– Разумеется, о панно.

Повисла пауза.

Алексей решил всё узнать до конца.

– Что – панно? – спросил он, глядя Керимбекову прямо в маслянистые выпуклые глаза.

– Не желаете ли чего выпить? – предложил Керимбеков. – Прохладительное, спиртное, кумыс?

– По жаре, пожалуй, просто воды.

Керимбеков нажал кнопку, секретарша принесла не только прохладительные напитки. Была она, как положено, в короткой юбочке, в белой блузке, причёсана по последней моде.

Выпили водички.

– Вода благоволила литься... – снова вспомнил Брусенец.

– Что? – не понял Керимбеков.

– Да так, стих один, про воду. Там строки такие, что вода дистиллированная есть вода мёртвая. А нам нужна вода живая.

– Верно, – Керимбеков опять напялил улыбку. – Вода живая. Это из сказки. В общем, наш президент решил, что панно юбилейное, выставочное, должно, так сказать, выразить душу народа, – улыбка сползла с его лица. – И над полотном должны работать национальные художники. Мы тут в один голос стали его убеждать, что вы наш, что ваш иссык-кульский цикл лучше всего говорит о том, что вы понимаете самую суть Киргизии, к тому же можете выразить это талантливо, что главное... Но, понимаете, сейчас обстановка такая, скоро ведь выборы... Он в предвыборной кампании делает ставку на всё национальное, понимаете?..

Брусенец почувствовал, что сердце словно замерло, вроде исчезло вовсе, а потом вдруг напомнило, что оно есть, живое, и забилось учащённо. Он налил себе из бутылки немного коньяку, помня, что коньяк помогал ему в таких случаях.

– Пожалуй, выпью.

– Пожалуйста, пожалуйста, – поспешно сказал Керимбеков. – Коньяк отличный, армянский... Понимаете, Алексей Михайлович, наша Академия... Почти все академики в скрытой вражде со мной и с моей галереей. Заказ крупный, государство его поддерживает... Ну, естественно, борьба...

– Естественно.

– Хороший коньяк, правда? Закусить? Сладости?

– Нет, спасибо, – Алексей откинулся в кресле, прислушиваясь, как бьётся сердце. – Как же мы поступим с авансом?

– О, об этом не беспокойтесь. И поездка ваша на джайлоо не отменяется. Брусенец понял, почему Керимбеков не сказал раньше, что заказ переадресован по президентскому решению на местных академиков и что он, Брусенец, в ауте.

– И я еду отрабатывать аванс...

– Не только! – оживился Керимбеков. – Ваши пейзажи очень хороши! И главное – хорошо покупаются!

– Понятно... Но вот что, Азат Канатович. Я, допустим, возвращаюсь с джайлоо, где буду жить? Мастерская? Краски, холсты? Да и есть что-то надо.

– О, не беспокойтесь, Алексей Михайлович! Всё предусмотрено! Правда, я не предполагал, что вы будете со спутницей...

– Да, это обстоятельство не предвидено и мной. Нельзя ли увеличить аванс?

– Можно. Если мы заключим новый договор.

Он встал, подошёл к начальственному столу, вынул из ящика бумагу и дал её Брусенцу.

Алексей стал внимательно читать.

«Пять пейзажей! А размеры-то! Размеры! Так... Сумма приличная... Выплата? Ах, по мере продажи картин... Господи, а если их не будут покупать?»

Он посмотрел на Керимбекова. Лицо непроницаемое, ждущее – или улыбаться ему, или хранить такое же неприступное выражение.

– Азат Канатович, во-первых, пять работ, допустим, я за месяца два сделаю. Может, и быстрее. Как дело пойдёт. Но размеры ведь диктуются натурой, вы же понимаете... Давайте про размеры вот тут изменим. Да-да, я буду учитывать коммерческий спрос, знаю размеры для особняков нынешних бизнесменов... Сумма приемлемая. Если учесть, что расходы на материалы вы берёте на себя. Так?

– Так, так, дорогой Алексей Михайлович. Как хорошо, что вы всё понимаете и не спорите по мелочам! – Керимбеков опять улыбался. – Вам подлить? Я с вами, за компанию. Да, надеюсь, вечером мы посидим в домашней обстановке? Роза Тимуровна ведь поклонница вашего творчества. И с вашей спутницей рада будет познакомиться.

– Договорились. Я заберу с собой договор, ладно?

– Конечно! Вам надо его изучить... В семь вечера Башир за вами приедет, хорошо?

Он проводил Брусенца до дверей, всё так же масляно улыбаясь.

И лишь когда гость ушёл, позвонил Баширу, сказав:

– Будь с ним, выполняй просьбы. Наблюдай. В семь привезёшь его ко мне.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АЙЧУРЕК – ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ

Алексей не знал, надо ли покупать Алине вечернее платье и «сногшибательные туфли», которые он обещал, потому что прежде всего предстояло экипировать её к поездке в горы.

В супермаркете «Айчурек», куда их привёз Башир, выбрали тёмно-синий спортивный костюм с эмблемой «Roma», потому что он, хотя и оказался

недостаточно элегантным, по мнению Алины, но был тёплым, что устроило Алексея. Он объяснил ей, что в горах к вечеру холодает, а ночью вообще холодно, так что нужны и шерстяные носки, и не только кеды, но и тёплые ботинки.

Хорошо, что Башир сказал о куртках, которые у них есть для гостей, если те отправляются на пленэр в горы, и их покупать не надо. Но взамен курток Алексей заставил Алину согласиться на шерстяной английский свитер. Расплачиваясь, он лихорадочно подсчитывал, сколько же у него осталось денег. А ведь ещё надо одеть Алину для повседневной жизни в городе, где ему предстояло писать пять пейзажей в мастерской, которую пока он не видел.

Опять пришлось заставить себя не думать о том, каков будет завтрашний день. От быстро бегущих тревожных мыслей его отвлекали такие же быстро сменяющиеся впечатления от нарядов, которые примеряла Алина, к одобрению продавщиц и радости самого Алексея. А когда проходили бутик, где в витринах выставлены были манекены, разодетые в дорожные вечерние платья, Алексей остановился.

– Пожалуйста, выбери не очень дорогое, – сказал он Алине.

Она кивнула, пошла вдоль рядов платьев, висевших на металлических вешалках. За ней быстро пошла и продавщица, сразу углядев покупателей, которым можно всучить товар подороже. Она стала суетиться вокруг Алины, предлагая ей то одно, то другое платье. Но не тут-то было. Алина сама выбрала наряд, вышла из примерочной, показавшись Алексею. Платье эффектное, но слишком открытое.

Алексей пожал плечами.

Алина примерила другой наряд – брючный костюм из лёгкой шёлковой ткани. Он стоил дешевле и очень шёл ей. Да и одеть его можно было не только на парад.

Проходящие мимо покупатели, особенно женщины, увидев Алину, останавливались, пялились на неё, когда она выходила из примерочной в новой одежде, становясь в привычные для неё позы во время показа моделей одежды.

У бутика образовалась даже небольшая компания любопытствующих. Некоторые выражали своё мнение. А один пожилой киргиз, видимо, приезжий, даже заикался, одобрительно покачивая головой.

Остановились на брючном костюме, и Алексей понял, что попадёт в капкан, поставленный Керимбековым. Но душа его, в теперешнем состоянии влюблённости, в уверенности, что ему и море по колено, а не только река у Третьяковского моста, верила, что всё получится, что он выживет и победит.

Купили и туфли, правда, не супермодные, но всё равно дорогие.

Когда Алина застёгивала элегантный ремешок на них, щёлкнула не изящная застёжка, а замок на капкане, в котором уже находился Брусенец.

За всем происходящим наблюдал Башир, который и отвёз гостей в гостиницу.

Обедали в ресторане, в котором днём обслуживали посетителей по программе «бизнес-ланч». Впрочем, этот «ланч» заключался лишь в том, что не готовили первых блюд, а во вторые вкрапляли, для «национального колорита», несколько азиатских блюд, распространённых в Средней Азии. Объяснив Алине, что такое лагман и самса, Алексей предложил для начала испробовать эти кушанья. Оказалось, что Алина хорошо знакома с ними.

Посмеялись.

Но обоих тревожила не еда, не то, какие выбрать блюда на обед и что пить, а одни и те же мысли, которые время от времени возникали в сознании у каждого.

Алексей решил и спросил:

– Ты звонила?

– Нет.

– Боишься?

– Нет.

Он налил в бокалы сухого вина – для «бизнес-ланча» ничего другого, кроме «Ркацители», не оказалось. Пришлось пить это кислое вино, которое Алексей не любил.

– Послушай, Алина, у меня так складываются дела, что работа потребует месяца два. Может, и больше. Из гостиницы придётся съехать.

– И что?

– Мастерскую дадут, но я не знаю, какие там условия.

– Ты думаешь, я неженка?

– Нет. Но жить придётся по-разному.

– Ты слишком шиканул за эти дни?

– Я не о том. Ты... Ведь он прилетит, может быть, завтра.

– А мы в горы разве не завтра уедем?

– Но ведь невозможно всё время удирать. Надо объяснить ему, что мы...

– Что?

– Не просто беглецы какие-то. Не легкомыслие у нас в головах.

И не погоня за приключениями.

– А разве что-то другое?

– Да, другое.

– Какое?

– Ты ещё спрашиваешь. Разве надо что-то объяснять?

– Но ты же сам хочешь объяснений.

Алексей поставил бокал на стол. Подозвал официантку.

– Послушайте, у вас есть что-нибудь, кроме этой кислятины?

– Вы имеете в виду спиртное? В это время дня только сухие вина.

Вид у официантки был официален и даже суров. Это была женщина, много повидавшая на своём веку, русская, прежде шибко гулящая, а теперь определившаяся на хорошую работу благодаря одному давнему покровителю. Звали её, конечно же, Марией или просто Машей.

Алексей об этом осведомился.

– Маша, вот тут написано: «виски шотландский». Принеси, прошу очень, под видом кислятины. Как в советские времена делали. Приносили коньяк под видом чая, в стаканах с подстаканниками, помнишь?

Мария улыбнулась, показав крепкие зубы. Может, и вставные.

– Как не помнить. Так вам чайку?

– Ну да. Если виски нет, можно коньяк. Две порции – одну мне, другую моей невесте. Понимаете, у нас тут такая ситуация. Помолвкой называется. Правда, у меня неплохой выбор?

Мария улыбнулась ещё приветливей.

– Ох, да вы, господин хороший, видать из лихих, а?

– Угадала. А закусим самсой. Только попроси повара, чтобы побольше лука к мясу положил. Чтобы сочнее было. Как наша будущая жизнь. Замётано?

– Замётано, – отозвалась Маша и что-то записала в свой блокнотик.

Алина помолчала, потом посмотрела на Алексея, сказав:

– А ты и впрямь лихой. Или безрассудный? Ты же совсем не знаешь меня. А уже и жениться готов. А вдруг я стерва? Завоеешь.

– Не бойсь, Алина. Вот мы с тобой были в супермаркете «Айчурек». Узнай, кто она такая, эта девушка. Я ведь её и собирался рисовать на панно. Сейчас расскажу тебе о киргизском национальном эпосе. Под названием «Манас». Займу твоё внимание, пока готовят нам сочные и вкуснейшие самсы и принесут чаёк в стаканах с подстаканниками.

– Неужели такие ещё остались? Ведь их приносили лишь в вагонах дальнего следования. В мягких преимущественно.

– Верно. Но Маша, поверь – взгляд у меня, как видишь, намётанный – что-нибудь изобретёт не хуже стаканов с подстаканниками. Итак, внимай.

– «Манас», – начал он, – самый большой народный эпос в мире, это ты, наверное, не знаешь, хотя и филолог по первому образованию. Но что этот эпос велик не только по объёму, а по своему содержанию, тоже знаешь навряд ли. Объясню, почему. Видишь ли, нас воспитали на европейской культуре, причём как бы заранее определив, что она самая высокая в мире. Но вот в конце 19 века открыли японскую культуру и восхитились. Открыли иконопись. Опять восхитились. Буддийской верой увлекались лишь некоторые, вроде Рерихов у нас, некоторые на Западе и в Штатах. Что же касается Азии, по тут, конечно, знали про китайцев, а вот про Среднюю Азию думали, что это нечто самобытное, конечно, но малоинтересное, мягко говоря. Но по отношению к «Манасу» это глубокое заблуждение, смею тебе доложить. Прости за длинное вступление.

Тут Маша принесла с пылу с жару самсы, чаёк в фаянсовом расписном чайнике, чашечки, и Алексей улыбнулся.

– Вот спасибо, Мария, замечательно всё устроила.

– Про «Манаса» знаю в общих чертах, – сказала Алина. – Ну, великий батыр, победитель там в разных сражениях.

Алексею понравилось, что она поддержала разговор о «Манасе». Значит, можно повременить выяснять их отношения. Потом будет легче.

И он с энтузиазмом принялся дальше говорить о «Манасе».

– Вот именно, мы знаем о многом «в общих чертах», ты правильно сказала. И все мы так прежде поступали. Я помню, как в школе мы посмеивались, а то и прямо подкалывали нашего учителя киргизского языка, добродушного и умного, между прочим, учителя. Это я понял позднее, когда мой друг по институту Кабир взялся иллюстрировать «Манаса». Я ему помогал, но это потом расскажу, а сейчас пригубим чаёк. А самсу возьми салфеткой вот так, а то забрызгаешь свою замечательную кофточку.

Он показал, как лучше держать самсу, по форме похожую на наш большой пирожок, сваренный в подсолнечном масле, откусил, всасывая сочиво, мясное, луковое, перечное, чесночное – всё в меру, вкуснейшее, горячее, слегка обжигающее.

Попутно не удержался, чтобы не рассказать легенду про девушку по имени Самса. Вот она.

– Красавица по имени Самса ждала своего возлюбленного в высокой башне. Когда он прискакал, она не захотела тратить время на то, чтобы спуститься по лестнице. Прыгнула в окно, думая, что любовь подарит ей крылья. Но... разбилась насмерть. Жених утешить горе решил вот чем... Имя любимой решил в её честь увековечить выпечкой! И она, представь, прославилась во многих странах.

Спешно он налил минералки в стакан Алины, поскольку она перестала есть, замерла.

– Жжёт? Это с непривычки. Запивай скорее. – Он заметил, как она сморщилась, закрыв глаза. – Так... Не подумай чего плохого, эта легенда просто

красивая, совсем не про нас! К тому же финал... смешной, правда? В честь любимой создавать не памятник, не картину хотя бы, а пирожок! Отдышись... Теперь чаёк... Чокаться нельзя, конспирация... Хорошо, что здесь кондишен работает... Ну, за нас! Надеюсь, не пропащих!

Она отдышалась, теперь ела самсу не так осторожно, а уверенней.

– Ну, чем же тебя поразил «Манас»? Чем он лучше «Нибелунгов», например?

– Манас бьётся за объединение киргизов, вот в чём дело. Он возвращает киргизов на их исконную землю, в Ала-Тоо. Они ведь были изгнаны с родных земель на Алтай. Манас сражается с китайцами, уйгурами. Киргизы понимают, что явился наконец посланец небес, великий батыр. Идут под его крыло. Он не только силён, но и умён, и, главное, великодушен – таким и остался в памяти потомков. Обрати внимание, что у европейцев эпосы то завоевательные, то и вовсе про любовные интриги. Да, не улыбайся. Кто такой славный рыцарь Ланселот? Разве он не соблазнил любимую жену короля Артура? А Тристан и Изольда? Опять любовная история, опять на измене построена!

– Ну и чем же это плохо? Разве без любви есть хоть одно великое произведение?

– Нет, конечно. Я о другом. Ведь речь про эпос! В «Манасе» и о любви есть, она не менее яркая, чем у европейцев, сейчас увидишь. Но сначала речь идёт о защите Родины, о собирании земель, о надёжной защите их, понимаешь, о чём я?

– Ах вот в чём дело... Поняла. Ты про СССР?

– Я и про Россию, а не только про Киргизию. Посмотри, наше «Слово о полку Игореве» о чём? О Родине, понимаешь? И о победе в поражении, вот что открыл наш великий древний поэт. Поражение для князя Игоря становится путём к победе. Вот что он открыл, а не Хемингуэй, между прочим. И в «Манасе» есть просто потрясающие страницы, как его предательски копьём ударяют в спину во время намаза. По трагизму эти страницы ни в чём не уступают ни «Нибелунгам», ни «Песни о Роланде».

Маша принесла лагман, Алексей повторил «чаёк».

– Откуда ты так хорошо знаешь про «Манас»?

– Это всё мой друг Кабир. Он просил помочь, и, прежде чем согласиться, я капитально изучил тексты и про «Манаса», и кое-что из истории. Увлёкся. Я человек увлекающийся.

– Это я поняла.

Поели, а когда пили уже настоящий чай, зелёный, из трав, который нахваливала Маша, слышавшая краем уха учёную речь симпатичного «лихого» парня, как она определила Брусенца. Она уже рада была услужить гостям, обслуживала не только за чаевые.

– Теперь перейдём к тому, что для меня сейчас главное в «Манасе», – продолжил Алексей. – Когда он умирает, наследником становится сын Семетей. Это одна из книг «Манаса». Манас заключил мир с Ахун-ханом. Это тоже могущественный хан, и теперь между ними союз при вожде Манасе. И вот они договариваются, что будущий сын Манаса, который ещё во чреве его жены, будет супругом будущей дочери Ахун-хана. Родился, как обещано, батыр Семетей, красавец, удалец и достойный наследник великого отца. Он женат, о нём узнаёт дочь Ахун-хана, Айчурек, о которой и хочу тебе рассказать подробнее.

Он перевёл дух, отхлебнул чайку и продолжил:

– Айчурек – в переводе на русский «красивая, как луна». Но я понимаю, значение имени связано не с овальным лицом, которое любят азиаты, а с загадочностью лунного света, неземным её обликом, тайной, которая есть в лунном сиянии. Вот она оборачивается лебедем, летит к Семетею, видит его. Но ведь он женат! Ничего, она будет младшей женой. Но её гонят прочь, обзывают последними словами! Она забирает у спящего Семетея его любимого сокола и уносит к себе. И вот... рассказываю главное, опуская повороты сюжета. Семетей в погоне за Айчурек. В конце концов они узнают, что помолвлены ещё до рождения и что предназначены самой судьбой друг другу. Что влечёт за собой и объединение великих племён, процветанию Родины.

– И всё заканчивается свадьбой, пир на весь мир, – подытожила Алина, расслабившись после сытного обеда.

– Ну, а чем же это плохо? Тебе страдания юного Вертера больше нравятся?

– И там, и там – сказка. Романтика.

– Может быть. Но дослушай меня, как я это задумал изобразить. Айчурек для меня – как Царевна-Лебедь. Помнишь, как её гениально написал Врубель?

– Да, конечно. И что?

– Я хотел написать на этом панно Айчурек, которая забирает у Семетея сокола... Представь, она уже в полёте, сокол гордый, но покорённый... Лебедь прекрасна, у неё и человеческие, и птичьи черты... Она... чем-то похожа на тебя, Алина. До меня это дошло, когда мы летели в самолёте. И ты закрыла глаза, вроде спала... А потом глаза открылись, и в них я увидел Айчурек. Понимаешь, лунный свет... У Врубеля глаза Царевны очень трагичны, она между небом и землёй... А я хочу, чтобы небесное преобладало над земным... Понимаешь?

Она молчала, серьёзно глядя на него.

– Ты ничего не сказал про этого, как его...

– Семетей? Он проснулся, видит лебедя со своим соколом. Его написать надо так, чтобы он был второй частью картины. Главное – Айчурек. То есть – ты.

Подошла Мария.

– Вам что-нибудь ещё?

– Нет. Спасибо, Маша. Я как раз своей невесте успел сказать всё.

– Вот и молодцы. И я от всего сердца хочу вас поздравить.

– Спасибо, Маша.

Он рассчитался, а невеста пошла к выходу из ресторана, и многие повернули головы в её сторону, разглядывая заморскую птицу, залетевшую, наверное, по ошибке к ним в Киргизию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ИССЫК-КУЛЬ – ТЁПЛОЕ ОЗЕРО

Из Бишкека уехали утром следующего дня, и Алексей порадовался, что Алина собралась быстро и выглядела бодрой, свежей, как будто не было забот и беспокойств минувшего дня. Или она радовалась, что удирает от Сметанникова в горы, где он её не найдёт? Или у неё такой лёгкий, беззаботный характер? Вряд ли. Прежние её поступки говорили, что она осмотри-

тельна (его паспорт проверила и по интернету посмотрела не только его картины), смела, неглупа, знает себе цену.

Выходит, он просто вовремя встретил её в супермаркете, бывшем гастрономе, и отважился заговорить с ней?

Он не выдержал и спросил:

– Ты звонила?

– Да.

– И что сказала, если не секрет?

– Какие же могут быть секреты от напарника по побегу?!

Он широко улыбнулся, обрадовавшись: если она шутит, значит, у неё и в самом деле хорошее настроение. А это говорит о том..

– Алина, скажи в самых общих чертах.

– Достанет не только в Киргизии, но и из Новой Зеландии, и с Мадагаскара вытащит, так он выразился. И накажет, если я завтра же не вернусь в Москву.

Сегодня они ехали не в «мерседесе», а в микроавтобусе «фольксваген», с мягкими сиденьями в три ряда, хорошей проходимости, как сказал по телефону Керимбеков, желая после совместного ужина лёгкой дороги и удачной работы. За рулём сидел не Башир, а Рустем, словоохотливый и всё знающий человек лет пятидесяти. По виду его сразу же определялся тот тип умельца на все руки, который берётся за всё и вся, но ничего не умеет делать как следует и до конца. Зато может говорить как знаток и про политику, и про будущее страны и мира, и про театр, и про сантехнику.

Алексей и Алина сели справа от кабины шофёра на места в первом ряду кресел, так, чтобы видеть дорогу и в переднее, и в боковое окна. Переговаривались негромко, но Рустем, встречая в их разговор, этим показывал, что не собирается в дальней дороге быть молчаливым спутником, а наоборот, готов дать любую информацию как по географическим, историческим, так и любым другим сведениям, которые касались тех мест и красот, мимо которых они проезжали.

Керимбеков держал Рустема не потому, что этот всезнайка уже не первый год возил экскурсантов по туристическим маршрутам республики, а потому, что он легко мог общаться хоть с иностранными «денежными мешками», хоть с профессиональными художниками, у которых тощий карман, вроде как у Брусенца. В прошлом газетный репортёр, несостоявшийся телеоператор, но терпимый водитель, к тому же изъездивший всю Киргизию, Рустем вполне устраивал Азата Канатовича.

– Это знаменитый «Чёртов мост», – не без пафоса сказал Рустем. – Назван так потому, что мистическим образом здесь частенько заканчивалась жизнь как знаменитых, так и никому неизвестных путешественников. Но вы не беспокойтесь, сегодня мост хорошо и безопасно устроен, да и я водитель из самых опытных, скажу без хвастовства.

Они ехали по знаменитому мосту, открывавшему въезд в Боомское ущелье. Внизу ворчала и переворачивала камни горная река Чу, и вид отсюда, с высоты, открывался действительно страшноватый.

– Здесь кончаются предгорья и начинается скалистый Ала-Тоо, один из величавых хребтов Тянь-Шаня, в чём вы, конечно, не раз убеждались, уважаемый Алексей Михайлович. Вашим «Иссык-кульским циклом» восхищался не только Азат Канатович, но и я, грешный. Всё же буду сообщать полезную информацию не столько для вас, сколько для вашей очаровательной спутницы. Позвольте узнать ваше имя.

Он заглянул в окошко заднего вида и улыбнулся Алине, показав прокуренные зубы, мелькнувшие под его кустистыми усами.

Рустем был лыс, прикрывал голую как бильярдный шар голову молодеватой бейсболкой, подаренной туристами. Зато усы и мушкетёрская борода придавали ему вид вполне завязатого экскурсовода.

Алина назвалась, уже поняв, как и Алексей, кто их везёт на Иссык-Куль и высокогорное пастбище, джайлоо, где Алексей собирался поработать. Всё складывалось не так уж плохо, но всё-таки сейчас его беспокоило не столько устройство на местах предстоящей работы, сколько действия Алины и её мужа.

«Но вдруг он и не муж её вовсе? – думал Алексей. – Фамилии-то разные? Может, он держал её как очень полезную любовницу, необходимую в бизнесе. Она не только эффектная манекенщица, но, как уже сказала, и модельер. Но почему он тогда не женился, если и сейчас не хочет сдаваться, отпустить её от себя? Это гордыня рабовладельца, от которого зависят судьбы целой стаи девиц и женщин? Или всё же ещё не остывшая любовь? А поступки (тирания, о чём свидетельствует отнятый телефон) – может, просто ревность? Она-то не ангел, разумеется. Вдруг и её прекрасное лицо в пуху?»

«Господи, помоги! Я не разобрался? Нырнул не только в грязную реку, но и в омут? Помоги!» – взмолился Брусенец.

А вслух сказал:

– Знаешь, когда в первый раз в Суриковский меня не приняли, я завербовался в геологическую партию. Там была неразбериха, партию ликвидировали. А в расчёт дали копейки – даже на билет не хватило, чтобы добраться домой. Я шёл пешком – как раз через это ущелье. В рюкзаке у меня была вода и буханка хлеба. За ущельем меня подвёз до ближайшего села один водитель грузовика. Но почти половину дороги пришлось идти пешком. Хватило не столько сил, сколько упорства. На следующий год в институт меня приняли.

– Этот факт отражён в твоей биографии, я прочла в ю-тубе. Можешь гордиться собой.

– Я не из хвастунов. Вспомнил, потому что проезжаем знакомые места. И ещё хотел спросить: а у тебя упорства хватит?

Она покосилась на него.

Пожала печами. Египетскими, как он определил. Сейчас они не были так видны, как в платье из шёлка. Сейчас на ней была спортивная куртка синего цвета, с широкой белой надписью на груди «Roma», и можно было подумать, что она принадлежит к этому итальянскому футбольному клубу. Нет, просто в супермаркете «Айчурек» они выбрали этот костюм, который, оказывается, ей к лицу, как и шапочка с козырьком. Казалось, она действительно какая-то зарубежная спортсменка, может быть, альпинистка, а может, горнолыжница. И вполне возможно, что чемпионка.

– Давай не будем об этом. Время покажет, – сказала она.

– Ладно. Но учти, я драться умею.

Она улыбнулась, но как-то грустно.

– Такие, как он, сами не дерутся.

– Я знаю.

– Смотри! – вдруг вскрикнула она. – Что это?

– «Иссык-кульчик дорогой», – всегда радостно кричала моя мама, когда мы всей семьёй приезжали сюда.

– Да, Иссык-Куль, дорогие мои! – провозгласил Рустем. – Жемчужина не только Средней Азии, но и всего мира. Высокогорное озеро с прозрач-

ной водой, целебной, живительной. Здесь теперь высококлассные курорты, не уступающие альпийским. На южном берегу голубые тянь-шаньские ели, а здесь, где мы остановимся для купания и отдыха, пляжи, о которых знаменитый французский писатель – не помню сейчас, как его фамилия – сказал, что они лучше, чем в Ницце и Копакабана Рио-де-Жанейро. Да-да-да, я запомнил, он точно так и сказал!

Он лихо развернул свой «фольксваген» у срубового деревянного дома, где помещалась дирекция летнего турлагеря «Молодость».

Алина выпрыгнула из машины и захлопала в ладоши, глядя на серебристую сейчас водную гладь, залитую солнечным светом.

Рустем отправился устраивать своих спутников, Алексею и Алине сказав, что здесь они переночуют, прежде чем отправиться в путь. Так что можно искупаться и позагорать, а о всех бытовых делах он позаботится.

– Я отправилась купаться в Язуе, узенькой и неглубокой, а оказалась у озера, похожего на сказку. Уж не сон ли это?

– Похоже, что так. Знаешь, я всё-таки немного поработаю. Руки чешутся.

Он с нежностью вглядывался в гладь озера, и дальние синееющие горы на том берегу, и ближние, за спиной, не такие высокие, как там, вдали, за солнечным светом, который на минуту исчезал за облаками, а потом вновь появлялся, серебря простор озера. Сладкое чувство радости смешивалось с тихой, светлой грустью по ушедшему, по тому вдохновенному, молодому чувству, с каким он, полный сил, писал неподалёку отсюда те пейзажи озера, которые и принесли ему успех. Теперь он хотел, чтобы пережитое вернулось, чтобы он смог написать так, как писал раньше. Но ведь теперь нет отца, друг Кабир стал другим, да и он сам другой, почти двадцать лет прошло, это целая жизнь. Теперь пора зрелости, и он должен написать лучше, чем в молодости. Вернее, не лучше, но другое, то, что он переживает сейчас, что незримо стоит у него за плечами – его горе и радости, успех и отчаяние – всё, что хранит сердце и что он обязан выразить сейчас. И не ради денег, не ради успеха, нет, а для того, чтобы душа нашла выход вот в это солнечное пространство, в эту даль, серебристо-голубую, радостную и грустную, загадочную, вечную, как небо и вода.

Тогда, в молодости, он написал диптих – себя и своего друга Кабира, сидящих на берегу озера. Они, пацаны, лепят фигурки из песка – Кабир коня, а русоволосый мальчик – замок, с башнями, двориком, обнесённым стенами. В этот дворик черноволосый мальчик и ставит своего коня.

И всё залито солнцем – и озеро, и песок, и лица мальчишек, строящих замок.

Вторая картина диптиха запечатлела уже двух юношей, стоящих на берегу озера. Они стоят спиной к нам, лиц их мы не видим. Зато видим ту красоту, которую подарил людям Господь. И эта красота манящая, она завораживает, зовёт к себе – всё передано художником в этой водной глади, в этих горах со снеговыми шапками, которые величаво стоят на том берегу и чуть приоткрывают свои тайны, выступая из-за облаков, стелющихся по ним.

По осанке, плечам видно, что один юноша европеец, другой азиат. Они пришли в этот мир вдвоём – белёсый юноша для того, чтобы встать плечом к плечу с азиатом. Они друзья, братья. Им открывать этот мир. Им жить вместе – вечно, как эти горы, как озеро, названное тёплым, лучше которого нет в целом свете.

Диптих он назвал «Открывая мир. Киргизия. Озеро Иссык-Куль».

Теперь он задумал написать третью часть цикла – будет уже триптих.

Двое стоят у озера, но не молодые, а зрелые мужчины. Волосы у них с проседью, фигуры изменились, но видно, что это люди, ещё полные сил. Пейзаж должен быть не утренним, как прежде, а во второй половине дня, когда солнце начало клониться к закату, но всё ещё стоит над горами. И вода в озере другая, с тёмными подпалинами, не такая солнечная, когда они были молодыми.

И, главное, под водой видны стены и купол армянского монастыря пер-вых веков христианства. По преданию, именно здесь находятся мощи апостола и евангелиста Матфея. Это может показаться фантастикой, выдумкой, легендой. Но в зрелые годы и Алексей, и Кабир уже знали, что знаменитый путешественник Семёнов-Тян-Шанский, когда был в Венеции, изучал находящуюся там средневековую карту мира, называемую Каталонской, датированную 1375 годом. И вот какую поразительную подробность обнаружил он на этой карте, где на северном берегу озера изображено здание с крестом, а рядом имеется надпись: «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте монастырь братьев армянских, где пребывает тело святого Матфея, Апостола и Евангелиста».

– Как видишь, купальник я взяла с собой не зря, – сказала Алина, под-ходя к нему. – Будешь работать?

– Я просто готовлюсь. Потом расскажу. А теперь – в воду!

Он на ходу сбросил шорты, как там, на Третьяковском мосту в Москве, и побежал к воде, и с ходу бросился в неё, и нырнул, а вынырнув, тряхнул головой, и брызги полетели от него в разные стороны.

Алина тоже зашла в воду смело, решительно, окунулась и поплыла.

Алексей догнал её.

– Хорошо плывёшь! – крикнул он. – Поплывём дальше? С воды отличный вид на горы!

– Идёт!

Она плыла вперёд, не оглядываясь на Алексея, вполне профессионально, как опытная пловчиха.

– Где ты этому научилась? – Алексей снова догнал её. – У вас же негде плавать.

– А бассейны?

– Забыл! Остановись! Посмотри вправо. Видишь, какая красота?

И правда, стоило повернуть голову, как они увидели горы. Они как будто приблизились, подступили к берегу, почти к самой воде. Но зеркальная гладь воды обманывала, приближая берег.

Алина перевернулась, легла на спину, раскинув руки.

– Ого! – удивился Алексей. – Умеешь отдыхать на воде! – И он последо-вал её примеру.

Он чувствовал себя на воде свободно, как в родной стихии, потому что был коренной волгарь, а в Киргизию попал, когда отца, корреспондента «Известий», послали сюда собкором в семидесятые годы. Алексей учил-ся во Фрунзе три года, закончив десятилетку, после которой и отправился поступать в Суриковский институт.

– Я ведь вырос на Волге, – сказал он, плывя рядом с Алиной.

– А я в подмосковных Люберцах. Давай наперегонки!

Она вдруг поплыла кролем, работая попеременно ногами, распластав тело по воде, при каждом взмахе руки опуская голову в воду. Её красная купальная шапочка быстро стала удаляться от Алексея.

Он радостно охнул и погнался вслед за ней. Плавал он тоже неплохо, но Алину всё же не догнал.

Они смеялись и брызгали друг на друга бирюзовой иссык-кульской водой, стоя на чистейшем светло-жёлтом песке, и настроение у них было прекрасное, и жизнь казалась прекрасной, способной приносить только радость и счастье.

Рустему, как и Баширу, пришлось объяснять, что ночевать они должны в разных комнатах. Рустем удивлённо кивнул, всё же задав несколько наводящих вопросов. Он уточнил, что на Иссык-Куль у них отпущено максимум двое суток, а потом они переберутся на южный берег, как об этом и просил Алексей Михайлович.

Утром, прежде чем отправиться работать, он попросил Рустема организовать для Алины рыбалку, наказав вернуться к обеду. Рустем с радостью исполнил просьбу Алексея, в чём тот и убедился, когда Алина с лодки, отплывшей от берега, помахала ему рукой и показала удочку. Он ответно помахал ей рукой, держащей кисть. Она что-то крикнула, но он не слышал. Сейчас надо успеть зафиксировать утренние краски и неба, и воды, и оттенков, которые возникают и тут, у берега, и там, вдали от него. Никто ему не мешал, палаток в этот раз на турбазе было всего несколько, и его радовало, что он может сосредоточиться и определить, что ему нужно написать прежде всего.

Время от времени он бросал взгляд на лодку, где Алина и Рустем то и дело поднимали удочки и вновь забрасывали их в воду.

Алексей засмеялся, поняв, что клёв идёт что надо – ясно, что рыбаки попали на косяк чебачка, которым и славится Иссык-Куль.

Ему сразу вспомнилось, как они вот так же, утречком, рыбачили с отцом, соревнуясь, кто больше наловит. Отец смеялся, приговаривая всякий раз, когда выдёргивал из воды серебристого чебачка, трепещущего в воздухе: «Лидер – он всегда лидер!». А он, Алёша, напряжённо глядел на краснобелый поплавок, и когда тот начинал дёргаться и уходил под воду, подсекал леску и выдёргивал её из воды, левой рукой лоя серебристого, толстенького чебачка, снимая его с крючка и бросая в ведёрко с водой и отвечая на призыв отца: «А я упорный, не менее проворный!»

Отец, поймав ещё одну рыбку, вновь объявлял, что он лидирует, а Алёша отвечал новой прибауткой, которые сочинял по ходу не только рыбалки. За мольбертом, когда показывал отцу, что изобразил, он воздерживался от прибауток. Отец смотрел, молчал, а потом выносил приговор, как правило, справедливый, потому что умел объяснить, что хорошо написано, а что плохо.

Отец и сам рисовал, но больше для себя, художником он так и не стал. Хотел, но, когда погиб его отец, дед Алексея, надо было зарабатывать, как старшему в семье. Он пошёл на завод, стал писать в газету, так и определился его путь журналиста – от заводской многотиражки до «Известий». Но любовь к живописи осталась. Он передал её сыну, с радостью увидев, что тот любит рисовать что называется «с горшка». Учил терпеливости, пониманию красоты во всём, не только в живописи. Например, каллиграфическому письму.

Сам он писал стальным пером, вставленным в ручку из стекла, похожего на хрусталь. Чернильный прибор у него был фирменный, из бронзы, с двумя чернильницами и бюстом Дон-Кихота, с книгой в руках, со шпагой каслинского литья на боку.

Этим прибором он очень дорожил, всюду возил его с собой. Им он был награждён на конкурсе газетных очеркистов ещё до войны, в Горьком,

когда его взяли работать в областную газету, из которой он после и попал в «Известия». Писал отец красивым почерком, с завитушками заглавных букв. Мать перепечатывала его материалы на пишущей машинке, много раз хотела обучить его машинописи, но он упорно отказывался, продолжая выводить красивые круглые буквы стальным пером, с великолепными заглавными буквами. Перья у него лежали в особой коробочке, всегда с запасом, поэтому они у него не перевелись, и когда их перестали выпускать.

Внешность отца была под стать его почерку: одевался он всегда в безупречно выглаженный костюм; рубашки, преимущественно белые, с обязательным галстуком, которых у него было множество; начищенные до блеска туфли. Для командировок у него имелся другой наряд: неизменная фетровая шляпа коричневого цвета, как её запомнил Алексей. К этой шляпе у него имелось осеннее пальто, хорошего сукна, чёрного цвета, с поясом, с напускными плечами, глубокими карманами.

А на ногах надеты полусапожки, «семисезонные», как он их называл, удобные и для города, и для гор, и для степей.

Именно таким запомнился отец, уезжающий осенью в командировки.

Лицо отца, всегда гладко выбритое, с чёрными сросшимися бровями, под которыми неожиданной синью тебя встречали приветливые глаза, сразу располагало, а улыбка, тоже приветливая, говорила лучше всяких слов, что перед тобой человек какой-нибудь творческой профессии.

Отец брал его с собой в командировки, объясняя, почему он любил Киргизию.

Алексей запомнил отца в разных обстоятельствах и разных состояниях, но сейчас он увиделся ему в рыбацкой лодке, сидящим напротив него, весёлым, вытаскивающим из воды чебачка и восклицаящим: «Лидер – он всегда лидер!»

А водная гладь серебрилась, небо синело, как первоклассный китайский шёлк, снеговые шапки гор белели, сверкая, как рафинад из елисейского магазина, и воздух был напоён радостью, счастьем, разлитыми по всему пространству.

Алексей писал сейчас именно воздух, именно радость, которая заполняла его, и, когда лодка подплывала к берегу и он увидел Алину, ему вдруг захотелось написать её – именно такой, как в эту минуту, когда она подняла ведёрко с чебачками, которые плескались и бились о край ведра.

«Потом, потом», – сказал он себе.

Алина вышла из лодки и направилась к нему и с какой-то детской радостью показала ему улов, сказав:

– Вот! Оцени!

Он развёл руками, воскликнув:

– Нет слов! Жарёха будет с лучком да с маслицем!

– Да со стопочкой! – подхватил Рустем.

– Да с перчиком! – поддержал Алексей.

– Вам только дай волю, тут же и стопочки. Лучше посмотри, какие они толстенькие, какие ладненькие! – Алина вытащила из ведра чебачка, показывая рыбку Алексею.

Чебачок выскользнул из её рук, упал на песок, ударяясь о него и приближаясь к воде.

– А давайте всех их выпустим, – сказала Алина.

– Ты что! – всполошился Рустем и выхватил ведёрко с уловом из её рук.

– Всё-таки жалко их, – сказала Алина и зашла за мольберт, рассматривая, что написал Алексей.

Она увидела озеро, залитое солнцем, лодку и двух счастливых рыбаков – молодого и старого. Весёлых, смеющихся.

– Это эскиз. Так, вспомнилось... как мы с отцом...

– Впечатляет, – сказал Рустем. – Особенно вода. И горы. Вы, Алексей Михайлович как Левитан. Только на свой манер.

– Скорее как Айвазовский, – сказал подошедший толстяк в войлочной шляпе. – Только ещё корабль подрисовать. И будет полный порядок.

– Спасибо за ценный совет, – сказал Алексей. – А паруса какие написать? Может быть, алые?

– А что, – воодушевился толстяк, – такую картину я бы приобрёл. Тем более с алыми парусами.

– Дорого станет, уважаемый, – вступил в разговор Рустем. – Перед вами художник с европейской известностью, доложу вам. Алексей Брусенец.

– Да я, – воодушевился толстяк, – я за ценой не постою...

– О цене мы поговорим с вами особо. А сейчас, смею заметить, пора готовить жарёху и всё остальное.

Жарёха и в самом деле получилась знатная, как сказал Алексей, опять вспомнив отца. Он предупреждал Алину, чтобы она ела помедленнее, чебачок хотя и жирненький, но косточки всё же есть, не дай Бог подавиться. Но Алина ела с таким аппетитом, будто изголодалась незнамо как, приговаривая, что не ела ничего вкуснее. К радости Рустема, и пару рюмок водочки выпила. Чувствовали себя превосходно, и даже ораторствование Рустема вперемежку с откровенной брехнёй не испортило им настроение.

В горах быстро темнеет, и они убедились в этом, когда солнышко стало скрываться за вершинами гор.

Тщательно затушили костерок, помыли посуду, прибрали место пиршества и отправились отдыхать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАЕДИНЕ С БОГОМ

Когда разошлись по своим каморкам, Алексей думал, что сразу же заснёт. Так и произошло, но среди ночи он внезапно проснулся. Решил, что сейчас же заснёт, повернулся на другой бок, закрыв глаза.

Но лёг он лицом к окошечку комнатки, куда его поместили на эту ночь, и луч лунного света упал прямо ему на лицо.

Он открыл глаза и приподнялся, увидел гладь озера, освящённую луной. Он тут же встал и тихонько вышел в коридорчик, а потом из дома.

Вид перед ним открылся столь прекрасный, что он тихонько вскрикнул.

«Какой там Куинджи...» – подумал он и, ёжась от холода, решил вернуться в свою каморку и одеться.

Вновь выйдя из домика, он пошёл к берегу озера, высматривая местечко, с которого можно было получше видеть ширь озера.

Он сел на невысоком взгорке.

Перед ним лежало уснувшее озеро, залитое лунным светом. Была, конечно, и обязательная лунная дорожка, но в этот раз она не показалась ему пошлой. Потому что цвет воды сейчас был настолько необычным, что он не смог сразу определить его. Наконец решил, что светлая бирюза тут лучше всего подойдёт.

«Да-да, бирюза – вот что это такое. Боже, какая гладь, и горы видны в лунной дымке. Вот тебе и сюжет, что же ты беспокоился, что уже всё нарисовано? Что же сомневался, что ничего лучше уже не увидишь? У Есенина есть «волнистая рожь при луне», а тут при луне спящее озеро, похожее на... что? Спящей красавицей его не назовёшь. Потому что есть величие, а не только красота. И скрытая тайна. Вот что надо показать. Да, тайну, которую предстоит разгадать каждому, кто будет смотреть на это лунное озеро. Лунное озеро в горах, которые, конечно, в разы выше шотландских, где тоже есть горные озёра. В одном из них на дне лежит меч короля Артура. Я даже помню, что он называется Экскалибур. Кто обретёт его, тот завоюет весь остров и станет его королём».

«А я? – продолжал думать он, сам облитый лунным светом. – Светло-бирюзовая вода похожа сейчас не на воду, а на небесный камень. Он упал между гор и стал драгоценным сокровищем. Понять тайну этого озера дано только тому, кто не спит в такую ночь, кто ищет её во все дни и ночи».

«Не об этом ли говорил отец?» – продолжал размышлять он.

Алексей вспомнил сейчас то, о чём не любил вспоминать. Но этот эпизод нет-нет, да и вспыхивал в его сознании.

Это произошло на последнем собеседовании при поступлении в Суриковский. Профессор, известный живописец, перебирал его работы, бегло их рассматривая. Тут было несколько живописных работ, рисунки карандашом, тушью – Алексей отобрал всё лучшее, что написал к этому времени. Отбирал вместе с отцом.

Вдруг профессор перестал перебирать работы Алексея. Алексей хорошо помнил, что на этом картоне пейзаж, написанный масляными красками.

Профессор внимательно рассмотрел пейзаж, потом перевёл взгляд на Алексея.

– Интересно, – сказал профессор. Глаза его, тёмно-карие, пристально смотрели на абитуриента. – Где это вы рисовали, молодой человек?

Это был пейзаж отца, а не Алексея. Отец сунул его в папку, которую приготовили для показа в институте. «Это я так, на всякий случай», – сказал он, смущённо улыбнувшись. Именно этот пейзаж он считал самой лучшей своей работой.

Голубые тьянь-шаньские ели спускались по взгорью к воде Иссык-Куля в солнечный день. Нежные и величавые одновременно, в летней дымке ели будто бы засмотрелись в такое же нежное и величавое озеро.

«Иссык-Куль, Киргизия, – сказал Алексей, увидев, что рассматривает профессор. – Южный берег».

«Да, – профессор неожиданно улыбнулся, – ведь можете! А усидчивость у вас есть? Терпение? Школу как закончили?» – «Три четвёрки, остальные – отлично». – «А почему четвёрки?» – «Я математику не люблю».

Профессор хмыкнул. Позже Алексей узнал, что и профессор математику не любил.

«Гонять буду безжалостно. Готовы?» «Готов», – ответил Алексей. «Идите, приняты».

И когда Алексей встал и направился к выходу из аудитории, профессор сказал вдогонку: «Да, надеюсь, вы не пьёте?» «Нет, не пью», – ответил Алексей, так настрадавшийся от загулов отца, которые у него были особенно мрачными в тяжёлые периоды отношений с женой. «Вот и хорошо». – И профессор опять улыбнулся, нетерпеливо махнув рукой, показывая, чтобы Алексей, замерший у дверей, уходил.

Так отец неожиданно помог сыну поступить в желанный институт. Так убедил его, что Киргизия – не провинциальная окраина, не захолустье, а прекрасная страна, где на небольшой территории есть всё: и предгорная плодородная долина, и горы со снеговыми шапками, и горные луга, подобные альпийским, а за ними ещё одна чудесная долина – Фергана.

И в этих местах, равнинных, предгорных, горных, и тех, что лежат за скалистыми хребтами, называемыми Тянь-Шань, что значит снежные горы, столь же красиво, как где-нибудь между реками Тигр и Евфрат. Здесь сменяются все климатические пояса – от умеренного до резко континентального, от субтропического до холодного, арктического.

И невольно задаёшь себе вопрос: не здесь ли центр всего континента, называемого Азией?

Кто-то коснулся его плеча.

Он вздрогнул и резко оглянулся.

Позади стояла Алина.

*Не сти, не сти, художник,
Не предавайся сну,
Ты вечности заложник
У времени в плену, –*

продекламировала она.

– Господи, ты и Пастернака знаешь! – восхитился он, вставая и поворачиваясь к ней. – Я не зря прыгал в реку, не зря гнался за тобой всю жизнь, не зря!

– Тихо, – сказала она, отстраняясь от него. – Давай посидим рядышком. Такое раз в жизни бывает.

Он послушался её и снова сел.

Они сидели молча несколько минут, а потом она сказала:

– Знаешь, нарисуй Лермонтова вот в такую ночь. А вместо озера кремнистый путь. И назови картину «Спит земля в сиянье голубом».

– Хорошая идея. Но сначала я нарисую озеро и тебя на этом взгорке. А картина будет называться «Иссык-Куль. Любовь».

– Интересно. Когда придумал?

– Сейчас.

– А какая любовь? Счастливая? Или нет?

– Этого я не знаю. Это тайна. Хочешь, я тебе расскажу о тайне Иссык-Куля?

И он стал рассказывать об армянском монастыре, лежащем под слоем воды и песка. Про Апостола и Евангелиста Матфея, мощи которого сокрыты именно в этом монастыре. Про Семёнова-Тян-Шанского, про Каталонскую карту.

– Что-то не очень верится, – сказала Алина. – Ведь это так далеко от Палестины и Рима.

– Да. Не верилось и мне. И я полез в архивы, в интернет, стал собирать всё, что написано и нарисовано про апостола Матфея. И нашёл про его святые мощи. Интересно? Рассказать?

– Ты прямо кладёшь со всякими сведениями. То шпаришь про Манаса и Айчурек, то вдруг про апостола Матфея.

– Не считай меня всезнайкой, Алина. Я ведь не Рустем. Просто я если чем-то занимаюсь, то стараюсь всё об этом предмете узнать. Так меня

научил отец, а потом мой учитель в «Суриковке». Как раз о них я сейчас и вспоминал.

– И что же вспомнил?

– Будешь слушать?

– Я вся внимание. В самом деле. Я серьезно.

– Ладно. Раз Пастернака знаешь, поверю. В Житии апостола и евангелиста Матфея сказано, что он пошёл «к чёрным звероподобным людям» и там проповедовал. Так прямо и написано про африканцев. Учёные дяди и тётки поясняют, что этих страшных людей надо искать в Эфиопии. А Эфиопией тогда называли не сегодняшнюю африканскую страну, а всё географическое пространство, вплоть до Индии. Вот и получается, что он вполне мог быть здесь, где сейчас мы с тобой. Между прочим, это единственный из двенадцати апостолов, могила которого не найдена до сих пор. В Италии, в Салерно, католики говорят, что Матфей у них, мощи в их соборе. Но там не мощи, а миро от мощей, которые увезли!

Он замолчал, подумав, что вести учёный разговор сейчас всё-таки не время.

– Ну, что же ты замолчал? – Алина повернулась к нему и неожиданно провела рукой по его волосам. – Головушка ты моя учёная. Волосы-то у тебя мягкие.

Он ответно провёл рукой по её светлым, с голубоватым отливом волосам.

– Но это вовсе не значит, что характер у меня такой. А у тебя?

– Поцелуй меня, – ответила она.

Губы её были мягкими, нежными.

Он задохнулся.

– Ты весь дрожишь. Совсем как мальчик.

Он не ответил и прижал её к себе, зарываясь лицом в её густые волосы с запахом свежести этой лунной ночи.

– Рисовать надо не меня одну, а нас вдвоём. Понимаешь?

– Да.

– Почему? Скажи.

– Потому что у нас один плюс один равняется одному.

– Как хорошо ты сказал! Как хорошо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОЛЯНА С РОЗОВЫМ ИВАН-ЧАЕМ

«Фольксваген» с хорошей проходимостью», как аттестовал машину Рустем, довёз их до кордона в горном лесу, расположенного среди тяньшаньских елей, в месте, где раньше бывал Алексей. Как-то на летних каникулах отец устроил сына к хорошему своему товарищу, охотоведу Нашхоеву Петру Тосоевичу, осетину по национальности. Нашхоев задумал акклиматизировать в здешнем лесу алеутских белок, и Алексея взял в помощники. Как они выпускали из клеток белок с огромными пушистыми хвостами, как эти чудесные зверьки стремительно исчезали среди голубых ветвей, как внезапно появлялись, перепрыгивая с ели на ель, летя по воздуху, словно волшебные птицы, Алексей запомнил на всю жизнь. И как потом ходили по лесу с длинными удилищами, на верхах которых были укреплены петли, мастерски изготовленные самим Петром Тосоевичем; как этими удилищами пытались поймать хотя бы одну белку (Петру Тосоевичу надо было

через несколько дней осмотреть белок, чтобы выяснить, чем они питаются на новом месте); как белки уворачивались от петель, грациозно прикрываясь пушистыми хвостами, словно шутя над людьми. Всё это Алексей запомнил до мельчайших подробностей. Конечно, он много рисовал и самого Нашхова, высокого, стройного, стареющего, но не потерявшего ни гордой осанки, ни выражения столь же гордого лица с несколько крючковатым носом, сразу же краснеющим, когда Пётр Тосоевич выпивал рюмку водки, а за ней и вторую, и третью – выпить он был любитель, и именно водки, а не вина, к всегдашнему удивлению отца. Охотовед любил застольничать и рассказывать разные занимательные истории про природу и животных. Знал он этих историй множество. Отец записывал их, редактировал, а потом публиковал – редко в «Известиях», чаще в «Охотничьих просторах» (был и такой журнал) или в республиканской газете «Советская Киргизия».

Рисовал Алексей и голубые красавицы-ели, и разнотравье, и не мог надышаться этим воздухом, и счастьем, подаренным ему той поездкой.

Затая Петра Тосоевича провалилась, белки куда-то ускакали, исчезли, словно их и не было вовсе. Но Пётр Тосоевич не унывал – рассказывал отцу о своих новых проектах, не менее увлекательных, чем с алеутскими белками.

Мать Алексея, Анна Кузьминична, невзлюбила охотоведа. Не за его рассказы и не за профессию, а за его визиты, которые неизменно заканчивались застольем, которые мать Алексея называла грубо – пьянкой.

Но встречи друзей не прекратились, когда их выдворили из кабинета отца. Они перекочевали в новую «стекляшку», как прозвали в народе новое кафе в самом центре города, напротив кинотеатра «Ала-Тоо».

Всё это сразу же вспомнил Алексей, когда они подъехали к дому лесника на кордоне. Встретил их не Заур, ушедший в мир иной, а сын его, Бабакул, солидный, кражистый человек, очень прохожий на отца.

Алексею так и хотелось назвать лесничего Зауром, и он сказал об этом наследнику, когда они крепко пожимали друг другу руки.

На кордоне запланировали один день, и после недолгого отдыха Алексей, взяв с собой всё необходимое для работы, пригласил Алину следовать за ним.

От дома лесничего они отошли совсем недалеко, как Алексей внезапно остановился.

Он увидел розовую поляну иван-чая, кипрея по-научному, которая простиралась перед лесом из голубых елей.

– Вот здесь и начнём, – сказал он. – Как тебе?

– Очень красиво. Давай я помогу. – И она сняла с его плеча рюкзак, спросила, где поставить складное креслице, и они вместе определили место.

Когда Алексей установил мольберт и стал готовить палитру к работе, Алина легла на траву, закинув руки за голову. На голове у неё сейчас была не бейсболка, а та самая соломенная шляпка, в которой она пришла к нему на Третьяковский мост. Куртку с надписью «Roma» она сняла, оставшись в белой летней кофточке с короткими рукавами.

– Боже, как же ты хороша! – вырвалось у Алексея. – Вместо пейзажа с розовой поляной буду писать тебя.

– А ты совмести и то, и другое.

Алексей с трудом сдержался, чтобы не прилечь рядом.

Карандашом стал намечать композицию картины.

– Алина, я всё болтаю и болтаю. Ты даже балаболом меня назвала. Не хочешь немного рассказать о себе?

– А что тебя интересует?

– Ну, не Сметанников, конечно. Вот ты Пастернака вспомнила. Лермонтова. А кто ещё из твоих любимых поэтов?

– Не мудри. Тебя прежде всего интересует, был ли кто-то у меня в любовниках до мужа. И почему я вышла за него.

– Конечно, и это неплохо бы знать. Но сразу тебе скажу, что твои прежние любовные истории меня не интересуют. Для меня их нет. Для меня есть одна история. Она началась в супермаркете на Кудринской.

– Правда?

– Истинная. Я же понимаю, что у такой красавицы, как ты, не может не быть хотя бы нескольких любовных историй. Лучше расскажи про своих родителей. Вот вернёмся в Москву, надо мне идти к ним знакомиться. Прочитать благословения на брак.

– Благословения?

– Ну да. Я же христианин. Православный.

– Что? И венчаться, может, будем?

Она даже приподнялась, села, уставившись на Алексея.

– Ну вот, позу сменила. Лежи, как прежде лежала. И не двигайся, пока не разрешу!

– Уже и командуешь. Отвечай на прямо поставленный вопрос.

– Алинушка, дорогая. Позировать – дело нелёгкое. Это последнее фотосессии. Немного влево... так... Тебя удивило, что я верующий? Но ведь ты видела мои работы. Хотя бы Богородичный цикл. Разве можно такое написать, когда не веришь ни в Христа, ни в Матерь Божию?

– Я как-то об этом не подумала.

– А надо бы. У меня один журналист, который писал про мою выставку, спросил: «Неужели вы верите в непорочное зачатие?» И искренне удивился, когда я ответил, что верю, конечно. После этого он потерял кто мне всякий интерес. Да и я к нему тоже. А вот ты... ты... веришь?

– Во что? В непорочное зачатие?

– Да. Ведь ты веришь, что Христос воскрес?

– Это про другое.

– Как – «про другое»? Если Христос воскрес, значит, есть бессмертие, жизнь вечная. Значит, есть и Матерь Божия, Дева Мария, Невеста Невестная, Заступница Усердная, Всех Скорбящих Радость – всё, что у меня нарисовано. Веришь или не веришь – третьего не бывает. Вернее, бывает – такие люди называются теплохладными. Но ведь ты – горячая, я правильно понял?

– Правильно.

– Вот. По-моему, ты стихийно верующая. И к осознанной вере обязательно придёшь.

– Почему ты в это веришь? Алёша, можно мне сесть? Немного отдохну.

– Можно.

А про себя он отметил, что она впервые назвала его по имени.

Положил кисть, подошёл к ней и сел рядом.

– Можно я посмотрю? – спросила она.

– Можно.

Она встала, посмотрела, что он нарисовал, потом вернулась к нему.

– Как быстро у тебя всё получается. Я уже увидела картину всю целиком, какая она будет.

– И как?

– По-моему, слишком красиво.

– Но не слащаво?

– Нет.

- Не открытка?
- Нет.
- Не для барышень?
- Нет.
- И слава Богу. А то, когда смотрю на тебя, становлюсь слишком сентиментальным. В картину я подбавлю суровости.
- Это как?
- Выражения глаз, твоего лица. Надо, чтобы была не только мечтательность, но и думы.
- Про непорочное зачатие?
- Это было бы замечательно.

Он хотел обнять её, но она отстранилась.

– Ну, ты хотел про меня узнать. Про мои любовные похождения. Мы когда с Игорем поженились, я забеременела. Мне сказали, что будет мальчик. Я обрадовалась. Очень хотела ребёнка. Сказала Игорю. А он... Как раз показы, в Вену должны поехать. Музыка уже подобрали, наряды, в том числе и мои, на загляденье... Он говорит: «Какие роды? Ты что, с ума сошла?» Я говорю: беременность никто не увидит, я так всё сделаю... А он: «Никаких разговоров! Аборт». И я... плакала, умоляла его. А он: «Вена – важнее. Новые контракты. Перешивать ничего не будем, не проси. Ты – первый номер! Гордись! Европа будет у твоих ног!» И я сдалась.

Она отвернулась от него.

– Алинushка... Милая моя... Ну что ты... У нас будет сын. Вот увидишь, будет. В такой красоте... в такой любви... разве может не родиться прекрасный ребёнок?

- Ты не знаешь!
- Что? – боясь даже подумать про её ответ, с дрожью в голосе спросил он.
- После аборта мне сказали, что ребёнка у меня никогда не будет. Понял?

Он привлёк её к себе, обнял.

– Этого не может быть! Не может. Богородица нам поможет. Она вымолит у Сына Своего ребёнка для нас. Вот увидишь! Ты только верь, родная моя! Ведь мы теперь стали родными, правда?!

- Ты такой серьёзный! А я такая ветреная! И дура!
- Ну что ты, что ты! Какая же ты дура, если Пастернака цитируешь! И Лермонтова любишь. Ну, не реви, хорошая моя... Я так счастлив не был никогда! Поверь, прошу тебя...

Ах, если бы им дано было увидеть себя с небес, крепко обнявшихся посреди розовой поляны! За поляной стеной стоят голубые ели, солнце над всем этим ликующим миром, и кто-то смотрит на них с ели. Не алеутская ли это белка с огромным пушистым хвостом? Она прижилась в этих благословенных местах, родились у неё детки, и привольно им тут живётся. Только они не показываются на глаза людям, которые тут ходят с ружьями и стреляют, и не может запретить им этого крепкий лесничий Бабакул.

Потому что у этих охотников есть разрешение – ведь они большие начальники, на самых дорогах вездеходах сюда приезжают, и ружья у них первоклассные, немецкие, а то и американские.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАБИР

На кордоне сотовая связь действовала, и поэтому Алина и Алексей вместе решили, что будут делать дальше, прежде чем отправятся в горы. Угрозы Сметанникова не очень-то подействовали на Алексея, хотя Алина настойчиво говорила о том, что от мужа можно ожидать самых неожиданных поступков.

Спокойствие Алексея нарушил внезапный звонок друга Кабира Исмаилова.

Звонок раздался вечером, когда после ужина они с Алиной сидели на лавочке перед домом, откуда открывался вид на склон горы с разнотравьем, дорогу, уходящую в лес. По ней можно добраться до озера.

– Ну ты даёшь, Алёшка, – услышал Алексей голос друга, – оказывается, ты ещё способен на подвиги в духе Д’Артаньяна. Не ожидал!

– Ты в курсе?

– Более чем. Твой коварный соперник затеял такую возню, что ты себе представить не можешь.

– Выкладывай всё по порядку.

Алина, сидевшая рядом, всё слышала. Она повернулась к Алексею, показывая, что не собирается уходить, а наоборот – должна быть в курсе событий.

Алексей кивнул, давая понять, что разрешает Алине слышать, о чём идёт телефонный разговор.

– Он написал заявление в посольство о похищении жены. И в Москве, и в Бишкеке уже в курсе вашего романтического приключения. Уже предприняты поиски правонарушителей, то есть вас.

– Но Кабир, дорогой, ты, надеюсь, объяснил им, что без согласия якобы похищенной нас бы не выпустили из аэропорта?

– Говорил, конечно. Но твой соперник допустил сговор и подкуп.

– И его послушались?

– По крайней мере, выслушали и обещали содействие. А это значит, что на вас обязательно выйдет полиция или милиция, не знаю, кто. Может, и органы безопасности.

– Ты смеёшься.

– Алёшка, тут не до смеха. Он человек очень серьёзный, по крайней мере, таким показался.

– Он нашёл тебя?

– Ну да. Уверен, он уже связался с Азатом и выяснил ваш маршрут. Вы сейчас где?

– На кордоне. Утром отправляемся на джайлоо.

– Через Семёновское ущелье? Нашим маршрутом?

– Да..

– Думаю, он вас найдёт.

– Ну и что?

– Наверняка будет не один, а с полицией. Или под видом полиции с ним будут какие-нибудь бандюганы.

– Но, Кабир, послушай, разве в этом случае не будет настоящее насилие? Разве можно просто так увести человека, если он того не желает?

– Можно, Алёша. Заставят вас покинуть страну если не в 24 часа, то в течение нескольких дней, например.

– А Азат? Договор?

– Ну, тебя, допустим, оставят, если Азат пустит в ход свои связи. Но её-то увезут. И прощай, Констанция.

Доводы Кабира подействовали на Алексея. Он молчал, лихорадочно соображая, что же предпринять.

– Я вот что предлагаю, – продолжал Кабир своим баритональным, мягким голосом, – ты лесничему скажи, что вы будто бы направились по северному маршруту, к Святому озеру и Считаной горе. Запутаем их. А вы двигайтесь по Семёновскому ущелью. Сколько дней ты будешь на джайлоо?

– Недельку хотя бы.

– Действуй побыстрее. У вас мало времени. Да, у вас всё, надеюсь, серьёзно? Не приключение? Она согласна быть твоей женой? Или об этом говорить рано? Или совсем не стоит?

Алексей посмотрел на Алину.

Она кивнула утвердительно.

– Вот она сидит рядом. И согласна с моим предложением руки и сердца.

– Замечательно. Дай ей телефон.

Алексей отдал свой мобильник Алине.

– Здравствуйте, Алина. Это Кабир Мухамедович, ваш сосед. Хотя мы и незнакомы лично, я про вас немного знаю. Вот что, Алина. Я тут думал, как помочь вам и моему другу, балбесу по фамилии Брусенец... Да-да, только такой балбес, как Алёшка, может упростиť незнакомку улететь с ним в самое поднебесье. Ну ладно. Раз у него получилось, значит, вы угадали, что он за человек. Дурной, конечно. Но зато очень надёжный. И сердце у него как у самого верного друга. Это так, поверьте. Вы вот что... Напишите заявление на развод с вашим бывшим мужем. Подпишите и отправьте мне сканированный текст по электронке. А я отправлю его в ЗАГС нашего района. И ещё в посольство, куда ваш муж обращался. Понимаете? Причину развода изложите доказательно. Тогда ваш отъезд будет выглядеть хоть как-то... мотивированным... Понимаете?

– Да, понимаю.

– И вот ещё... Могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Сразу звоните мне. Обещайте.

– Обещаю. И спасибо вам.

– За что?

– За то, что всё правильно поняли.

– Ладно. Дайте-ка трубочку балбесу.

– Ну зачем вы его так, Кабир Мухамедович! – Она передала трубку Алексею.

– Слушай, Кабир, один вопрос... Ты с Азатом разговаривал?

– Он мне уже дважды звонил.

– И как он? Не в шоке?

– Удивлён, конечно. А кто бы не удивился? Но выхода-то у него нет – затраты на тебя надо отрабатывать. Так что картины твои ему нужны. Которые ты напишешь. Уж постарайся.

– Уж постараюсь.

– Как у тебя с деньгами?

– Пока есть.

– Как не будет – звони. И купи себе электрошокер. На Ошском рынке найдёшь.

– Это зачем?

– Обороняться. Он может напустить на тебя нанятых нукеров.

– Надеюсь, до этого не дойдёт.

– Ну, ладно. В горах связи может не быть. Как вернётесь на Иссык-Куль, звони. А то за тебя, балбеса, переживаю.

– От балбеса и слышу. Обнимаю.

– И я. Держись, Алёшка.

Он отключил телефон.

Стемнело. На столбе зажётся фонарь, Бабакул включил свет. К фонарю сразу устремились ночные бабочки.

Алексей взял ладонь Алины.

– Милая моя, ты.. во время разговора с Кабиром... когда он...

Она поняла, о чём он спрашивает.

– Ну да, мы же уже всё решили. Или я ошибаюсь?

– Нет, что ты! Я подумал, что ты..

– А ты?

– Всё, всё, хорошая моя. Я просто не могу поверить в своё счастье. Больше не буду задавать глупых вопросов. Придётся ждать – развода он сразу не даст. Раз кинулся тебя возвращать.

– Да уж. Я, признаться, не ждала от него таких движений. Ну да, самолюбие, понимаю. Власть развратила. Деньги. Но чтобы так... У него есть Жанна. И все это знают. Кажется, зелёный свет зажётся. Живи с ней открыто. Нет, выдите ли, нормальная жизнь его не устраивает. Я тоже должна быть на поводке. А тут взяла и сорвалась и убежала.

– Похоже, что так и есть.

– Давай не будем об этом. Расскажи мне про Кабира.

Она положила ему голову на колени, легла на скамейке.

Он погладил её волосы.

– С Кабиром познакомились в институте. Ну, оба из Фрунзе, тогда город ещё не был Бишкеком. Земляки. Стали держаться друг друга. Вместе ходить на выставки, к театру я его приобщил, а уж про кино не говорю. Но подружил нас по-настоящему «Манас», о котором тебе говорил. У Кабира получались битвы, поединки.. Он только начал осваивать технику офорта, самую трудную в графике. А мне это легче давалось. К тому же у меня хорошо получались лирические темы. Про Айчурек, про Семетей. И я помог ему завершить эту работу. Он после защиты отдал её в издательство. Если бы поставил две подписи, стало бы ясно, что работа не совсем его. И я отдал авторство ему. Ну, этот поступок мой очень его тронул.. Хотя были и раздоры, как же без этого. Но всё кончалось миром, потому что выручали друг друга не один раз и в студенческие годы, и потом. Вот почему я написал диптих, о котором тебе рассказывал. Мы как братья стоим перед вечностью..

Он замолчал. И она не говорила ничего, глядя на чёрное небо, на звёзды, низко висящие здесь.

– А ведь я с детства не видела неба, особенно такого, как это. У нас была дачка, шесть соток, вот там и видела небо. А больше и не вспомню.

– Ещё насмотришься, какие твои годы. А кто твои родители?

– А-а-а. Всё же готовишься отвечать за свои безумные поступки.

– Готовлюсь. Потому что твой Сметаников, может, и им всё уже доложил, когда разыскивал тебя.

– Правда. Я тебе не говорила, что звонила маме.

– И что? Успокоила?

– Мама у меня умница. Она преподаёт в школе русский язык и литературу.

– А отец?

– Отец заводской человек. Вырос до начальника цеха. Чем очень гордится. Завод захватили бандиты, и он досрочно ушёл на пенсию.

– Занимается огородом и дачей?

– Конечно.

– Здорово. Они бы наверняка подружились с моим отцом. У того был роскошный сад. Но без огорода. Мы туда съездим с тобой. Там недалеко и кладбище, где отец похоронен.

Алина встала, поправила волосы.

– Пора идти спать. Ведь завтра рано вставать.

– Да, придётся тебе осваивать верховую езду. Поедем-то на лошадке – машины по горам не ездят.

– И это замечательно. Потому что никто нас не догонит.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЖАЙЛОО

Семёновское ущелье начиналось не так далеко от кордона, и примерно через час они поднимались по горной тропе вдоль Белой речки – Ак-суу. Впереди на кауром жеребчике ехал Мелис, младший сын Бабакула, парнишка лет четырнадцати, явно гордившийся тем, что ему доверили быть проводником гостей из самой Москвы. Он то и дело оглядывался, выясняя, всё ли в порядке, не сбились ли они с горной тропы, не надо ли чем-нибудь помочь.

Алексей вёл за повод спокойную лошадку Муниру, мать жеребчика, на котором ехал Мелис. На Мунире, то есть красавице, ехала Алина, впервые в жизни севшая в седло. Алина росла спортивной девушкой, с детства ходила то на гимнастику, то на плавание. Спортом перестала заниматься только в выпускном классе, когда серьёзно стала готовиться к поступлению в институт.

Она спокойно подошла к Мунире, погладила её по морде и, вставив ногу в стремя, ловко забралась в седло. Алексей, боявшийся, что с поездкой на лошадях будут проблемы, и охнуть не успел, как Алина уже сидела верхом на лошади.

– Да ты природная наездница! – вырвалось у Алексея, а Бабакул, давший гостям лошадей и отрядивший Мелиса в проводники, засмеялся.

– Она наша, кызымка! – сказал он.

Семёновское ущелье Алексей писал и прежде, оно ему нравилось и зелёными мощными склонами, по которым с обеих сторон поднимались голубые ели с их неповторимой красотой, и речкой Ак-суу. Она действительно была белой, словно вскипающей у валунов пенными волнами, окатывая их, делая гладкими и светлыми, промытыми до матовой белизны.

Сейчас, глядя на горы и реку снизу, Алексей видел и вершину дальней горы, которая замыкала ущелье. Казалось, что эта гора перегораживает проход, что дальше пути нет. Но это впечатление было обманчивым. На самом деле впереди ущелье вело к выходу на джайлоо, уходя влево, где оно вновь поднималось к той самой вершине, которая, казалось, преграждала путь.

Они выехали из ущелья.

Взгляду открылся вид на зелёный простор. Он расстился по ложбине, поднимался по склонам гор влево, вправо, вверх, вплоть до гряды гор.

После ущелья, поросшего елями, кустарником, луговая ширь казалась особенно огромной. Табун лошадей там, впереди, казался небольшим, а сами лошади маленькими. Стойбище тоже выглядело маленьким, далёким, а юрты вообще белели каким-то лоскутками.

Мелис ударил своего жеребца пятками, что-то крикнул и помчался вперёд, к стойбищу.

Алексей посмотрел на Алину. Она сама, без его помощи, слезла с Муниры и снова погладила её. Лошадь подёрнула мордой, всхрапнула, признав Алину за свою. С удивлением и радостью Алексей видел это.

– На горы посмотри. Видишь, они сейчас кажутся синими! Это из-за тех вон туч, видишь?! Боже ты мой, какая красота!

– Даже плакать хочется, – призналась Алина.

Они пошли вперёд по разнотравью, дыша полной грудью и улыбаясь друг другу.

Навстречу им скакал Мелис, рядом с ним ещё кто-то. Когда всадники приблизились, стало видно, что второй наездник – девушка.

– Это Айсулу, дочка хозяина Азима, – сказал Мелис. – Она дальше с вами. А мне – домой, отец ждёт.

Айсулу, девушка лет шестнадцати, с любопытством разглядывала гостей. Алина подошла к ней и протянула руку:

– Здравствуй, Айсулу. Меня зовут Алина.

И Мелису, который снимал поклажу с Муниры и перекладывал её на лошадь Айсулу:

– И мою красавицу забираешь? Как же я без неё?

– У Азима табун. Какую захотите – возьмёте.

– Мы с Мунирой подружились. Приезжай с ней за нами, Мелис.

– Прискачу. Алексею Михайловичу хорошо работать! А Алине родить батыра!

– Что? – Алина так и оторопела, а потом рассмеялась, но как-то невесело. – Вот так пожелание!

– Дурак, – сказала Айсулу. – Невоспитанный.

Девушка строго посмотрела на Мелиса. Глаза у неё продолговатые, широко расставленные, скулы острые, делающие лицо не по годам серьёзным, волевым. Она смотрела на Мелиса как на неразумного мальчишку.

– Кызымке желают батыра, батыру желают победы. А девице – жениха с камчой, ставить её на место, – парировал Мелис, независимо глядя на девушку.

– Вот я сейчас покажу тебе своё место! – Айсулу двинулась по направлению к юноше, замахнувшись камчой, но он, смеясь, быстро отскочил, уже сев верхом на Муниру.

Обращаясь к Алине и Алексею, крикнул на прощанье:

– Она добрая! Это перед вами красуется! – И пустил Муниру вскачь – оказывается, лошадь была не так стара и умела прибавить ход, если чувствовала на себе умелого наездника.

На стойбище их встретил хозяин, Азим, киргиз лет пятидесяти, как показалось Алексею. Загорелое скуластое лицо Азима, без морщин, спокойно смотрело на приезжих. Поклоном приветствовала гостей Замира, жена Азима. Тут же стояли около матери дети, два мальчика и девочка, разглядывающие гостей.

– Салам алейкум, – сказал Алексей, улыбаясь. Приветствие это входило в тот набор киргизских слов, который у него сохранился со школьных лет.

– Алейкум салам, – отозвался Азим, и на неподвижном, строгом лице его появилась улыбка, то ли приветливая, то ли чуть насмешливая. – Доехали жакши? Хорошо?

– Да, очень жакши, – радостно ответил Алексей. – Это моя невеста Алина. Бабакул вам кланяется. Он сказал, что вы нас устроите, и всё будет жакши.

– Да, Бабакул не ошибся. Бабакул – друг, а Мелис, его сынок, всё рассказал. Идём, устроитесь, как говорится.

Для гостей уже приготовили отдельную юрту, в которую и отвели Алексея и Алину. А когда они расположились, заглянула к ним Айсулу и пригласила на обед.

Для Алины всё, что происходило сейчас, было новым, впервые узнаваемым. Но по натуре своей, склонной всё новое принимать с радостью открытия, она воспринимала это новое с той естественностью и простотой, которые к ней и располагали. И если она не знала, как поступить, начиная с мелочей, вроде подушек на кошме, на которые предстояло сесть, или пиалы, в которой дымился наваристый, жирный бульон с мясом и ещё чем-то, кажется лапшой, и который предстояло есть, то обращалась и спрашивала, как правильно надо сделать. И спрашивала она про бешбармак, и про боорсоки, и про другие ей незнакомые кушанья весело и дружески, и всё нахваливала, и уже говорила «жакши», чем очень радовала хозяев, повидавших разных гостей, в том числе и заморских. И спрашивала, почему эти пончики называются так, а не эдак (по-татарски, она раньше слышала, их называют баурсаки).

Ей охотно отвечали и радовались её естественности, и не только Алексей, но и хозяева, особенно Айсулу, старшая из детей Азима и Замиры.

После обеда, недолго отдохнув, они отправились погулять, осмотреться, и за ними увязались все трое ребятишек хозяев.

Алексей высматривал место для работы, Алина то и дело нагибалась, срывая замеченные то душицу, то зверобой, всякий раз радуясь, что нашла лечебную травку. Она обращалась к Айсулу, спрашивая, как эти травы называются по-киргизски и знает ли она, что травы эти лечебные. Айсулу отвечала, про себя удивляясь, что московская девушка радуется тому, что находит обычные травы, которым здесь никто не удивляется. Впрочем, у них там, в Москве, эти травы продаются в аптеках и даже на базарах. Видела она таких продавцов даже в Караколе, бывшем Пржевальске, что уж тут говорить про Москву. Но всё же она не на все вопросы Алины смогла ответить. Например, вот про эти растения с высокими стеблями и розовыми цветами.

– На наши мальвы похожи. А у вас как называются?

Айсулу пожала плечами.

– Сорняк это. Толку никакого.

– Что ты, Айсулу. Разве не красивый цветок?

Айсулу опять пожала плечами.

– Это рододендроны, – вмешался в разговор Алексей. – Отец мне объяснил. Он, между прочим, собрал гербарий и по нему меня учил. Говорил, чтобы нарисовать каждый цветок, надо знать, когда цветёт, в какое время как выглядит.

– У нас ата знает. Если вам надо. А мы соберём, – вступил в разговор самый маленький из детей, Рыскул, бойкий и, видимо, озорной мальчонка. Он шёл, держа Алексея за руку и заглядывая снизу ему в глаза.

Алексей остановился, осматривая долину.

– Алина, успеешь набрать здесь хоть целую аптеку. Посмотри!

Вид отсюда, с высоты, открывался ещё прекрасней, чем тот, когда они выехали из ущелья на пастбище.

– Здесь, наверное, ангелы приземлились и рассыпали семена, чтобы взошли травы и цветы, на радость всем. Особенно детям и таким девушкам, как ты, Алина.

Алина и впрямь радовалась как ребёнок.

Она вздохнула и ничего не ответила, обняв за плечи Айсулу.

– Счастливая ты, Айсулу.

- Почему?
- Что среди такой красоты живёшь.

Девочка опять пожала плечами.

Рыскул дёрнул за руку Алексея.

- Идём, чего покажу!

Алексей послушался мальчишек и направился к тому месту, куда его звали.

Под кустом арчи находилось крупное гнездо из ветвей. А в нём беленькие яйца в крапинку.

Айсулу бросилась к мальчишкам:

- Назад!

И показала на небо, где уже, распластав крылья, кружил ястреб.

Прогнав мальчишек от гнезда, Айсулу повела братьев вниз по откосу, что-то выговаривая им по-киргизски.

А гостям сказала:

- Осторожней. Птицы могут напасть. У них птенцы.
- А если выше подняться? Там кто? – спросил Алексей.
- Архары. Волки бывают. Но сейчас редко.
- А снежные барсы остались?
- Здесь – нет. Дальше – есть. Но мало.

Когда вернулись с прогулки, наступал вечер. Солнце уходило за вершины гор, окрашивая их прощальными лучами. Склоны темнели, становились загадочными, несущими в себе какую-то свою весть.

Бывало, когда наступали сумерки, Алексей испытывал чувство особенной тишины. Как будто и в его душе что-то происходило, подобное заходу солнца. Будто что-то важное свершалось, будто что-то навсегда уходило навсегда. Но не приносило боль, а лишь печалило душу, заставляло её вслушиваться в тишину и понять, что же с ним происходит.

Он испытывал это чувство особенно остро один раз, когда приехал к родителям на дачу летом. Дача была в предгорье, в двух часах от города. Здесь, на пологом склоне горы, выделили участок для журналистов и писателей. Отец Алексея одним из первых среди своей братии построил домик и возделал под сад шесть соток. Отец как журналист специализировался по сельскому хозяйству, и садоводство освоил довольно быстро. С поливом дело наладилось не сразу, но и тут отец нашёл выход. Знакомые мелиораторы прорыли от горной речки Ала-арчи отводной арык, и на голом, с жухлой травой склоне скоро зацвели сады. Лучший из них оказался у Михаила Брусенца, известного в Киргизии очеркиста про полеводов и животноводов, людей, любящих свою землю и жизнь отдающих ей.

И вот сейчас сыну журналиста вспомнилось, как там, на даче, он сидел в такие же сумерки. Это произошло поздней осенью, когда он с матерью похоронил отца, а на дачу приехал, чтобы вывезти вещи. Мать говорила, что теперь дачу надо продать, и, по сути дела, Алексей в тот вечер прощался не только с дачей, но и со всем, что связано с ней.

Голые деревья, лишь с редкими жёлтыми листьями на ветвях, малинник, росший прямо перед верандой, сейчас жухлый, весь склон, на котором отец вырастил сад, сейчас производили тягостное, горькое впечатление.

Машина, которую вызвал Алексей, всё не приходила, и он сидел, зябко кутаясь в свою выдавшую виды куртку с меховым воротником. «Здесь палку в землю воткни, и она зацветёт, – любил приговаривать отец, когда к нему кто-нибудь приходил за консультацией. – Только поливай, вот и все дела».

А товарищам Алексея, которых сын привозил из Москвы, отец, видя, как они вглядываются на цепь гор, замыкающих Ала-Арчинское ущелье, любил

приговаривать, покуривая свой неизменный «Беломор-канал», с небрежной и чуть снисходительной улыбкой:

«Здесь любая вершина выше Эльбруса. Прямо за нашей дачей, если пойдёте вверх к вот тем елям, видите? – Он показывал рукой влево, где вдалеке виднелся лесной островок. – Сразу совершите восхождение как на самый высокий пик Кавказа».

И вот в ту самую минуту, когда Алексей смотрел на яблони с редкими жухлыми листьями, на серую даль, на горы, уходящие к горизонту, ещё видимые в наступающих сумерках, в этой тишине, обступавшей его со всех сторон, между ветвей, вздрагивающих под ветром, из серой мглы показалось лицо отца.

Он смотрел прямо на сына – строго, словно разглядывал, что-то высматривая. Лицо его, как всегда, выбритое, глаза под густыми бровями внимательны, губы сомкнуты.

Но вот они разжались, и отец что-то сказал.

Алексей выпрямился, подался вперёд, пытаясь разобрать, что сказал отец. Губы опять разомкнулись, и опять отец произнёс какое-то слово.

Алексей смотрел во все глаза.

Ветви яблони колыхнулись, жёлтый лист сорвался, пролетел по лицу отца, мягко коснувшись его.

Ещё какие-то секунды лицо отца было отчётливо видно.

А потом оно уплыло, растворилось в пространстве.

Алексей встал, хотел что-то сказать – наверное, чтобы понять то слово, которое не смог разобрать.

Так он стоял несколько минут, пока не услышал шум мотора подъехавшей машины к воротам сада.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

Подошла Алина, села рядом.

– Ты какой-то грустный.

Он встрепенулся, вернувшись в сегодняшний вечер.

– Да так. Слишком много воспоминаний.

– Хороших?

– Разных. Знаешь, сумерки на меня частенько действуют. Иногда даже странно. Мистически. Не веришь?

– Почему. День прошёл. И он не вернётся. Конечно, жаль.

– Да я не о том! – Он повернулся к ней, посмотрел прямо в глаза. – Я тебе сейчас расскажу, о чём вспомнилось. Никому этого не доверял, а тебе доверю. Потому что такая минуточка. Горы, юрта... Моя жизнь как на ладони. И ничего от тебя не хочу прятать.

Она поняла, что он настроен так же серьёзно, как в ту ночь на берегу Иссык-Куля.

– У тебя были в жизни минуты, когда с тобой происходило что-то необычное? Нет, я не о бытовом, повседневном. Это с каждым бывает. Например, в лотерею выиграл. Или премию получил – к огорчению врагов твоих. Я о другом, что в сумерки как раз и приходит. У меня, по крайней мере...

И он стал рассказывать о том осеннем дне, который только что вспомнил, о прощании с дачей, где так хорошо ему жилось и работалось, об отце,

о том, как явилось его лицо, как будто бы специально для того, чтобы он не забывал всё, что пережито, всё, что он завещал ему, уходя.

Говорил Алексей подробно, не сбивался, находил нужные слова, потому что душа его истосковалась по родному человеку, с которым можно говорить о самом сокровенном, не боясь, что тебя не поймут.

Алина и оказалась тем человеком, которого ждала его душа так долго. Больше пяти лет прошло, как он развёлся с женой, да и не было у него той душевной ноты, которая зазвучала внезапно, вдруг, всё громче и громче, когда он встретил Алину, когда она явилась перед ним. Может быть, он всё это нафантазировал? Но он верил сердцу, верил, что оно его не обманывает. И потому ни капельки, ни одним словом и той исык-кульской ночью, и сейчас, на джайлоо, не лукавил, ничего не придумывал, а рассказывал о том, что пережил.

– Понимаешь, он был живой. Глаза, сросшиеся брови, нос, губы – всё живое, понимаешь?

– Успокойся, Алёша. Ты слишком волнуешься.

– Да как тут успокоиться? Когда и сейчас, сию минуту я как будто вижу то, что видел там, в саду!

Она положила голову к нему на плечо.

Обняла.

– Всё это вполне можно объяснить. С дачей пришлось расстаться навсегда. Сидел, вспоминал. Думал о дорогом тебе человеке. Вот и показалось его лицо.

– Да, это я понимаю. Но лицо-то было живое, ещё раз тебе говорю!

– Ну, живое. И что? Вспомни Гамлета.

– Алина, это же литература!

– Да, литература. Она объясняет, что может происходить с психикой. Отец объяснил Гамлету, что произошло на самом деле. А ты не понял, что он сказал?

– Не понял. И сейчас не понимаю. Придумываю какие-то слова, но именно придумываю.

– А как он умирал? Можешь рассказать? Или тебе это очень тяжело?

– Тяжело, конечно. Но раз уж заговорили... Расскажу.

В это время подошла Айсулу.

– Ата зовёт чай пить.

Они встали и пошли к юрте хозяев.

Уселись опять на подушках, лежащих на кошме.

В юрте тепло от очага, который устроен в центре, прямо над круглым отверстием на самом верху юрты. Над очагом, где красными огнями мерцают раскалённые угли, установлена металлическая тренога. На ней чайник, из которого Азим по пиалам разливает чай.

Алексей знал, что киргизы любят чай с солью и жиром, к нему надо привыкнуть, поэтому предупредил хозяев, что им надо чай с заваренными травами – желательнее с мятой и душицей.

Замира понимающе кивнула, принесла другой чайник, добавила туда кипятку, и аромат трав сразу же уловили гости.

Азим вёл себя степенно, вопросы задавал короткие, бытовые – не надо ли чего гостям, всё ли хорошо. Замира в разговор не встревала, но всё же поинтересовалась, как будут столоваться гости, нравятся ли им местная пища.

Чаепитие сопровождалось и закусками – на этот раз потчевали гостей не только боорсоками, но и вкуснейшими лепёшками с луком. Замира предложила чего-нибудь горячего, но гости отказались. Алексей сказал, что «горяченькое» есть у него, не желают ли хозяева испробовать хорошего коньяка, армянского, у него припасена бутылочка.

Азим одобрил и в свою очередь предложил арак – местную водку, изготовленную не то в Караколе, не то в Бишкеке.

Попробовали сначала армянский коньяк, потом Азим предложил по рюмочке китайской рисовой водки, от которой у Алины закружилась голова. Она со смехом определила китайскую продукцию как «ужасно вонючую», к радости детишек, сидевших по углам, и довольному смешку самого Азима.

Обстановка получилась самая дружеская. Алексей рассказывал про то, что собирается рисовать, Алина немного и про свою работу, чем очень заинтересовала Айсулу, у которой так и загорелись глаза, когда Алина сказала, что она придумывает и сама может шить женскую одежду.

Когда отправились в свою юрту, пожелав хозяевам доброй ночи, остановились у входа, увидев звёздное небо над долиной.

Звёзды показались им ещё крупнее, чем над Иссык-Кулем.

Они висели низко и мерцали. Ярко светила луна. Склоны холмов поднимались, сливаясь с горами, которые окрасились в тёмно-голубой цвет. Тишину нарушили лишь всхрапы лошадей, стоящих под деревянным навесом в загоне.

– И эту ночь нарисуешь? – спросила Алина.

– Обязательно. Если ты придумаешь сюжет.

– Тогда гонорар пополам. Послушай, а ведь в юрте нашей холодновато.

Алексей засветил керосиновую лампу.

– Посмотри! – вдруг сказала она. – Звезда! Над нами горит звезда!

И правда – в открытое отверстие юрты, сделанное для выхода дыма от очага, заглянула звезда. Как будто специально её подвесили именно на этом месте неба. Именно в этот час – чтобы светить влюблённым.

Они лежали обнявшись. И смотрели на звезду.

По тонкому лучику от неё, который нельзя увидеть обычным человеческим зрением, прямо в их сердца шёл небесный свет любви.

Продолжение следует.

**Михаил
ЛАВРЕНТЬЕВ**

Я ВСПОМНИЛ ЖИЗНЬ...

***

Этот день растворит очертания материка,
Зашифрованный ритм позовёт в одиночное плавание.
Мысли дерзкие пойманы парусом черновика,
Отмеряются чёткими рифмами мили и гавани.
На волнах из метафор – пленительная маета.
Рисковать, создавать острова монолитными фразами.
И манит за бортом необузданная красота,
В этот день горизонт наполняет гармония разума.

***

Сидит пацан на мостовой,
Губами дёргает чинарик.
Он не бездомный, он чужой.
Его прописка на базаре.
В любом дворе его родня,
Да где их нет, четырёхлапых?
Как попросить, украсть, отнять –
Уроки улиц не для слабых.
Как выживает он и с кем
В условиях голода, погоды?
На грани жизнь, на волоске,
Без малой толики заботы.
Не защищённая мишень
Изнанкой скомканной наружу.
И варианты каждый день –
Отдать концы и Богу душу.
И не сумеет он узнать:
В небесных сводах жизни брэнной
Есть в канцелярии печать:
«Не трогать. Собственность Вселенной».

-
- Михаил Юрьевич Лаврентьев родился в г. Саратове в 1963 г. Член Союза писателей России и Литературного фонда России. Член правления регионального представительства Союза писателей России по Саратовской области. Член жюри областного конкурса «Турнир поэтов» г. Саратова. Организатор и ведущий ежегодного фестиваля народной поэзии и авторской песни «Свободный микрофон над Волгой». Лауреат и дипломант международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2011». Обладатель второго места международного поэтического конкурса «Золотая строфа-2012». Награждён Благодарственным письмом министра культуры России. Автор поэтических сборников «Пробиться к себе» (2000), «Чтоб совпала с надеждой надёжность» (2002), «Собственность Вселенной» (2009), «Инерция возврата» (2016).

ВЕСНА

Всего лишь год, как мы с тобой не виделись.
Ты вышла словно из другого мира.
Прохожие, несдержанные зрители,
С восторгом признают в тебе кумира.
Ты выглядишь так ярко, сногшибательно,
Большая редкость в будничное утро.
Твой принцип – растревожить обязательно,
Напоминая о себе ежеминутно.
Пропагандируя в цветочек платъица,
Вальс первоцвета новый сочиняешь.
Проталины к твоим ладоням ластаняся,
Ведь ты о будущем так много знаешь!
О тех событиях, что зарождаются
Во взглядах трепетных, во льдах прибрежных.
То сокровенное, что отражается
В ответах искренних и водах вешних.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Кто-то звёзды крестом разложил,
Выбрав, видимо, место для встречи.
Тот глухой перекрёсток светил
Освящает любовь каждый вечер.
Там астральные, вспыхнув, тела
Невесомые шлют поцелуи.
Как в Крестовых походах, дотла
Там сердца выжигают, ревнуя.
Заполняется нежностью брешь
Между звёздами так осторожно.
Южный Крест – крест высоких надежд,
В нём совпала с надеждой надёжность.

***

Я вспомнил всё: ведь я же не отсюда,
Не это время я считал своим.
Не этот век, отравленный валютой,
В моей нечёткой, смутной памяти храним.
Я вспомнил скачки волн, атоллов лапы,
Пот кожи длинных листьев поутру.
И землю цепко обнимали трапы
Пред тем, как обрубить канаты топору.
И шквальным ветром сломанные мачты
Не страх вселяли – воспевали злость.
Когда нас ждали с почестями, мрачных,
Просоленных морской романтикой насквозь.
Я вспомнил жизнь, не дно существованья,
Без натиска убойных новостей,
Когда свободы лёгкое касанье
Перетекало в руки крепкие друзей.

***

Отцу-солдату

Весна идёт войной. Ложится на поля,
Калеча снег, топя на реках льдины.
И, словно гильзы, сыплют почки тополя,
Отстреливая веток магазины.
Назад ни шагу, можно только наступать!
Тяжёлым ливнем сбит и смят валежник.
А в рощах начали к награде представлять –
На грудь земли лёг орденом подснежник.

***

Так призрачна жизнь. В безымянной туманности
Найти невозможно подобных себе.
Но свет подтверждает устойчивость данности
И близость родства в однородной толпе.
Расхожее: тьма – это света отсутствие,
Безликое нечто, забвенья объект.
Но в массе её, в столетьях предчувствия
Накоплен развития новый сюжет.
Порой созидать призван хаос движения,
Случайно обычное чудо творить,
Чтоб два одиночества в прикосновении
Душой обретали способность светить.
Но тайна из самых глубин мироздания
Приходит непознанно. Факты просты:
Любви возгоранье в едином дыхании
Рождает свеченье одной чистоты.

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Михаила Юрьевича Лаврентьева с юбилеем!**

**Василий
КИЛЯКОВ**

ВЫСТРЕЛ

У существительного «агапе» – «любовь» на греческом языке – выделяют до восьми смыслов и оттенков, иногда противоположных по смыслу: от величайшей страсти до постоянного беспокойства и озабоченности (в том числе и тревоги молитвенной монаха) за всё и всех в мире этом.

А что включает в себя «счастье»? Что означает это слово? У существительного «счастье» выделяют лишь два значения. И сопрягают по семантике – то с чувством или состоянием высшей радости, высшего удовлетворения; и переживания радости от удачного, скорее даже неожиданного, случая. И восторг кратковременный. И третье: «счастье» как сама удача, успех сопутствующий, ведущий к материальному или иному (карьерному) благополучию. К тому же счастье путают с наслаждением.

В этих объяснениях нет главного, и вот почему. «Везенье» – в понимании большинства – не сопоставимо ни с одним из определений «агапе». Главное же вот в чём: «с-частье», на мой взгляд, означает быть всегда «с частью», частью чего-то целого, необъятного, неохватного, даже великого. «Быть с частью»... Но с частью чего и кого же? Вот вопрос вопросов, и ответ на него, самый решительный, лежит вовсе даже не в плоскости филологии, а в философии религиозной. За пониманием любви к человеку и счастьем стоит нечто большее, даже – огромное, невообразимое нечто, некая громада, та, что мистически и незримо присутствует всегда в жизни каждого на этой земле. Может быть, душа человеческая всего лишь часть чего-то или кого-то огромного – того, кто сроден, сродственен ей. Так, свет от зеркала – всего лишь отсвет, отблеск солнца, но не само солнце.

Счастье в нашем бытовом понимании, конечно, мгновенно. Впечатление от подаренной норковой шубки или кольца с бриллиантом, эксклюзивного ружья или удочки мы называем счастьем. Или присуждение золотой медали на чемпионате – счастье. Человек стоит столько, сколько стоит его счастье. Когда я вспоминаю о том неожиданном счастье, что пережил, душа моя наполняется всякий раз мистическим волнением, даже трепетом...

-
- Василий Васильевич Кияков родился в 1960 году в Кирове. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Юность», «Октябрь», «Литературная учёба», «Подъём», в газете «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Живёт в городе Электросталь Московской области.

Так что же это за «великая часть» такая, та, что сопричастна душе человеческой, и сама она в свою очередь не есть ли малая толика чего-то необъятного, немислимого? Часть эта входит в иную часть, как сфера в сферу. Часть некой силы великой и великого пространства отражается неким бликом, блистанием в нас, как в зеркальце. Часть бытия или солнца, времени и силы... Кто-то ждёт иного счастья, полагая его – или в семье, или в заботе, или в работе. Кто-то считает счастьем выплаченный (наконец-то) кредит. Один всемирно признанный писатель, всеми уважаемый и ценимый, признался на смертном одре, что отдал бы все свои писания за то, чтобы при жизни быть уверенным, что есть на свете хоть один человек, которому не безразлично, «опоздал ли ты к обеду». Все эти думы настигают меня при воспоминании того ужасного состояния, что пережил я однажды, это стало истинно потрясением и запало в сердце на всю жизнь. И единственно только «с-частье» вселенское спасло меня.

В тот вечер все рамки бытия сдвинулись и переместились для меня. Случилось так. Поздним осенним вечером я бродил по селу. Ровесников в ту пору моей молодости не было – вся молодёжь поразъехалась. Телевизор смотреть не хотелось, в карты не игралось (со стариками да старушками) – и ой как невесело было в деревне в тот памятный мой приезд... «Да и что в этих картах, «одна прелесть» (от слова «лесть»), – как говорила некая богомольная старушка. Привяжутся как семечки и наскучат, и не бросишь никак. Или – заводили мои старики разговор о такой старине-древности, в которую уже и верить не хотелось. Странно было, что им интересны были припоминания, как жили «при царе горохе»... И что вот именно так и было – и голодно, и неудобно, и скорбно, и беспросветно. Сначала, бывало, заслушаешься, а спустя полчаса уже зеваешь от скуки... Да вот словечки эти местные, диалектные «ялань», «кулижка»... Добавить сюда ещё манеру говорить таким языком, что нигде и ни в каком городе вовек не встретишь – вот вам и полная картина потеряннго вечера – скукота такая, что «хоть волком вой».

Но в тот день как-то особенно не заладились моя игра и обычные разговоры. Старики мои по три раза переспрашивали: «...Так ведь это свой? Ты что, своими бьёшь?» (Свои – это козыри в колоде.) Своими они почему-то называли дорогую для них масть. И привыкшие на всём постоянно экономить, смехотворно сдерживать свой ресурс, потешные старики так же неохотно расставались с козырями «своими», как с памятью о прошлом, что приберегла судьба. Так экономно и скаречно пускали они в игру одну и ту же масть, так скучно, расчётливо и без всякого риска, что я вконец заскучал, стал, к удивлению своему, предсказуем в игре и так, рискуя, совсем уж дерзко и безоглядно начал пробрасывать карту, что стал то и дело проигрывать. И, на радость рачительным моим «плюшкиным», проиграв сряду раза четыре, вышел на улицу едва ли не в отчаянии: ну что за жизнь – унылая, серая, решительно нечем заняться! А главное, неужели и впрямь так и следует жить, по-звериному бережливо всё накапливая?.. Если так, то как скучно, бессмысленно, однообразно прокатится время до конца. Помню, пел дед-фронтвик вызывающе, играя на гармонии: «Времечко моё бежит, время тянется: кто не гуляет да не пьёт – поздно встрянется...».

Над крышами висела полная, печальная луна, но было ещё светло, и как-то не по себе стало, помню, от этого лунно-лукового света, какого-то потустороннего, горнего. Густые тени высоких тополей рассеивала лампочка, висевшая высоко на столбе и светившая слабым, жёлтым, неверным светом. Освещала она дальний конный двор, баз и колодец с журавлём. Журавль

торчал вверх как огромная одинокая удочка, нависшая над безмолвным прудом, даже скорее – над болотом.

Из-за крайнего дома со стороны полевой дороги навстречу мне выбежала собака, за ней шёл наш сосед дядя Ваня, заядлый охотник и большой бездельник, с ружьёмом за плечами. Он подошёл, отогнал собаку. Потом стал что-то спрашивать про деда, чем, дескать, занят. И, закурив, принялся вышучивать и меня:

– Чего приехал, чего один?.. «Дело пытаем или от дела лытаем»?

Я, уловив его тон зубоскала, отвечал:

– И то и другое..

– Всё учишься? – вышучивал меня охотник. – Выучишься и про меня не забудь, в Москву заberi. На Белокаменную хочу поглядеть. Теперь вот говорят, что только в Москве и жизнь, а тут – какая здесь жизнь? Прозабание... В городе – вот где жизнь так жизнь: там – где пивка попьёшь, где винца дёрнешь. Есть чем заняться. Живёт сегодня только Москва, на неё только все узлы завязаны.. А для чего живёт – непонятно: ничему ваша Москва не верит, даже слезам и то не верит.. по пословице. А глухომани нашей не верит и подавно. Не верит, что не живём, а выживаем здесь..

– Да... – поддержал я, – запустенье тут, дикость. Тут дикость, а там бой, там тоже непросто: всё время будь начеку, воюй, доказывая своё, отстаивай. Так тоже нелегко. «Москва бьёт с носка..» Внезапно и хитро. Но жизнь-то содержательней, однозначно. Особенно если по части пивца и винца, то да, – поддел его я. – Оно как же без витамина «це» и жить-то: «...солнце, винце, пивце...». Тут – по этой части лажа, не жизнь, а сажа! Самогон и тот не купишь тут в пору «борьбы с алкоголизмом».

Он даже и не заметил моей иронии.

– Как так, а луна? Вон какая! – продолжал он шутить по-своему, на деревенский лад. – Такой в столицах не сыщешь. Разве что, – отвечал он грустно, пуская густой дым, – в сказках..

А я слушал и всё поглядывал на ружьё, торчавшее за его плечами. «Эх, вот так бы погонять ветер с ружьёмом! Пострелять да походить, поохотиться самому. Пожалуй, что и кабана завалить можно. И лося. «С отрядной грустью внемлю я, как ветер гулом однотонным гудит-поёт в стволы ружья...» – такие настигали мысли.

А он, помолчав для пущей важности подольше, продолжал:

– Ты в своей Москве луну-то видел? А тут вот она – луна, потрогать можно... Там за небоскрёбами её не видать у вас, конечно.

И, перехватив мой взгляд на ружьё, уловил наитием моё настроение: и то, что я не склонен теперь зубоскалить, оспаривать интонацией насмешника этот обычный тон превосходства в ссоре городского и деревенского жителя, – спохватился и продолжал совсем уж миролюбиво:

– Надолго к деду прикатил? А что, нравится ружьё-то? Знатное ружьишко! Твой дед не так давно, когда табак по талонам стал, променял ружьё на ящик махры у заезжих полковников, охотников на кабанов. Ох, и страдал твой дед без курева-то, говорил: «Уши пухнут, так курить охота». А они, браконьеры-то, и рады..

– На два денька приехал, – отвечал я нехотя. – А что, у деда ружьё было? Что-то не помню. Зря и приехал. Скука тут, тоска зелёная. На улице ни души, как вымерли.

– Вымерли и есть. Вымерли да поразъехались. Раньше что было! У-у-у, улей! «Гудит как улей родной колхоз, а нам усадьбу любить до слёз...». Помнишь, пели? А теперь – всё, нету никого, некому петь.

– Да, молодёжи нет, скучновато.

– А я привык. Фермерствую. Денёк один сегодня выпросил у жены поохотиться. Один день убил, больше ничего. А ружьецо собираюсь купить ещё одно. Это-то хоть и старовато, а тоже не погонялка, ха-ха... Смотри: длина ствола сантиметров на двадцать больше новых, твоих, а?.. Теперь такие уже не выпускают. Было дело, с дедом твоим ходили по уткам. Я их во-он откуда, родимых, доставал, с-под самых с-под облаков. Дальность и сила у ружья этого – сказка! Не то что у нынешних. Ты не смотри, что старенькое, бьёт – только в путь! А твой дед ходил последнее время всё неудачно со своим дробовиком, мазал, злился, может, оттого и променял ружьецо, не знаю. А это – вона! Промаха не знает, так бьёт...

Понимая про себя, какой «фермер» передо мной, зная хорошо, какой это «шалтай-болтай», я всё же сделал вид, что мне и впрямь интересна беседа, что и он уважаем бесконечно, мой собеседник. Похвалил ружьецо.

– Дай-ка, я гляну, – попросил я.

– На, полюбуйся на «богачество»... Думаю «магнум» купить или «беретту»... «Сайга» теперь тоже, говорят, неплоха. Есть восьмизарядная «сайга» очередями стреляет, тоже ничего... Но это – проверенное, моё самое дорогое оружие, раритет. Деньги-то есть, конечно, у меня, я же фермерствую помаленьку... А эту – продам. Но дорого. Желающих полно, если кто понимает. Вот хоть тебе. Глянь, примерься, сколько дашь, так, навскидку? А не возьмёшь, на следующий год приедешь, попросишь, а я уж отдал другому, так и знай. Кому? Секрет... За милую душу! Возьми-ка, примерь, может, это твоё ружьё?! Ружьё – оно как охотничий нож хороший, словно кинжал кавказский – сам себе хозяина ищет. На Кавказе все про это знают, я там бывал не раз.

Он ещё что-то говорил, но я уже не слышал. Дядя Ваня снял ружьё с плеча. Я взял одностволку, повертел её и так и сяк в руках, стараясь не слушать трепотню «охотника», – и не нашёл в ней ни изъянов, ни достоинств... Так себе.

Как раз в эту минуту, гремя вёдрами, к колодцу с журавлём шла тётя Маня, соседка. Я заглянул в прицел. Заскрипел журавль с утяжелителем. Убого, почти ломаясь от противовеса, потащил журавль наверх ведро. Я навёл мушку. Палец тронул излучину спусковой скобы и удобно лёг на спусковой крючок, в эту его кривую и тайную ложбину, такую тонкую, желанную всякому охотнику – палец лёг в неё идеально... Приклад упёр в плечо потуже, поудобней – как если бы и впрямь стрелял я «спутником» по кабану с усиленным пороховым зарядом. Упёр плотно и крепко, чтобы не было отдачи... И когда я совместил мушку с целиком, в голове моей как бы сама собой возникла фраза: «В людей целятся только злодеи». И в то же время другой голос отчётливо шептал: «Жми, нажимай. Главное – не думай... Не давай себе думать...» Я поднял ружьё, перевёл дуло и прицелился в слабо копящую жёлтую лампочку на столбе. Потом, всё ещё балуясь, навёл на Маню, потом опять на лампочку. Нажал на спусковой крючок. И вдруг грохнул выстрел. Лампочка разлетелась вдребезги, засвистели, закачались электрические провода. Собака из ближнего двора подняла лай. Потом все собаки с округи стали ей вторить, брехать и визжать. Поднялся такой гам, закричали издали какие-то люди. Дядя Ваня тоже что-то кричал мне, оглохшему от грома выстрела, и я вдруг отчётливо почувствовал, как от него понесло сивухой. Лицо его, кричащее мне губами, то отдалялось, то приближалось. Губы жили как бы отдельно от лица. А я стоял ни жив ни мёртв, слышал только, как гудят провода от ударившей в них дробы. Вме-

сто сердца – комок глины. И в груди пустота, словно летишь в пропасть. Свинцовые руки, сухие губы.

– Ну, что молчишь, ай язык проглотил?

Я очнулся. Я не знал, что ружьё заряжено, а дяде Ване, верно, и в голову не пришло предупредить меня или, входя в жилой район, поставить замок на предохранитель, а того лучше – выбить патрон из патронника. И что тут началось! Сыр-бор, да какой! На выстрел выбегали из ближайших домов. Шли-спешили люди. Повыскакивали собаки. Я так оторопел, что не допускал и мысли, что могло произойти секунду назад, не переведи я мушку с человека на лампочку. И все почему-то ругали дядю Ваню: «Какое счастье, какое счастье, что я не убил человека!»... Я всё ещё был и полуслепой, и полуглухой, и онемевший.

Шатаясь, шёл к дому...

– Чего там? – спросил дед. – Ванька, что ли, охотник хренов, стреляет? Или надрался он опять?

Я молча разделся и полез под бочку – в холодный душ.

...И теперь, даже теперь, когда столько лет минуло со дня того выстрела, когда прошло столько дней, месяцев, лет... особенно трудные дни житейских невзгод, неудач, неурядиц, когда смыкается холодный круг отчаяния, – вдруг приходит, настигает меня это воспоминание и мысль: «А ведь я счастливый человек – я не убил человека...»

Да, не убил. А всё остальное – что бы то ни было и чего бы ни случилось – всё выеденного яйца не стоит. И ещё приходит догадка: какая же часть этого огромного мира шепнула мне тогда: «Ведь ты не злодей, чтобы выстрелить. Человек не должен целиться в человека»...

**Наталья
ЕЛИЗАРОВА**

Я ШАР ЗЕМНОЙ ДЕРЖУ В РУКАХ...

***

Дело не в том, что мне тебя не хватает¹.
(Не хватает, конечно, кто бы об этом спорил.)
Просто весна придёт наконец и весь снег растает,
станет огромным солёным морем.
Мир станет выжженной, голой, сухой равниной,
где ни в одном углу не найти покоя.
Сколько бы я твои фотографии ни хранила,
флешки и снимки выбросит кто-нибудь твёрдой рукою.
Было ли это, не было – кто проверит,
любящие в жизни обычной – простые люди.
Только когда проводник вновь откроет двери,
возле тебя не будет.

***

Ты не влагу приносишь – несёшь потоп,
всё живое смывает с моей земли.
Ни лесов, ни травы,
ни дорог, ни троп –
словно сели в горах прошли.

Словно было цунами, но пронесло,
лишь коснулось по краю – ещё живём,
только б новое в этой земле взошло,
не осталось скупым жнивьём.

---

¹ Строчка из стихотворения Елены Наумчик

-
- Наталья Михайловна Елизарова родилась в городе Кашире Московской области. По первому образованию юрист. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Член СПМ, SRP, русского ПЕН-центра. Автор поэтических сборников: «Осколок сна», «Черта», «Страна бумажных человечков», книга для детей «Мой ангел» и «Я видел!» и многочисленных публикаций в периодике. Участник форума молодых писателей, российских и зарубежных поэтических фестивалей. Автор гимна НХЛ (Ночной Хоккейной Лиги). Лауреат многих литературных конкурсов. Литературный редактор альманаха «Тургеневский бережок». Соредатор сербского журнала «Жрнов». Ведущая литературных семинаров SRP, Левитов-феста и др. Преподаватель русского языка и литературы. Стихи переведены на английский, сербский, немецкий, польский, румынский, турецкий, даргинский, болгарский, венгерский, греческий, норвежский, итальянский языки. Живёт в Москве.

Ты – несущийся к морю большой поток,
но, встречая побег на своём пути,
подари ему лишь воды глоток,
дай наполниться – прорасти.

***

Я шар земной держу в руках,
и пусть диаметр меньше метра,
конечно, он боится ветра,
и острого, и этот страх
понятен мне и даже ведом:
я тоже разного страшусь,
за ним – по переулку – следом
я на верёвочке тащусь
и страхи разного размера
таскаю следом за собой
(зигзагами и по прямой).

В минуту эту я боюсь
и оступиться,
и споткнуться,
и чудо выпустить из рук.
Или раздастся страшный звук –
хлопок – и целого нет мира...
Иль перервётся пуповина,
и воспарит мой шар земной
в пустое небо надо мной.

Моя планета голубая,
в далёкий космос уплывая,
оставь мне море-окиян,
его лазоревые брызги,
и берег, что зарёю выслан,
и воздух, что как будто пьян.

***

В Москве жара. Гремят – кладут асфальт,
который от жары не остывает,
его одновременно поливают:
он чёрный, а не серый, как базальт.

В Москве тепло, раздевшись, москвичи
гуляют в шортах, майках, босоножках,
чтоб солнышка немножко улучшить,
хотя, конечно, лучше не немножко.
И кто их в этом может уличить?!

В Москве, в Москве... Да что я про Москву...

Ты Расскажи, поют ли соловьи?
Уже в лесу поспела земляника?
И ласточки, наверно, близко-близко
летают от воды и от земли.

Туман клубится утром над рекой,
и себель иногда волнует воду,
хотя в такую жаркую погоду
и рыбам тоже нужно на покой.

...Тебя я вижу там, на берегу,
и из тумана я тебя зову.

***

Будешь ли счастлива – это третье, десятое дело.
Жизнь всегда наполнена там, где горит душа.
Ты просила любви, ты радости так хотела,
так держи, береги, замри и, боясь дышать,
обнимай так сильно, как будто сейчас отнимут,
и целуй так жарко, и прямо смотри в глаза...
Всё плохое минет, хорошее тоже минет,
Но сейчас ты читаешь стихи, и слушает полный зал.

**Геннадий
МАЙОРОВ**

ТУФЕЛЬКИ ДЛЯ ЗОЛУШКИ

– Телевизиончики суеются, – пояснил один из ополченцев. – Витюха наш жениться задумал, так они предложили всё это дело отснять и в интернет выложить. Мол, смотрите, война идёт, а у нас жизнь продолжается...

Невысокого роста парень лет восемнадцати растерянно улыбался, на его впавших скулах едва пробивалась щетина, которую он не сбрасывал, видимо, намеренно, чтобы подчеркнуть свою мужественность и взрослость. В камуфляже, с автоматом, он выглядел нелепо на фоне свадебных атрибутов, которые телевизиончики затаскивали в кадр. Кто-то от руки на обойном куске написал: «Счастья молодым!» и пытался закрепить его на здании какой-то пожарной части, уцелевшей после летних боёв. Красный кирпич крошился под ударами приклада, гвозди рикошетили, но всё же с грехом пополам самодельный плакатик удалось прикрепить. Появились маленький столик, ваза с цветами. Режиссировавший предстоящую торжественную церемонию упитанный юноша в хрустящей ветровке возбуждённо бегал по площадке, постоянно о чём-то советовался с оператором и нервно поглядывал на часы.

Тем временем к месту событий подтягивался любопытный народ. Женщины, как могли, принарядились: знали, что могут попасть в объектив телекамеры, и старались соответствовать моменту. Наконец кто-то изрёк:

– А где же невеста?

– Свадебное платье примеряет, – в толпе, как всегда, нашёлся всезнающий товарищ, к которому тут же устремили свой взор любознательные старушки.

– И где его достали?

-
- Геннадий Николаевич Майоров родился в Ленинграде. Окончил заочный университет искусств имени Н.К. Крупской (курсы актёрской грамоты и основ режиссуры). Служил в армии в Забайкалье, где пришлось участвовать в пограничных конфликтах. Позже работал в молодёжной газете, на радио, на телевидении, был собственным корреспондентом газеты «Советский спорт». Параллельно получил профессии режиссёра и психолога. В 1992 году основал издательство «3-е ИЮЛЯ». Первая книга вышла в Туле, в Приокском книжном издательстве в 1985 году тиражом 8000 экземпляров – «Без вести пропавшим не считать». Автор 17 книг. Лауреат премии Орловского комсомола, премии имени И.С. Тургенева, премии журнала «Молодая гвардия» и других. Председатель Орловского Союза журналистов и Орловского регионального отделения Союза российских писателей. Член Международной федерации журналистов.

– С гуманитарной помощью доставили, – заулыбался всезнайка.

Народ оживился, посыпались со всех сторон шутки-прибаутки. Было видно, что люди соскучились по мирным разговорам, по веселью. И нынешняя свадьба хоть как-то отвлекала их от мрачных мыслей, давала надежду на лучшее.

Минут через сорок появился небольшой кортеж автомобилей. Из первого вышли градоначальник и представитель ЗАГСа. Невесту сразу и не заметили в гуще свиты. На ней не было свадебного платья. Всё тот же камуфляж, лишь на голове – фата. В руках вместо автомата – большой букет роз.

– Натаха – медсестра, – комментировал всезнающий голос из толпы. – Сама к ополченцам прибилась. А Витёк как раз ранение получил, она его и выходила.

– У неё брата убило, – добавил женский голос. – Она сначала в Россию с матерью подалась, а потом решила вернуться..

Прибывшие с кортежем девушки в цивильных платьях стали украшать намеченное место регистрации шариками и лентами. Одна из машин также оформлялась на свадебный лад.

Режиссёр подбежал к молодым, начал что-то объяснять, отчаянно жестикулируя. Можно было догадаться, что он предлагает жениху избавиться от автомата, дескать, это перебор. Виктор неохотно, но всё же согласился остаться без оружия. Затем довольно быстро уговорили невесту переодеться в платье одной из подружек. Это решение вызвало удовлетворительные возгласы у зевак. Наталья и впрямь резко преобразилась. Бесформенный камуфляж уродовал её миниатюрную привлекательную фигурку. Платье оказалось ей к лицу. Но возникла проблема с обувью. Нужны были соответствующие туфли. И тут выручили живущие поблизости женщины. Они ринулись в свои закрома и – о чудо! – явили на свет туфельки для Золушки.

Ещё через полчаса всё было готово для свадебной церемонии. В последний момент появилась бутылка шампанского, что вызвало неописуемый восторг у зрителей, особенно когда с шумом выстрелила пробка и пенящаяся струя стремительно вылетела из горлышка на потрескавшийся асфальт.

Наталья сияла от счастья. Виктор же стоял с неподвижным взглядом, покрывшееся пятнами лицо выдавало его нешуточное волнение. Никто не заметил, как на импровизированной площади стало больше ополченцев. Часть из них изображала массовку и при приближении телекамеры радостно аплодировала, выкрикивая здравицы молодым. Но несколько человек стали как-то тревожно переговариваться по рации, то и дело озираясь по сторонам. Потом один из них, видимо, командир, подошёл к градоначальнику и посоветовал сворачивать церемонию. Тут и люди почуяли что-то неладное. Только режиссёр с оператором настолько были увлечены съёмками, что ничего не хотели замечать.

Но когда где-то далеко ухнул один взрыв, затем донёсся отголосок другого, инициаторы телесвадьбы вынуждены были завершить процесс.

Первыми стремительно покинули место действия местные жители, привычно устремившись в убежища. Ополченцы, а вместе с ними и жених, направились к своим блок-постам. Минут через десять о состоявшейся свадьбе напоминали только плакат на стене и несколько понуро висящих шариков.

Лишь месяца через два совершенно случайно наткнулся я во всемирной паутине на небольшой сюжет о той памятной свадьбе. Закадровый голос пафосно информировал, что в воюющем Донбассе люди думают не только о том, как бы выжить и отстоять свою свободу, но и создают новые семьи,

уверенные в мирном будущем, когда настанет время рожать детей, созидать и радоваться жизни. Сюжет заканчивался на оптимистичной ноте: Виктор и Наталья планируют построить дом, в котором будет много-много ребят-шек...

Естественно, захотелось узнать о судьбе молодых людей, случайным свидетелем свадьбы которых довелось мне стать. Тем более что от их городка война откатилась на приличное расстояние.

Но всё никак не получалось попасть в те места. Как всегда, оказия подвернулась неожиданно, когда развозили гуманитарную помощь по намеченным населённым пунктам. Водитель потрёпанного грузовичка оказался земляком ополченца Виктора. Рассказал, что тот был ранен легко, вернулся в строй и сейчас патрулирует окрестности: вместе с товарищами, имеющими боевой опыт, следит за порядком.

Добравшись до места назначения, я был немало удивлён тому, как чётко и оперативно решались вопросы распределения привезённых продуктов. Это притом, что практически «на коленке» реанимировались сведения обо всех жителях – выживших и погибших, а также ставших беженцами. Несмотря на отсутствие достаточных ресурсов, восстанавливались объекты жизнеобеспечения. Возобновились занятия в школах. Даже местный Дом культуры начал работать, о чём свидетельствовало объявление на входе. Кроме того, желающих вступить в брак приглашали на регистрацию в определённые дни. И это было наглядным свидетельством того, что жизнь продолжается, что скоро всё наладится и раны гражданской войны зарубцуются.

Встретившаяся в холодном вестибюле работница ДК оживлённо рассказывала о перспективах, о планах, которые, скорее, можно назвать мечтами. Когда же мы затронули тему свадеб, то она посокрушалась, что пока желающих нет: люди ждут конституционных перемен, то есть чётких и стабильных «правил игры».

– А помните ли вы летнюю свадьбу молодого ополченца Виктора?

– Сама я там не была, но моя тётка рассказывала, как невесту всем миром наряжали...

– ...и туфли ей подарили.

– Ножка у неё была маленькая, ничего путного подобрать не могли. У одной учительницы только нашёлся нужный размер... Люди у нас сердобольные, нежадные...

– Словом, нашлись туфельки для Золушки?

– Да ведь недолго их счастье продолжалось. Вы разве не слышали?

– Но мне рассказывали, что жениха, Виктора, только ранило, он до сих пор в строю...

– Он-то да, а вот невеста погибла неделю спустя. Тут к нам зачастили диверсионные группы из «Правого сектора», жуткие звери, ничего святого. Они то что-нибудь подожгут, то взорвут. В общем, не успокаиваются, не подчиняются киевским властям. Творят беспредел...

Так вот, совершили налёт на нашу больничку, где были раненые ополченцы. Хотели их, видимо, добить. Но ребята из охраны оказали серьёзное сопротивление, почти всех перебили. А с нашей стороны две потери. Один военный и эта самая ваша невеста. Она как раз на дежурстве была. Осколком её прямо в сердце. Вот такие вот дела...

А хоронили её в настоящем подвенечном платье. И в тех самых туфельках: учительница так решила, мол, в этой жизни счастья не хватило, так пусть хоть на том свете порадуется...

**Валерий
АНИШКИН**

СМЕРТЬ МУЗЫКАНТА

Как-то поздно вечером, когда Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной собирались лечь спать, зазвонил телефон. Звонок был неожиданный в столь поздний час, и Ольга Алексеевна вздрогнула от тревожного предчувствия.

– Мам, – раздался в трубке плачущий голос дочери.

– Что? Что случилось? – У Ольги Алексеевны бешено заколотилось сердце и застучало в висках.

– У нас ничего, – поспешила успокоить мать Мила. – Дядя Слава умер.

– Какой дядя Слава? – не сразу сообразила Ольга Алексеевна, но сердце отпустило, и она вздохнула с облегчением, только закружилась голова.

– Да Линкин отец! – всхлипнула Мила.

– Ой, да что ты? – вернулась к действительности Ольга Алексеевна. – Когда?

– Сегодня днём.

– А что случилось?.. Как же так вдруг? Он же моложе нашего папы. – Ольга Алексеевна окончательно пришла в себя, но теперь уже расстроилась из-за несчастья, которое обошло их, но коснулось близкой подруги Милы, и это сразу отозвалось новой болью в сердце.

– Инсульт, – коротко ответила Мила.

– Лине сообщили?

– Я звонила ей по сотовому и дала телеграмму, чтобы был документ. Завтра прилетит. А я с тётёй Валею сидела, недавно пришла.

– Может быть, мне прийти завтра, помочь чем? – предложила Ольга Алексеевна.

– Да нет, вроде ничего не нужно. Похороны взяла на себя филармония, а готовить мы завтра с Татьяной будем. И Ленка обещала прийти.

– Беляев умер? – переспросил Виталий Юрьевич, когда Ольга Алексеевна положила трубку.

● Валерий Георгиевич Анишкин – филолог, историк. Член Союза российских писателей. Живёт и работает в г. Орле. Автор книг «Великие мыслители. История и основные направления философии», «Русь и её самодержцы», «Быт и нравы царской России», «Богатство и бедность царской России», «От Горбачёва до Путина. Политический дневник», романов «Потерявшиеся в России», «Моя Шамбала», «Студент», сборника рассказов «Уходящая натура» и др. Печатался в центральных и областных журналах, газетах.

- Да, Вячеслав Михайлович, – подтвердила Ольга Алексеевна.
- Отчего ж инсульт? Как-то ни с того ни с сего, – недоуменно произнёс Виталий Юрьевич.
- Господи, да мало ли отчего? Бывает, человек здоров, а раз – и нет. Все под Богом ходим.
- Да, это да. Мой учитель Зыцерь Юрий Владимирович говорил: «Не то странно, что человек болеет и умирает, самое поразительное, что он живёт». Биологическая природа человека настолько сложна, что, если бы Бога не существовало, его нужно было бы придумать.
- Виталий Юрьевич помолчал и сказал:
- Может быть, он перед этим выпил лишнего?
- Да ты что, Виталий, он десять лет в рот спиртного не брал. Он же зашит был.
- В том-то и дело, что я его недавно выпившим видел, – возразил Виталий Юрьевич.
- Ну, не знаю, – отмахнулась Ольга Алексеевна. – Какая теперь разница, выпил он, не выпил. Нет человека – вот и весь сказ.
- Талантливый был мужик. Всю Европу с ансамблем своим объездил. Жаль. Рано ушёл.
- Это он до перестройки ездил. А после ансамбль еле существовал, перебывались кто чем мог.
- На следующий день в обед заскочила Мила.
- Есть будешь? – спросила Ольга Алексеевна.
- Буду, мам. Я с утра у тётки Вали. Меня с работы отпустили. Сейчас там Татьяна с Ленкой, а я убежала, чтобы Катю в школу отправить. Катю покормила, а сама не успела. Да и одной как-то неохота.
- Ну и ладно. Ну и молодец. Сейчас я быстренько картошечки отварю. Потерпи полчаса. А пока котлетку съешь. Возьми сама в холодильнике, в кастрюле. И борщ достань заодно.
- Сидели на кухне. Ольга Алексеевна высыпала в раковину из ведра с десяток картофелин и открыла воду. Чистая струйка воды растекалась по картошке и с уже грязными подтёками устремлялась в отверстие слива. Ольга Алексеевна смесала картошку и стала мыть, подставляя под кран то одну картофелину, то другую, и постепенно замысловатые зигзаги воды вокруг груды картошки светлели, пока не стали такими же чистыми и прозрачными, как струя из-под крана. Виталий Юрьевич с любопытством ребёнка смотрел на эту простую метаморфозу и отвёл глаза, когда Ольга Алексеевна взяла нож и стала чистить вымытую до нарядности картошку. Под ножом картошка шуршала, и очистки, извиваясь непрерывной лентой, падали в раковину.
- Так что ж там всё же случилось, дочка? – спросил наконец Виталий Юрьевич. – Инсульты и инфаркты тоже просто так не случаются. Какой-то толчок ведь был?
- Всё из-за машины! – сказала Мила. – Ты же видел «Шевроле», на котором он ездил?
- Да, он меня даже подвозил на ней до дома.
- Ну вот, я тогда говорила, что он эту машину пригнал под заказ.
- Ну да, он её тогда и обкатывал, – подтвердил Виталий Юрьевич.
- Вот и дообкатывался, пока двигатель не запорол, – тихо сказала Мила. – Машина новая, при обкатке скорость не должна превышать девяносто километров, и то по хорошей дороге. А дядя Слава за городом гонял под сто сорок.

- Как же это он? – сокрушённо покачала головой Ольга Алексеевна.
- Да так же! – передразнил жену Виталий Юрьевич. – Эти машины с места развивают скорость до ста километров. А на дороге скорость у них вообще не ощущается.
- Господи! Ты-то откуда знаешь? – с иронией посмотрела на мужа Ольга Алексеевна.
- А это папа по опыту на своём драндулете марки «Москвич ИЖ-комби» знает, – грустно пошутила Мила.
- Глупые! – обиделся Виталий Юрьевич. – Можно подумать, я, кроме «Москвичей», других машин не видел. Да мне и Вячеслав Михайлович покойный говорил.
- В общем, плавали, знаем! – Мила обняла отца за плечи, и он невольно рассмеялся. Смех получился невесёлым и как-то сразу погас.
- Отдал бы машину сразу, как пригнал, и ничего бы не было, – заявила Ольга Алексеевна.
- Свежая мысль! – сказала с сарказмом Мила. – Задним умом мы все крепки.
- Ладно, пусть мотор сгорел, – упрямо продолжала Ольга Алексеевна, – машина-то цела.
- Да без этого, как ты говоришь, мотора грош ей цена... А ты знаешь, с кем дядя Слава связался? Ребята, на его беду, оказались крутыми, да такими, что круче некуда. Деньги-то он за машину взял предоплатой. А разбираться, что там с двигателем и почему, им по барабану.
- Мила, выражайся прилично, – одёрнула дочь Ольга Алексеевна.
- Да ладно! – отмахнулась Мила.
- Ну, можно же было машину продать подешевле и деньги вернуть, – поддержал жену Виталий Юрьевич.
- Пап, ты прямо как с луны... – Мила покосилась на отца. – Ты знаешь, сколько машина стоит? А без двигателя кому она нужна?
- Ну, расплатиться-то можно было. Хоть за сколько-нибудь продал бы. Ну, добавил бы, конечно.
- Нет, пап, ты чего-то не догоняешь!
- Как это не догоняю? – удивился Виталий Юрьевич.
- Ну, не просекаешь! – засмеялась Мила.
- А-а! И чего же это я не просекаю?
- А то, что пришли крутые ребята, с бычьими шеями и железными бицепсами, и назначили срок: три дня. А потом включили счётчик.
- А счётчик-то зачем включать? – обалдело посмотрела на Милу Ольга Алексеевна.
- Ну и дремучие вы, родители! – Мила покачала головой. – Включить счётчик – это значит назначить проценты за каждый день просрочки. А проценты такие, что легче повеситься, чем расплатиться.
- Ой, да что ж это делается! – запричитала Ольга Алексеевна. – Это же чистый бандитизм. Куда же милиция смотрит?
- Какая милиция, мама? Окстись. Ты в каком мире живёшь? И время другое, и власть другая.
- И как же они выбрались из этого? – хмуро спросил Виталий Юрьевич, оставляя без внимания причитания Ольги Алексеевны.
- Дядя Слава запил, а тётя Валя с согласия Лины продала её квартиру, которую Лина здесь купила.
- Продали квартиру? – ахнула Ольга Алексеевна.

– Если бы только квартиру, – отозвалась Мила. – Чтобы полностью расплатиться, им пришлось продать всё ценное, что имели. У них вообще ничего, кроме двухкомнатной квартиры, в которой сами живут, не осталось.

– Ну, проценты можно было не отдавать. Что это за проценты такие? Техас, что ли? Слава Богу, в России живём, – строго сказала Ольга Алексеевна.

– Это другая Россия, – поправила Мила.

– Которой Техас теперь в подмётки не годится, – отозвался эхом Виталий Юрьевич.

– Неужели было не стыдно этим, как ты говоришь, крутым ребятам пользоваться несчастьем людей и отнимать нажитое честным трудом?

– Ну, мам, вы с отцом неисправимы. Вы ещё рассуждаете о какой-то совести. Совесть как категория становится понятием второстепенным. Сейчас это в порядке вещей. Мат, откровенное, неприкрытое хамство. В автобусе вчера бабушка с клюкой стояла, а девочка, по возрасту третьеклассница, смотрела на неё синими чистыми глазами, и ей даже в голову не пришло уступить ей место.

– Ну, девочку-то винить не надо, – вставила Ольга Алексеевна. – Это родители должны были научить ребёнка элементарной культуре поведения. И сострадание к больному и немощному... А вот откуда такой цинизм у подростков? У нас на лестничной площадке вывернули лампочку и не унесли с собой – это было бы понятно, а растоптали тут же, на площадке и на покрашенной панели, набирая пальцами побелку, написали: «Посмотри вниз! Нравится?»

– Положим, это было всегда, – не согласился Виталий Юрьевич. – И лампочки выкручивали, и место в трамвае не уступали, и в котлов камнями бросались.

– Не столь откровенно и не с таким цинизмом, – возразила Ольга Алексеевна.

– Ну что ж, большое государство – большое общество. Как говорится, лес рубят – щепки летят.

– Только щепками почему-то, как всегда, оказываются люди, – горько посетовала Мила. – Когда хоть будет что-то нормально? Вечером ложишься и не знаешь, что тебя утром ждёт.

– Ладно. Всё в конце концов образуется. *Post tenebras lux*¹ – говорили латиняне. – *Opportet vivere*².

– У Вячеслава Михайловича всё уже образовалось. Ему теперь не скажешь: «Надо жить», – Ольга Алексеевна тяжело вздохнула и кончиком фартука промокнула глаза.

Виталий Юрьевич по обыкновению забарабанил пальцами по столу. Мила молчала, и на кухне воцарилась тишина, только звякали столовые приборы, которые доставала Ольга Алексеевна из ящика кухонного стола.

– Что ж, он и не жаловался ни на что? Так вот сразу insult с летальным исходом? – спросил Виталий Юрьевич.

– Ну, как? Жаловался раньше на шум, тяжесть в голове, головокружение. Но как-то серьёзно не обращали внимания... У меня тоже вот голова и болит, и кружится.

– Тьфу, тьфу, тьфу! Не дай Бог! – Ольга Алексеевна обозначила крест в сторону дочери.

¹ После мрака свет (лат).

² Надо жить (лат).

– Утром встал, – серьёзно продолжала Мила, – оделся, есть не стал. Включил телевизор, потом сказал тётё Вале, что ему что-то нехорошо, и попросил чаю. Тётя Валя приготовила чай, приносит, а он в кресле мёртвый. Тётя Валя даже не поняла, что случилось, потом закричала, соседи прибежали, скорую помощь вызвали. Но уже бесполезно. Констатировали смерть от апоплексии, т.е. острого нарушения мозгового кровообращения.

– Ну, хоть не мучился, – сказала Ольга Алексеевна. – Сразу. Лёгкая смерть.

– Лёгкая-то лёгкая, а каково тётё Вале? Она всё время в полуобморочном состоянии. Хоть бы Линка поскорее приехала.

– А когда придет-то? – спросила Ольга Алексеевна.

– Да я же сказала: к вечеру должна быть.

За обедом говорили о домашних делах и всякой всячине. Катюха стабильно получала пятёрки, и Мила с удовольствием передавала родителям слова классной руководительницы, которая хвалила девочку.

Пили чай с яблочным пирогом и сливовым вареньем. Чай Ольга Алексеевна заваривала с небольшой щепоткой индийского или китайского листового чая, но это, в принципе, было не важно, потому что основной вкус чаю придавали зверобой и мята, которые она добавляла к заварке. Чай получался пахучим и с красивым красноватым оттенком.

– Как же теперь Валя одна будет? – сетовала Ольга Алексеевна, когда чаепитие закончилось и чашки перекечевали в мойку.

– Наверно, уедет к Линке в Бельгию. Там всё налажено: стабильный заработок, хорошая квартира. Да и детям бабушка нужна, всё равно няню нанимают. А потом тётя Валя классный дамский мастер. По крайней мере, здесь к ней в «Салон красоты» в очередь за месяц записывались.

– Это она сама сказала или ты так думаешь? – поинтересовалась Ольга Алексеевна.

– Нет, я знаю, что Лина этого хочет. Ещё когда отец был жив, Линка говорила, хорошо, мол, если бы родители были рядом, а тётя Валя считала, что, будь она одна, уехала б хоть на край света, но дядя Слава считал, что русские должны жить в России, даже если она стала мачехой, а с ансамблем своим его только смерть разлучит.

– Вот и разлучила, – вздохнула Ольга Алексеевна.

– Где ж хоронить будут? – спросил Виталий Юрьевич.

– На Крестительском кладбище.

– А говорят, теперь хоронят на новом кладбище, где-то в Лужках. А здесь, в городе, не хоронят.

– Почему? Хоронят и здесь, – отозвалась Ольга Алексеевна. – Если есть место, хоронят.

– У него мать и брат на Крестительском похоронены, – пояснила Мила.

– Ну вот, – почему-то обрадовалась Ольга Алексеевна, – значит, место есть...

Было уже по-зимнему холодно. Зима ещё не наступила, но ждали, что вот-вот посыплет снег: ветер уже носил позёмку, и снежная крупа больно хлестала по лицу, и люди поворачивались спиной к ветру или утыкали носы в шарфы и воротники пальто.

Несмотря на ненастную погоду, народу на похороны пришло много. На гроб филармония поспешила. Вячеслав Михайлович лежал в стандартном сосновом гробу, правда, обитом красным бархатом. Под траурный марш гроб с телом вынесли на улицу и поставили на две табуретки. «Какой синюшный цвет лица», – безразлично отметил Виталий Юрьевич. Равнодуш-

но, потому что он уже не отождествлял лежащее в гробу тело с Вячеславом Михайловичем. Для него человек существовал или не существовал. Всё остальное уже было неважно. Так случилось, когда умер его отец, Юрий Тимофеевич, Виталию Юрьевичу тогда было двадцать лет. Он очень переживал, когда отец медленно угасал от рака, не находил себе места и изводился от тоски и жалости к отцу. Но на похоронах, которые он запомнил как дурной сон, он слышал причитания, похожие на заунывную, надрывную песню бабушки, и истерический, захлёбывающийся плач матери, и разноголосые стенания, похожие на вой, родни, но сам не проронил ни слезинки и выполнял всё, что его просили, с отрешённостью зомби. Отца просто не стало. Всё остальное было бутафорией. Родственники тогда упрекнули его в чёрствости, а мать до самой смерти жаловалась, что похоронить её будет некому, потому что на сына, которого даже смерть отца не тронула, надеяться нечего...

До центральной улицы гроб несли на плечах под непрерывный, разрывающий душу похоронный марш. Процессия растянулась на сотню метров. Впереди несли венки: от филармонии, от танцевального коллектива, от родственников, от городского отдела культуры и даже от городской администрации. На подходе к улице Горького гроб погрузили в катафалк, близкие последовали за гробом, остальные, кто хотел ехать на кладбище, сели в автобус.

У кладбищенских ворот процессию встретил батюшка, гроб внесли в церковь, и началось отпевание. Виталий Юрьевич столбом стоял в толпе провожающих, косился украдкой на иконы, к которым многие прикладывались, не знал, как вести себя, и чувствовал неловкость. Он с удивлением отметил, что Ольга Алексеевна крестится и делает это естественно, как истинно верующая.

Он неловко перекрестился, и почему-то ему было стыдно.

«Вот она, катком прокатившаяся по душам атеистическая мораль советской власти, – иронически подумал Виталий Юрьевич. – Видно, я как был атеистом, так им и останусь... Но, в конце концов, Толстой был верующим, а в церковь не ходил и церковнослужащих не любил», – успокоил свою совесть Виталий Юрьевич.

К месту захоронения шли за батюшкой, который неразборчиво бубнил старославянские слова и размахивал кадиллом. Время от времени он оборачивался, и тогда Линин муж, Володя, свал ему в руку мелкую купюру.

Гроб опустили на верёвках два могильщика. Им помогал кто-то из провожающих. Могильщики оступались на мёрзлых кучах земли, скользя и теряя равновесие. Наконец гроб стал на дно могилы, в выемку у самого дна, вырытую из экономии, чтобы не копать могилу во всю длину. Градом застучали о крышку гроба смёрзшиеся комья земли, и вдруг хор голосов завёл обрядовую песню к разлуке:

*Стоят сани снаряжённые,
Ой да наряжённые.
И полостью подёрнуты,
Ой да подёрнуты.
Только сесть в сани да поехати,
Ой да поехати.
Кому вынется, тому сбудется,
Ой да сбудется.
Тому сбудется, не минуется,
Ой да не минуется.*

Пели ладно, высокий голос выводил строку, а остальные многоголосно подхватывали припевные повторы. Песня плачем разносилась по кладбищу, и от этого плача или стона щемило сердце.

*Сидела я у окошечка,
Ждала к себе милого.
Не могла дожидаться –
Спать ложилась.
Утром встала – спохватилась,
Гляжу на себя – вдова!*

На могильный холмик положили венки. Венков было много, и те, что не поместились на холмике, поставили вдоль ограды. Потом кто-то говорил прощальные слова над могилой, но Виталий Юрьевич не вслушивался. Теперь, когда могилу закопали, ему хотелось побыстрее уйти домой. И когда первые провожающие пошли на выход, к автобусу, он взял Ольгу Алексеевну под руку, давая понять, что им тоже пора.

По дороге их нагнала нищенка, полная девочка с грубо зашитой заячьей губой и загундосила: «Владимир Петрович всем денежку давал, а мне не дал. Дайте, Христа ради!»

– Оля, дай ей сколько-нибудь! – растерянно попросил Виталий Юрьевич.

Ольга Алексеевна достала из сумки десятку и отдала девочке, та сразу отстала.

– Чего она ко мне-то? – удивился Виталий Юрьевич.

– Внушаешь доверие, – шепнула Ольга Алексеевна.

– Кто такой Владимир Петрович?

– Здравствуйте! Муж Линь... Он же здесь вроде старшего. Распорядитель, что ли...

– Надо же, нищие как быстро сориентировались и имя-отчество знают, – чуть усмехнулся Виталий Юрьевич.

Они подождали Линь и Валентину на выходе, ещё раз выразили соболезнование. Ольга Алексеевна соврала, что Виталий Юрьевич плохо себя чувствует, и они не остались на поминки.

Дома Виталий Юрьевич с Ольгой Алексеевной помянули покойника, выпив по рюмке водки перед ужином, а на следующий день, в субботу, когда к ним зашёл Владимир Сергеевич с Милой и Катюшкой, Виталий Юрьевич достал из холодильника начатую бутылку водки и поставил на стол.

– Надо всем вместе помянуть Вячеслава Михайловича, – ответил он на вопросительный взгляд жены.

Ольга Алексеевна собрала на стол, вслед за мужчинами пригубила из рюмки.

– Похороны были знатные, – заметил Виталий Юрьевич.

– Дай Бог каждому, – эхом откликнулась Ольга Алексеевна. – Много было народу. Венки. И от филармонии, и от отдела культуры. И весь ансамбль «Матрёшки», которым он руководил, хотя они последнее время и перебивались кое-как.

– Вы, родители, завидуете, что ли? – засмеялась Мила.

– Не говори глупости, – обиделась Ольга Алексеевна. – Завидовать тут нечему. А только приятно, когда в последний путь тебя провожают по-человечески, а не кое-как.

– Да ладно, мам, шучу! – серьёзно сказала Мила. – Не обижайся. Вам ещё рано думать о похоронах.

– Всё хорошо. Только гроб еле через ограды протащили, – вспомнил Виталий Юрьевич.

– Так у нас ограды как заборы на дачах, в человеческий рост. Только зачем, непонятно! Некоторые на калитки даже замки вешают, – заметила Ольга Алексеевна.

– Да это ладно. Сейчас место на городском кладбище – дефицит. Ловкие люди и здесь поспели. Ходят, выискивают заброшенные могилы и за взятку приватизируют места. Да ещё могильщики, тоже за взятку, теснят уже занятые места и чуть ли не на дороге устраивают захоронения. Вот и растут ограды там, где им не положено быть.

– Ну надо ж! – всплеснула руками Ольга Алексеевна. – Ещё неприятности!.. Мы когда на могилу сходим? – набросилась она на мужа. – Там, небось, уже заросло всё. Вот займут наше место, куда мы с тобой? И повезут в Лужки, к чёрту на кулички.

– Да какая тебе разница? – буркнул Виталий Юрьевич. – *Omnia vinitas*³.

– Ну, вы, родители, даёте! – только и могла сказать Мила.

---

³ Все суета (лат).

**Людмила
ОРЛОВА**

Людмила Орлова

ПИСЬМО ВНУКУ

Внезапный уход из жизни твоего дедушки вызвал у меня острое чувство быстротечности бытия. Твой дед, Валерий Александрович Козлов, был удивительным человеком. Хорошо знал русский язык, неплохо владел английским. Любил юмор, часто цитировал Козьму Пруткова, Остапа Бендера. Был по натуре романтиком, обладал тактом, был добрым человеком.

Когда мы учились в Раевской театральной студии на 5-й Дачной во дворце «Мир» г. Саратова, он, узнав, что мне нравятся новомодные игрушки – из поролон, тайком отправился за ними на товарняке в Москву, чем вызвал переполох и в студии, и в своей семье. Отец и мать его, Александр Илларионович и Феоктиста Фёдоровна, даже приезжали в студию посмотреть на девицу, ради которой их сын совершил такой вояж.

Студия для нас с дедом была точкой отсчёта нашей жизни. Мы были самыми молодыми, к нам относились бережно. Нас называли Ромео и Джульетта. Мы были главной влюблённой парой в студии. Видимо, глядя на нас, другие вспоминали собственные чувства. Нам льстило такое отношение старших товарищей.

Когда была наша свадьба, а она проходила во Дворце, студийцы во главе с директором Ефимом Семёновичем Нейманом и нашим руководителем Владимиром Николаевичем Раевым устроили для нас настоящий праздник. Студия была на третьем этаже. На лестнице, ведущей наверх, стояли наши ребята, держа в руках по цветку. Звучала музыка – Первый концерт

-
- Людмила Викторовна Орлова – актриса, мастер художественного слова, театральный педагог. Родилась в 1941 году в Саратове. В юности занималась в театральной студии ДК «Мир» в Саратове. После школы окончила ГИТИС, получив высшее профессиональное (театральное) образование. Работала в нескольких театрах страны, после чего вернулась в Саратов. Долгое время работала в филармонии, где выступала с литературными программами по собственным сценариям. Преподавала мастерство актёра и сценическую речь на театральном факультете Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, в Саратовском областном колледже искусств.

П. И. Чайковского. Когда мы вошли в холл студии, у нас в руках с Валерой было по букету алых и белых гвоздик. В холле нас ждал ещё сюрприз – набор немецкой мебели, два кресла и журнальный столик (они до сих пор стоят у меня в комнате) – шикарный подарок по тем временам. Нас усадили в кресла перед выгороженной сценой, в середине которой висел наш будущий семейный герб – крылья и рога. Почему? Фамилии у нас были Орлова и Козлов. Всё было сделано с юмором и любовью. Каждый этот герб понимал по-своему. Мы так: рога нам даны отбиваться от всего пошлого, а крылья – летать и парить над землёю. А ещё по стенам были развешаны плакаты, два из них запомнились: «Дети есть дети» – фраза из пьесы Эдуарда Де Филиппо «Брак по-итальянски», в которой дед играл Доменика, с ним репетировала сама Цецилия Львовна Мансурова, и «Любовь зла, полюбишь и коз...» На полу были разбросаны кленовые листья. Они были всюду – в танцзале, в холле, в учебном классе, везде висели гирлянды из этих листьев. Была осень – сентябрь. Всё было золотое, солнечное. Может, поэтому люблю жёлтый цвет и осень.

На протяжении всей жизни твой дед всегда что-нибудь придумывал, чтобы наши отношения не померкли в быту. То назначит мне свидание, то сочинит стихи, то как-то перед 8

Людмила Орлова в юности

Марта мужчины в театре поспорили, кто придумает лучший подарок своей женщине. Конечно, твой дед был победителем: он преподнёс мне конверт, в котором был билет на самолёт в Москву, в Театр сатиры на спектакль «Доходное место» режиссёра Марка Захарова. Каким образом он это сделал – уму непостижимо! В Ленинграде постановка Рериха – мы там; в Москве французские импрессионисты – мы уже в Музее имени А. С. Пушкина... Приезжает из Италии великая актриса Маньяни – и мы смотрим в Малом театре «Волчицу» с её участием; греческая актриса Папатанасиу в «Медее» в театре им. В. Маяковского – смотрим. Это твоему деду я обязана учёбой в Москве в ГИТИСе. Я сопротивлялась. Он настоял. До сих пор благодарна ему за это. Невозможно забыть своих замечательных педагогов – Л. Чафранову, Ю. Кагарлицкого, А. Бартошевича,

И. Дюшена, И. Козлянинову – да разве всех перечислишь!..

Почему-то представляю тебя взрослым. Представляю, как ты перебираешь старые фотографии, перечитываешь мои записки. Что же, человек возвращается иногда к своим истокам. Что он ищет в них? Какие ответы? Что его волнует? Прошлое? Откуда он родом? Почерпнуть в этом силы или проверить их? Или просто вспомнить очень близких людей, которые дарили тебе нежность, доброту, любовь бескорыстно. Не требуя ничего взамен. В детстве ты хотел быть конструктором новейших машин, как твоя мама – «операционным» врачом, т.е. хирургом, а стала менеджером в известной не только в Германии, но и во многих странах фирме «Крестенсен», знает несколько

ко языков. Может, и ты не конструктор, а юрист, биолог, учитель, врач или артист? Неважно, какая у тебя профессия, главное, чтобы она была любимой, приносила радость. Есть поэзия и в повседневном труде. Ты крепко стоишь на ногах. Я рада за тебя.

Человек рождается со Светом, Добром и Любовью. Но жизнь – жестокое испытание. Как устоять? Как сохранить себя в этих испытаниях? Как не заглушить в себе то светлое и радостное, чем одарила тебя природа, Бог? В жизни всякое бывает, и хорошее, и плохое. Память хранит всё. Нет-нет, да и вспыхнет в ней то, от чего становится не по себе. Тогда говоришь себе: «Ты теряешь что-то сокровенное, что-то очень важное, что помогает тебе во всём – в работе, в семье, в любви. Остановись. И если действительно в какой-то момент приходят эти мысли, значит, не всё потеряно, значит, ты действительно жива и способна отличить хорошее от дурного. Я пишу об этом, потому что не всегда достойно ведёшь себя в (сложных) жизненных ситуациях. Когда понимаешь это, становится горько. Есть такое выражение – «умей держать удар». Бойся предать себя, убить душу свою. Я говорю о нравственном убийстве. Пасть легче, возродиться тяжелее. Поэтому так хочется предупредить тебя, мой внук, о возможных ошибках на твоём пути. Важно, чтобы в приобретении жизненного опыта ты не терял тот свет, который тебе дан. В жизни люди борются за всё: за существование, за свою карьеру, за богатство. Часто жадность и зависть заставляют их забывать лучшую часть своей души, забывать про верность себе. И они предают не только себя, но и близких людей. Жадные и завистливые люди – страшные люди по силе разрушения и себя, и окружающих. Беги от таких людей, если нет иной защиты от них.

К таким мыслям приходишь гораздо позднее, после прожитых лет. Я ведь не всегда была такой взрослой. Моя жизнь и жизнь твоей мамы связаны одной нитью – это путь к тебе. Сложный, не совсем, может быть, прекрасный, но путь к тебе, нашему чистоглазику, которому придётся открывать мир во всех проявлениях. Ты часто меня называл лучшей бабушкой в мире. Наверно, все бабушки – лучшие в мире. Но у меня от этого внутри всегда разливалось тепло. Как хотелось в такой миг прижать тебя к себе, рассказать, что и я когда-то была такой же маленькой, как и ты! Вот я и решила написать о себе и этим сократить временное расстояние, разделяющее нас...

Я родилась в машине. Мама приехала на последнем месяце к отцу, который строил дорогу неподалёку от саратовского моста, соединяющего правый берег с левым. Стратегический мост! В войну его бомбили, но ни разу не попали в него. Неожиданно у мамы начались схватки. Папа на машине повёз её в Саратов, но я так торопилась появиться на этот свет, что они не доехали до Саратова, пришлось остановиться в селе Багаевка, там я и родилась. Так что Саратов, Парсамовский роддом, где родились мои брат и сестра, не дождался меня. У меня два дня рождения – 21 марта и 25 марта: папа перед отправлением на фронт при оформлении моего свидетельства о рождении перепутал числа. Так что в семье отмечались обе даты моего рождения.

Моё детство прошло в посёлке Водник за Увеком, в шести километрах от Саратова, где твой прадед Виктор Иванович Орлов строил свою последнюю дорогу перед войной. Он был отличный механик, заведовал всеми машинами на строительстве. Мог про проезжающую машину сказать, сколько километров она пройдёт и из-за чего остановится.

Детство моё мало чем отличалось от детства других детей военного и послевоенного времени. Представь себе девочку, вместе с мальчишками

совершающую набег на сады и бахчи, с набитыми гайками, гвоздями, разной железной мелочью карманами. Маме моей – твоей прабабушке Матрёне Алексеевне – эти железки надоели, и она зашила все карманы на моей одежде! Не помогло. Мне и с зашитыми карманами легко бегалось по родимой саратовской сторонке.

А ещё бегали мы в поле в поисках сладких корешков солодкового корня, дикого лука, чеснока, щавеля. И в посадки. Там вкусные цветы акаций и маленькие серебристые «финики», растущие гроздьями на ветках серебристого кустарника. Мы многого были лишены. Конфеты, например, для нас были райским лакомством. Поэтому когда моя бабушка Евдокия Никитична, твоя прапрабабушка, приходя из города, разворачивала кулёчек, завязанный в узелок, мы, затаив дыхание, следили за её руками. Ах, как она брала конфеты! Это были «киевские помадки», разноцветные – розовые, голубые, зелёные, белые, формой напоминающие клубничку. Они были такие красивые, что жаль было их есть... И с какой начать, какую из них первой съесть?..

Внуков у бабушки было трое: брат Толя, сестра Аля и я. Я была самая младшая. Поэтому старшие часто использовали своё превосходство надо мной. То сажали меня на козу, и я, вцепившись в её рога, орала во всё горло, пока животное пыталось меня сбросить, то ещё что-нибудь придумывали, так что бабушке приходилось отбивать меня от разыгравшихся брата и сестры. Один раз им так из-за меня попало, что они перестали брать меня в свои игры. Тогда я придумала свою собственную.

Ты не знаешь, что такое русская печь. Сейчас таких нет. Печь, в которой готовили еду, на которой отогревались зимой в морозные дни, печь, на которой спали. Так вот, в нашей квартире рядом с такой печью стояла кровать. Полка на печи, на которой спали, отделялась от комнаты занавеской. Держась за неё, я следила за играющими братом и сестрой. Но вот занавеска как бы не выдерживает меня, и я лечу вниз на кровать. Толя с Алей замерли – опять им попадёт из-за меня, а я вновь лезу на печь, чтобы снова «свалиться». Всё это, чтобы показать старшим, что я и одна могу играть.

Позже они стали включать меня в свои «действия», им доставляло удовольствие видеть, как я слушаю их пение. Например, меня сажали на кровать, вставали передо мной и, как на концерте, пели жалостливые послевоенные песни. Про то, как возвращался с войны сомневающийся в себе калека-муж, а жена его встречала с распростёртыми объятиями, уверяя, что он стал ей ещё дороже. Или про то, как муж испытывал жену, написав ей, что он без рук и без ног – жена отказывалась от него, а муж приходил с войны цел и невредим и уходил к другой. Очень, очень жалостливые... Этими песнями они доводили меня до слёз, я плакала навзрыд. Опять на выручку приходила бабушка, успокаивала меня, как будто понимала, что эти слёзы – и об отце.

У тебя может сложиться впечатление, что брат и сестра только и делали, что мучили меня. Нет, мы росли дружными. Брат следил, чтобы у меня были игрушки. Сестра оберегала меня. И, став взрослыми, они по-прежнему относились ко мне с нежностью и вниманием.

Самые яркие воспоминания – возвращение солдат после окончания войны. Наш посёлок располагался так, что из города в него надо было спуститься по склону. И вот на самой высокой точке склона показались возвращающиеся солдаты. Помню женский голос, который кричал изо всех сил: «Бабы, наши идут!» Война закончилась, и все ждали своих сыновей, отцов, братьев. И все, кто был в посёлке, бежали наверх, с ними бежали и мы, дети.

Помню пыль и оголённые ноги женщин – они бежали, задрав юбки. И среди них, глотая пыль, боясь отстать от взрослых, – мы. Радость, ликование объединяли всех в одну семью. Силу вспыхнувших тогда эмоций можно сравнить разве только с известием о полёте Юрия Гагарина в космос.

Кончилась война, и радость победы окружила не только людей, она, казалось, была во всём: на земле, в небе, деревьях, траве. Наконец можно было обнять своего долгожданного, родного мужчину, вдохнуть запах его тела, прислонить свою головушку к его плечу, почувствовать себя женщиной, позволить себе быть слабой. Тогда этого не понимали. Просто счастье накрыло всех – и детей, и взрослых. И ещё рождалась смутная надежда: вдруг среди вернувшихся и мой папа? Во все глаза я смотрела на брата и сестру: к кому они бросятся? Они помнили его. Брату было семь лет, сестре – четыре года, а мне всего три месяца, когда он уходил на войну. Мама рассказывала, что в день прощания с семьёй отец взял гитару и стал играть что-то весёлое. Толя с Алей притоптывали вокруг него. Потом сгрёб всех нас к себе, расцеловал и ушёл.

Отец так и не вернулся...

Вернулся с войны младший брат мамы, дядя Вася. Опять крик на весь посёлок: «Мотыка, ваш Васька идёт!» И вновь лавина людей течёт вверх по склону. Берут этого Ваську на руки и на руках несут в посёлок. Рядом его мать, сестра, племянники, остальные мамини родные – все, кроме нашего отца. Он погиб под Калинином. Мама всю жизнь ждала его, не верила в его гибель. И нас научила верить, что отец жив. Каждый год в День Победы, 9 Мая, мама накрывала на стол, мы усаживались за него и ждали чуда: вот-вот откроется дверь, и... Но чуда не было.

Мама долго хранила фронтовые письма отца, постоянно их перечитывала... Как-то не выдержала и сожгла их. Уцелело три письма. Мы поделили их между собой.

Мы не дали маме снова выйти замуж – а как же папа? Зачем она внушала нам, что он жив? Зачем сознательно создавала иллюзию – чтобы мы не ощущали себя безотцовщиной? Или действительно верила, что он жив? А может, старалась своей верой защитить себя от многих житейских невзгод? Не знаю. Единственное могу сказать: до сих пор (а я уже стала мамой, бабушкой) у меня где-то там, в самом сокровенном уголке сердца, теплится надежда на встречу с отцом...

Незадолго до смерти мама вдруг сказала мне: «Знаешь, доченька, я не хочу, чтобы сейчас пришёл папа!» И, посмотрев на меня, добавила: «Видишь, какая я стала, а он молодой, красивый!» Жизнь моей мамы ассоциируется у меня с картиной Н. Рериха «Ждущая». Кругом горы, не очень то приветливо, впереди, куда обращена фигура сидящей женщины, – еле заметный просвет. Она всматривается в эту даль, как бы приближая этот свет к себе. Ждущая... Ждущие... Таких ждущих женщин становится всё меньше и меньше, как и солдат, прошедших эту войну. Мир праху твоему, дорогая мама.

Многие детские воспоминания стёрлись из памяти, но некоторые живы до сих пор... Клуб, на полу которого сидит детвора. Смотрим фильмы, героини которых – необыкновенные женщины. Может быть, их играли Серова, Ладынина или Орлова? Наверное, тогда и зародилась у меня мечта стать актрисой. Но до этого ох как далеко! Мы переехали всей семьёй в Саратов. Семья к этому времени увеличилась. Появился мамин племянник, наш двоюродный братишка Гена. Он родился в Германии, в плену, это от всех скрывали. Родители его, приехав к нам погостить, привезли и Гену. Но, уехав,

не вернулись, забыли про него. Через несколько лет появилась его родная мать и забрала Гену. Лучше бы не появлялась, но это другая история.

В Саратове, в доме, где мы жили, во дворе всей ребятнёй играли в «театр», разыгрывали сказки, шили костюмы из марли, тряпок, не нужных взрослым. Занавесом служили простыни. Затея эта нравилась родителям: чем бы ни тешились, лишь бы не хулиганили. Ещё играли в прятки, лапту, прыгалки. Было весело. Наш двор был лучшим двором на Первомайской улице, т.к. в нём находился небольшой сырзавод, который называли «вонючим». Его потом убрали. Но для нас, детей двора, он был подарком судьбы, потому как иногда выносила работница этого завода таз бракованного сыра. И тогда бросали все игры – мы налетали на этот таз и вмиг его опустошали...

До квартиры на Первомайской мама снимала саманный домик на краю Глебучева оврага. По размеру – домик для гномов, никак не для людей. В нём умещались этажерка с книгами, маленький стол и кровать, на которой мы спали по очереди. Ложились поперёк кровати, мама подставляла скамью, чтобы ноги не свисали. На кровати умещались четверо – бабушка и трое из нас, остальные на полу. Как-то, когда я спала с мамой на полу, мне в ухо заползла двухвостка (в этом доме мокриц и двухвосток хватало). От грома в ухе я закричала. Как испугались бабушка с мамой, извлекая эту дрянь из моего уха! После этого на полу, заткнув уши ватой, спали только взрослые.

А очереди за хлебом! Разве возможно их забыть? Ночью, когда безумно хотелось спать, мама будила нас, чтобы не пропустить пересчёт. На пересчёт – переключку – надо было являться всем; если кто-то из семьи не приходил, того вычёркивали. Мы протягивали пересчитывающим свои руки, на которых химическим карандашом были написаны номера, они перечёркивались и в ладочки вписывались новые. Пересчитывались много раз за ночь. Те, кто стоял в конце очереди, хотели приблизить себя к началу. И поэтому, когда люди теряли бдительность, уходили немного поспать (ведь утром на работу!), вдруг кто-то из задних затевал этот злосчастный пересчёт, и кто не успевал к нему, того безжалостно выбрасывали из очереди. Исключали не только взрослых, но и детей. Какой душераздирающий визг, брань, слёзы! Сколько было мордобоя! Люди дрались до крови, лишь бы «отоварить» карточки хлебом. Хлеба часто не хватало, и последние уходили с пустыми руками. Господи! Никому никогда не дай испытать этого, особенно детям!

Всегда помню свою первую учительницу Анну Ивановну Ростовцеву. Помню, как маму, бабушку. И если во мне есть что-то хорошее, это и её заслуга тоже. Есть люди, которых помнишь всю жизнь, за их душевную щедрость, за радость. Будешь ли ты помнить свою первую учительницу? Время, в которое ты живёшь, другое, более жёсткое. Наши тогдашние отношения, наверное, отличаются от ваших сегодняшних, но хочется верить, что есть что-то неизменное во все времена.

Учительница первая моя...

Внешне неброская, маленькая, но на удивление обаятельная. Высочайшей культуры и такта. Как тогда в Союзе говорили: «бывшая». У неё было чутьё открывать в своих учениках дар. Благодаря этому она помогла многим девочкам найти свой путь в жизни. Открыла она и во мне то, что определило мою жизнь. Однажды на уроке чтения Анна Ивановна вызвала меня к доске прочесть небольшой отрывок из книги Короленко «Дети подземелья». И вот я читаю. Читаю, читаю, а она не останавливает меня. Я думаю: чего это она? Так и читала до конца урока. После этого она включала меня во все литературные конкурсы. Анна Ивановна как-то рассказывала мне

о своём далёком родственнике, который дружил с И. А. Крыловым. Я вспомнила об этом, когда работала над тематическим концертом Саратовской филармонии о великом баснописце, журналисте, драматурге. Её далёкий предок был начальником учебных военных заведений Петербурга. Лишний раз убеждаешься, что в жизни нет случайных встреч – всё завязано и переплетено кем-то.

Анна Ивановна иногда брала меня к себе домой подкормить. Под разными предложениями. То ей надо было помочь донести стопку тетрадей, перевязанных бечёвкой, то она «не помнила», как надо варить кашу, то дополнительно позаниматься арифметикой, с которой я не очень дружила. А однажды Анна Ивановна преподавала нам всем урок благородства и такта.

Тогда были мужские и женские школы. Все девчонки нашего класса были из семей разного достатка. В основном беднота. Война закончилась. Люди с большим трудом поднимали хозяйство страны. Многого не хватало. Не хватало хлеба. И вот одна девочка, дочь начальника какой-то базы, принесла в школу белую булку. Большую, сдобную. И большое яблоко. Она положила всё это на парту, собираясь есть. Мы столпились вокруг, смотрели на булку и яблоко как на чудо. Анна Ивановна подошла к нам, мгновенно оценила ситуацию, сказала девочке, чтобы она немедленно всё спрятала или разделила на всех. Почему девочка решила всё это разделить на всех, я не знаю, может, сочла это решение лучшим, а может, глядя на свою учительницу, поняла, что нужно сделать так, а не иначе. В общем, каждой досталась крошка от булки и крошка от яблока. На следующий день пришёл в школу отец этой девочки. Возмущённый. Мы стояли за дверью класса и слышали, как Анна Ивановна говорила ему: «У вас одна дочь, а у меня их сорок пять. У многих нет отцов – погибли на войне. Многие не знают, что такое белый хлеб. Кормите свою дочь дома. Но в школу не смейте давать то, чего не видят на столе другие дети». Девочку потом перевели в другой класс, к другому учителю...

Ещё один эпизод из школьной жизни. Как-то на уроке я потеряла сознание от голода, и Анна Ивановна добилась, чтобы в школе мне выдавали еду – две булочки. Они не были похожи на ту белоснежную пухлую булку одноклассницы. Одну из них Анна Ивановна заставляла меня съесть. Я её ела, но вроде бы как нечестно было перед братом и сестрой. Анна Ивановна понимала это и разрешала вторую отнести домой. Она вместе с мамой ходила в военкомат, где нам выдали по фуфайке, что-то на ноги, но самое главное – помогла маме оформить пенсию за отца. Он был офицером. Впрочем, хоть пенсия офицера была больше солдатской, всё равно её не хватало... Нас было четверо да бабуля, а мама одна кормилица. Бабуле как бывшей помещице-кулачке пенсии не полагалось, для советской власти она была чужеродным элементом. Живи как хочешь!

Люся Орлова

Бабушку свою Евдокию Никитичну Бабкину, по мужу Шевченко, рождённую в 1881-м году, помню высокой, стройной, несмотря на преклонный возраст. С шикарными волосами ниже пояса. Однажды, когда бабушка заболела, мама повезла её в больницу, но чтобы положить на лечение, нужно было остричь волосы. Медсёстры не решались – рука не поднималась. Вызвали главврача. Все были растеряны: как быть? Резать эту красоту или нарушить правила? Бабушка никому не хотела приносить хлопот и настояла, чтобы её остригли, как и всех, кто поступал в больницу. Она была строга, но справедлива. Требовала от нас чёткости во всём, приучала к порядку. Заставляла соблюдать чистоту, в каких бы условиях мы ни находились. Была неразговорчива. О себе никогда не рассказывала. Лишь из обрывков фраз складывалось у меня представление о её жизни, а также о жизни её матери.

В двадцать пять лет бабушка стала вдовой. Её муж умер в тридцать пять лет. Перед смертью потребовал, чтобы она поклялась на иконе, что не выйдет больше замуж. Бабушка поклялась и сдержала слово. На её руках осталось четверо детей: три мальчика и девочка – моя мама. К бабушке сватались помещики, купцы, но она была непреклонна. Была не бедная – у неё был ряд домов не то в Алексеевке, не то в Новых Бурасах, не то в Базарном Карабулаке. Эти названия посёлков я не раз слышала от неё. Почему она не хотела нам ни о чём рассказывать? Ведь не хотела же она, чтобы мы были Иванами, не помнящими родства. Может быть, она не хотела, чтобы мы держались за прошлое и думали, как вернуть нажитое нашими предками? Но больше всего она боялась за наши жизни. «Пришли к власти коммунисты, и пока хоть один ходит по земле, счастья не будет», – говорила она. Что ж, ей пришлось многое потерять, много пережить, многое видеть. Видела она, как уничтожали богатых, как крушили храмы, как выносили церковную утварь и жгли её на кострах, как ретивая молодёжь того времени танцевала на иконах... Пережила голод, который доводил людей до людоедства. Самое главное наследство, которое она нам оставила, это почтение к труду и надежду на лучшее, веру в себя. Пыталась привить веру в Бога, но мы были частью своего антирелигиозного времени.

Когда мне было десять-одиннадцать, она почему-то со мной вместе отправилась проститься со своими родными местами. Мы ехали автобусом, потом шли пешком. Меня мутило от жары. Бабушка подбадривала. Помню косогор. Бабушка стояла на нём, прямая, величавая, опираясь на посох, и смотрела вниз на посёлок. В ней было что-то такое, что я не смела её тревожить. Что-то останавливало – такой я её ещё не видела. Что она хотела от меня? Чтобы я запомнила эти земли, дома? Но я ничего не помню. Единственное, что я запомнила: когда мы сошли вниз, из одного двора выбежала женщина и прокричала, как прошипела: «Что, привела своего выкормыша посмотреть на свои дома, земли? А они теперь наши, наши! Мы теперь хозяйева!» Мне было очень обидно слышать, что я «выкормыш». Бабушка не удостоила вниманием эту женщину, повернулась ко мне и спокойно-спокойно сказала: «Не слушай её, дочка. Это из тех, кто никогда не умел и не хотел работать».

От посещения этого посёлка осталось неприятное чувство: мы шли по улице, а окна домов закрывались. Бабулю и меня боялись принимать. Теперь-то я понимаю: люди боялись не нас, они боялись за себя. Узнала я, что после революционной перестройки в России бабушку с детьми посадили в телегу и отправили в Казахстан, в Караганду. Но поскольку в нашем роду были не только белые, но и красные, которые занимали в Саратове

какие-то важные посты, то бабушку с детьми довели до Саратова и бросили, как бы забыли про них. Как они выжили – одному Богу известно.

И ещё одно из воспоминаний врезалось в память. Сажу за столом, учу урок про Петра Столыпина, про его жестокость и прочие ужасы. Бабушка подошла ко мне, положила руку на учебник и сказала, что этот урок она разрешает мне не учить, потому что то, что написано в книге, неправда, и что Пётр Столыпин был умным и честным человеком, уважаемым государственным деятелем России, любил свою страну. Знала бы она сейчас, что на нашей улице – на Первомайской, в доме, в котором я живу, открыт центр Петра Столыпина! А там, где Первомайская упирается в музей им. Радищева, есть небольшая площадь, названная в его честь, на которой стоит памятник этому замечательному человеку.

Так получилось, что я рассказала тебе не только о себе, но и о тех женщинах, с которыми прошло моё детство, – это мои мама, бабушка и учительница. Их судьбы во многом схожи. Благодаря своей стойкости и благородству они смогли выстоять в жизни. Жизнь страны после всяческих потрясений проверяется через прочность женских сердец. Устоят – значит, стране быть.

А теперь о том, что я слышала от бабушки о её матери, твоей прапрабабушке. Это предание нашей семьи, и мне хочется, чтобы ты знал его. Это любопытная история. Она складывалась из разговоров бабушки с мамой, из отдельных реплик. Мать бабушки, Мария, была из бедной семьи. Её семья и семья жениха, Никиты Бабкина, были переселенцами с Дона, донские казаки. Мария была, по словам бабушки, красоты несказанной. Стройная, с большущей косой, с громадными – в пол-лица! – глазами. В неё и влюбился Никита. Он был из богатых. Мария была к нему равнодушна. Её выдали замуж насильно. В первую брачную ночь муж взял её силой. От нервного потрясения Мария ослепла. Поговаривали, что это проделки соперниц. Наговоры, колдовство. Никита был красавцем, богачом, и многие девушки мечтали иметь такого мужа. Мать ослепшей дочери долго горевала. Искала знахарей, чтобы помочь ей. Наконец нашла деда-колдуна, скорее, знахаря. Дождалась, когда молодой муж уехал по делам. Марию увезли на безлюдный остров Волги. Её никто не должен был видеть, ни одна живая душа. Она не должна была носить тяжести, не иметь дело с водой, с огнём. Оставили ей отвары разных трав, еды на много дней и уплыли. Марии оставалось слушать пение птиц, плеск волн и не забывать пить отвары. Сколько прошло времени, не знаю, но, по рассказам бабушки, Мария стала видеть, смутно. Зрение возвращалось к ней. Но вот приезжает муж Марии и не находит её дома. Начинаются поиски. Но никто не знает, где она. Все молчат. Никита в бешенстве. И всё же находится добрая душа и рассказывает ему, где его Мария. Ночью он переправляется к ней... После этого Мария окончательно ослепла.

Недолго продолжалась семейная жизнь. Никита всё чаще пропадает в имении Столыпиных. Надо сказать, что Мария прекрасно ориентировалась в пространстве, узнавала людей по особому чутью. Глядя на неё, никто бы не подумал, что она не видит. Но вот волею судьбы в один из прекрасных дней Мария уходит с девушками то ли за ягодами, то ли за грибами. А когда возвратилась домой, то перед ней неожиданно появился на белом коне (помню бабушкину интонацию, когда она об этом говорила) молодой барин Пётр Столыпин. Все девушки попадали на колени, а наша красавица стоит, не понимая ситуации. А молодой барин соскочил с коня, подошёл к ней и спрашивает её, кто она, чья, мол, будет? Она отвечает ему, что она

жена Никиты Бабкина. Пётр удивляется: в усадьбе готовилась свадьба Никиты. Скрыл от Стольпиных, что был уже женат. Пётр, по рассказу бабушки, привёз Марию в усадьбу, представил своей семье, преклонив перед нею колено, сказал всем: «Посмотрите на неё! Это же настоящая русская красавица!»

Не знаю, состоялась ли свадьба или нет, только Марии был построен дом, в котором она жила и вела хозяйство.

Случилось так, что ты носишь имя Никита, но это не имеет никакого отношения к твоему далёкому предку, – это твоё имя, которое почему-то очень нравится мне и твоей маме.

Осуждать прапрадеда твоего не смею. Да и ни к чему. У каждого своя судьба. Кто его знает, может, Никита так любил Марию, что в глазах темнело, и, глядя на неё, он терял рассудок. Тем более она не могла ответить на его чувство. Кто знает? Может, и сбежал от Марии и женился на другой, чтобы заглушить в себе невыносимую страсть. Получилось ли у него? Тоже вопрос... Страсть – жуткая штука, наверное, когда теряется сознание и выползает на свет древний хаос. Человек становится художником этого чувства. К любви это не имеет никакого отношения. Может, Мария чувствовала это и не смогла смириться с тем, что её не любят.

Не знаю, когда, но уйду и я, как все дорогие для меня люди, близкие и любимые. Но я не боюсь этого, потому что я всегда буду с вами, с мамой и с тобой. Из далёкого прошлого-будущего буду помогать вам, буду с вами во всякие дни – мрачные и светлые, радоваться вашим успехам, оберегать от дурного.

Валерий
АРШАНСКИЙ

ЦЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА – САМООТДАЧА

(Заметки с XVI съезда Союза писателей России)

*Ночью было за двадцать,
А к полудню сугробы осели.
Я люблю этот месяц –
Полузимний и полубесенный.*

Так признавалась в своих чувствах к февралю прекрасный поэт, фронтовичка Юлия Друнина. Вот в такой «полузимний» день 10 февраля, отмеченный в календаре как День памяти Александра Сергеевича Пушкина, в Москве, на Большой Никитской, 13, широко распахнулись двери Центрального Дома литераторов, радушно принимая делегатов и гостей (которых, к слову, оказалось в два раза больше, чем посланцев с мандатами) XVI съезда Союза писателей России.

Какие великие люди входили в эти массивные двери! Шолохов, Леонов, Фадеев, Платонов, Федин, Эренбург, Михалков... Дрожь по телу. И думалось: неужели это я, мальчишка с пролетарской окраины провинциального городка, хорошо познавший, что такое послевоенный голод и холод, бедность и нищета, вырос, выучился, преодолел, сумел и стою теперь здесь...

183 делегата из 80 регионов страны были избраны на форум, который проходит один раз в пять лет. Прибыло 155 человек, скажем сразу, на финальной стадии съезда единодушно проголосовавших за избрание на повторный срок Председателя Прав-

-
- Валерий Семёнович Аршанский родился в 1945 году в Магнитогорске Челябинской области. После школы-семилетки окончил строительный техникум, три года служил в армии, работал на строительстве магистральных газо- и нефтепроводов по всему бывшему СССР. Без отрыва от производства закончил журналистский факультет Воронежского государственного университета, работал корреспондентом, главным редактором в городских и областных газетах, возглавлял первые издательские дома в Мичуринске и в Тамбове. Член союзов писателей и журналистов РФ, автор 19 книг художественной и документальной прозы, лауреат премии Союза журналистов РФ и ряда престижных литературных премий. Публиковался в «Роман-газете», журналах «Великоросс», «Наша молодёжь» (Москва), «Волга–XXI век», «Подъём», «Страстной бульвар, 10», «Александръ» и др. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Тамбовской области. Живёт в Мичуринске.

ления СП Николая Фёдоровича Иванова и принятии обновлённого в особо значимых пунктах, тщательно выверенного юристами – профессионалами и опытными экспертами – Устава Союза писателей. Коль уж речь зашла об аналитике, позвольте ещё несколько цифр, с которых, собственно, Николай Иванов и начал отчётный доклад.

По отношению к предыдущему пятилетию в писательской армии страны, насчитывающей около восьми тысяч «штыков», заметно прибавилось число женщин: 38 процентов против прежних 32-х. Увеличилось количество писателей, живущих в центре (68 процентов против 61 в 2018 году), и снизилось их региональное представительство: соответственно 32 процента и 39. Меньше стало прозаиков (в процентах было 42, осталось 37), зато возрос «удельный вес» поэтов и публицистов. Возрастной состав практически не изменился: в основном это люди, которым далеко «за», но... пощадим статистику. В то же время отрадное явление: существенно возрос приток свежих, молодых сил. Цифры не сенсационные, но обнадеживающие.

***

С добрыми словами приветствия к участникам съезда обратились президент Российского книжного союза Сергей Степаши, начальник Департамента Управления Президента РФ по общественным проектам Николай Синцов, тёплые поздравления прислали Первый заместитель руководителя Администрации Президента РФ Сергей Кириенко и министр иностранных дел Сергей Лавров. В каждом адресе с удовлетворением подчёркивалось, что писатели России никогда не были оторваны от жизни страны, её радостей и болей. Лишним подтверждением тому стало вручение медалей Министерства обороны известным прозаикам Сергею Котьяло и Сергею Бережному за их участие на Донбассе в рискованных событиях, «на передке». А писатели Захар Прилепин и Алексей Шорохов вызвались идти добровольцами на фронт, участвовать в Специальной военной операции на Украине, в ДНР и ЛНР.

Издательство «Вече» – об этом рассказал его главный редактор Сергей Дмитриев – выпустило несколько «горячих» поэтических сборников, названия которых говорят сами за себя: «Порохом пропахшие слова», «Стихи из огня», «Честь имею, Россия!», «ПоЗывной – Победа!», и даже антологию современной патриотической поэзии. Свою лепту в общее дело вносят практически все литературно-художественные и исторические журналы. В помощь братьям по литературному цеху выезжали многие члены правления вместе с председателем в города и районы Донбасской, Луганской народных республик, Запорожскую и Херсонскую области, передали тысячи книг российских авторов для библиотек, тысячи учебников для школ. И такие контакты в дальнейшем будут только продолжаться и крепнуть. А о том, как нашим донецким товарищам нелегко, поведал руководитель Донецкой региональной организации писатель Фёдор Березин: 15 человек входят в её состав, а собраться вместе, обсудить насущные дела не представляется возможным: может угодить снаряд с вражеской стороны. Тем не менее шахтёрский литературный «забой» служит Слову, борется, выступает перед бойцами и населением, сплачивается, издаётся с помощью России, живёт!

***

– За отчётный период, – сообщил докладчик, – было рассмотрено 527 дел по приёму в члены Союза писателей. 425 соискателей получили положительные отзывы Приёмной комиссии и приняты в Союз, 102 заявления

отклонено. Пожелание на будущее – подходить в регионах к творческому активу доброжелательно, но без снисхождения, требовательно, руководствуясь критериями даровитости кандидата и характеристикой его личностных качеств. Ещё из области предстоящих задач – расширение выхода в свет произведений представителей малых народностей, подготовка и привлечение к работе профессиональных литературных критиков и мастеров художественного перевода. Хороший пример в работе для всех региональных писательских организаций – опыт Ярославской, признанной лучшей по итогам обширной деятельности.

18 делегатов выступили на съезде. Призыв председательствующего – поменьше общих, всем известных суждений, рассуждений и самоотчётов – был услышан, только, к сожалению, не всеми принят к действию. По-человечески понятно: кто откажет себе в удовольствии похвалиться успехами, пусть и на территориальном уровне? Но трибуна федерального масштаба, наверное, требовала чего-то посущественнее. Чего именно? Оценок текущего литературного процесса, пристального анализа писательского жития-бытия, отношения государственных структур к профессиональным писателям, их нуждам и заботам, опыт работы с одарённой молодёжью. Литература вечна как сама жизнь, она не знает финишной ленточки, и потому всё, что происходит в стране и в мире, должно становиться предметом зоркого писательского взгляда. Весьма симптоматичными в этом отношении были выступления широко известных прозаиков и публицистов: Александра Андреевича Проханова – главного редактора газеты «Завтра», и председателя национальной Ассоциации драматургов, многолетнего главного редактора «Литературной газеты» Юрия Михайловича Полякова. На них остановимся подробнее.

Поддерживая и продолжая мысль о том, что Россия – страна Слова и со «Слова о полку Игореве» во многом зачиналась отечественная «словолитня», Александр Проханов предложил задуматься над образом будущего любимой нашей России. Литература периода СССР знала два течения: городскую прозу, представленную замечательным правофланговым Юрием Трифоновым, и прозу деревенскую, осянную именами Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Фёдора Абрамова, Василия Белова. С распадом Союза исчезли и оба эти течения. А каковы теперь модели и направления литературной реки от истоков до устья?

Появилась новая неожиданная проблематика, и появились новые герои современности. Следовательно, образовался необозримый простор для творчества молодых художников, способных быстрее других улавливать сейсмичность проблем, острее воспринимающих действительность. Только не надо без надобности засорять великий и могучий русский язык жаргонными словечками, сленгом, англицизмами, склоняться к гуттаперчевой, целлулоидной журналистике с её поверхностным взглядом на реалии, а глубоко думать, осмысливать события, без страха и упрёка обнажать изъяны в государственной машине, не лакировать и не приукрашивать действительность. Нам пример и порука – героизм и отвага великих русских писателей – офицеров, участников боевых действий – Михаила Юрьевича Лермонтова и Льва Николаевича Толстого, не понаслышке знавших, что такое война. Отечественная словесность подарила нам образы Рахметова, Печорина, Базарова. А сколько замечательных имён открыли нам в годы Великой Отечественной войны писатели-фронтовики! Яркое одушевление современников XXI века – непреходящая задача для всего писательского сообщества.

***

Позволю себе вслед за Александром Прохановым продолжить славный ряд представителей городской прозы, добавив имена Даниила Гранина, Владимира Маканина, Андрея Битова, Юрия Нагибина, Юрия Казакова, Виктории Токаревой, Ильи Штемлера, а к «деревенщикам» – Владимира Солоухина, Василия Шукшина, Бориса Екимова, Владимира Крупина (к счастью, делегата съезда, жаль, выступившего лишь с краткой репликой). А насчёт молодых художников – вот уж действительно проблема проблем.

Председатель Совета молодых литераторов Андрей Тимофеев не скрывал: несмотря на то, что его ровесниками за последнее время издано 12 книг, обративших на себя внимание, молодым людям постоянно нужны мудрые редакторы-наставники, опытные учителя, готовые служить не за страх, а за совесть своим ученикам, радуясь их успехам и огорчаясь их неудачам... Где они, такие дядьки Черноморы? Отзовитесь! Нельзя допустить, чтобы племя молодое с пылающими в азарте глазами оказалось невостребованным, никому не нужным, от которого все отмахиваются, как от доуки. Хотелось бы заметить, что положение отнюдь не безвыходное и тем паче не катастрофическое: в целом ряде географически близких мне журналов, в коллективных сборниках молодёжь представлена довольно широко и интересно. Только чтобы процесс не прерывался, напротив, развивался и ширился, больше полномочий нужно дать секции, совету, комиссии (дело не в названии), действующим при правлении Союза писателей, для привлечения новых творческих сил, проведения с ними обучающих семинаров и, наконец, изыскания возможностей для выхода в свет произведений талантливого «подроста». Да будет благоуханно и благословенно слово молодых!

И – о выступлении Юрия Полякова. Сказать о том, что драматургия есть авангард любой литературы, равносильно повтору известной аксиомы: Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овёс. Говорить о том, что у нас на отечественной сцене в ходу пьесы давно почивших в бозе классиков со всеми атрибутами далёкой эпохи, – значит вызвать опять же сетование по очевидному. Вопрос в ином: что делать?

Юрий Михайлович сообщил: добротные, острые, интересные пьесы различными драматургами России созданы, выбрано из них беспристрастным жюри 10 наилучших, авторы получили не только почётные дипломы, а и по одному миллиону рублей на постановку своих творений. Но театры эти пьесы не берут. По мнению Юрия Полякова, виной тому разлад в обществе, когда происходило не сплочение, а разъединение сил. И чутко рефлексирующие на всё происходящее театры предпочитают беспроигрышный вариант: ставить проверенную временем классику, русскую и зарубежную, за которую никто ругать и укорять не будет.

«Напишите нам в Ассоциацию, – обратился к делегатам Юрий Михайлович, – какие пьесы идут у вас в городских и областных театрах, мы всё обобщим, подготовим аналитическую записку и отправим на имя Президента. Театры страны получают солидную финансовую поддержку из государственного бюджета, и властным структурам не должно быть всё равно, на что тратятся эти деньги, помогают ли зрелищные учреждения воспитанию патриотизма, высокого общественного сознания, гражданского долга».

Корпоративная писательская этика да и аргументация такого мастера своего дела, как уважаемый Юрий Поляков, требуют признать безоговорочной его правоту. Но, простите меня тысячу раз, в данном случае я –

на стороне театров. Поверить не могу, чтобы именитые столичные режиссёры отвергли по-настоящему талантливую пьесу, не ухватились бы за её постановку, хотя бы из конкурентных побуждений («...И, чтоб между прочим, был фитиль всем прочим...»), не говоря уже о ярком содержании, когда есть что играть. Неужели я окажусь не прав?

***

Конечно, писательский съезд сумел добиться главного: подзарядить творческие батарейки и аккумуляторы каждому присутствующему. Все поняли, что предосудительно замыкаться в собственном мирке, не вслушиваясь в гулкий пульс Отечества. Как это у Евтушенко, в его поэме «Зима» (цитирую по памяти): «Наш долг – не прятаться во фразы, как будто в иглы дикобраза, и что-то там кропать в тиши, а в ночь лететь, как эти «МАЗы», на социальные заказы, приказы собственной души...»

Все участники съезда согласились, что проблем на интеллектуальном фронте много: мы давно уже не самая читающая страна в мире, у нас непомерное бремя – НДС на продаваемые книги, и съезд принял решение обратиться в Правительство с просьбой положительно решить этот вопрос, что позволит сделать книгу более доступной массам. Нет ещё желаемой смычки между писателями, библиотеками, книжными магазинами в деле пропаганды и распространения качественной литературы. Жизненно необходимы государственные дотации писательским организациям, потому что мастера слова – такие же державники, государственники, отстаивающие интересы Родины, а значит, нуждающиеся в поддержке, дружеском расположении, внимательном участии власти в решении проблем.

За пять «ивановских» лет Николаю Фёдоровичу Иванову, его команде удалось стереть пыль с полированных столов, в смысле, очиститься от людей случайных, тем более – вносящих смуту, раздрай, разлад в деятельность региональных писательских организаций. Но почему же тогда такие деятели культуры, как писатели, в «табели о рангах» проходят не по ведомству родного ему Министерства культуры, а у «отчима» – Министерства цифрового развития? Мы что, IT-шники, связисты, специалисты по коммуникациям? Нет, нет и нет. Соединяя воедино идеалы нравственности и эстетики, идентифицируя себя со своим народом, литература, писатели служат делу гуманитарного просвещения, одухотворённому искусству, но не механике, не цифре, как бы впечатляюще они ни выглядели.

***

Мы начали разговор о писательском съезде с поклонения Дню памяти Александра Сергеевича Пушкина. По звёздному совпадению, этот же день – 10 февраля – был днём рождения замечательного русского, советского поэта, лауреата Нобелевской премии с очень трудной, можно сказать, трагической судьбой – Бориса Леонидовича Пастернака. И это его вещие слова, его выстраданный наказ потомкам:

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех...*

***

Мои заметки о писательском съезде – не стенографический отчёт с дотошным упоминанием всех действующих лиц и дословным цитированием слов каждого. Задача поставлена куда как скромнее: по горячим следам поделиться с аудиторией своими наблюдениями, своими мыслями на основе всего увиденного, услышанного, наболевшего. Буду рад, если мои оценки хотя бы в основном совпадут с мнением других участников писательского форума, хотя не зря же сказано: сколько голов – столько умов. А мне нравится одна мудрая цыганская присказка, которой и хотел бы закончить свой «обзорный ряд»: «Як рэйдела, то рэйдела, абы добре мэйнела!» Перевести? «Как сказал, так сказал, лишь бы правильно поняли!»

**Наталья
КИРЕЕВА**

МНОЖЕСТВО ИПОСТАСЕЙ ОДНОЙ ЛИЧНОСТИ

К 80-летию А. И. Демченко

В январе 2023 года исполнилось 80 лет одному из самых известных искусствоведов России Александру Ивановичу Демченко. Поскольку речь идёт о большом юбилее, имеет смысл для начала привести краткое портфолио.

А. И. Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова, Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского и Тамбовского музыкально-педагогического института имени С. В. Рахманинова. Главный научный сотрудник и руководитель организованного им Международного Центра комплексных художественных исследований, председатель Фонда композитора Елены Гохман, действительный член (академик) Российской и Европейской академий естествознания, действительный член (академик) Академии общественных и фундаментальных наук имени М. В. Ломоносова (председатель отделения «История и теория искусства»), заслуженный деятель искусств России, заслуженный деятель науки и образования, имеет почётное звание «Основатель научной школы», сертификат «Золотая кафедра России». Будучи основателем докторского диссертационного совета при Саратовской консерватории, в качестве председателя обеспечивал его в высшей степени плодотворную работу с 2005 по 2017 год, а также позаботился о преемниках своего детища, что позволило диссертационному совету благополучно продолжить свою работу.

Главный редактор научных журналов «Манускрипт» и «ИКОНИ» (из числа рецензируемых ВАК), инициатор создания и член редакционной коллегии общероссийского журнала «Проблемы музыкальной науки», член редакционной коллегии ряда других отечественных и зарубежных журналов.

Среди других регалий – Знак Министерства культуры РФ «За достижения в культуре» (2001), Золотая медаль имени

● Наталья Юрьевна Киреева – кандидат искусствоведения, доцент Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова».

В. И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки (2009), лауреат премии имени Д. Д. Шостаковича (2010), лауреат премии для научно-педагогических работников высшего образования «Высота» (2020), медаль П. А. Столыпина (2012), Золотая медаль «За новаторскую работу в области высшего образования» (2013), Почётная грамота Саратовской городской думы (2015), Почётный гражданин города Саратова (2016), Почётный гражданин Саратовской области (2022), Почётный деятель Союза композиторов России (2022). В 2017 году ему присуждена Международная премия имени Николая Рериха, которой отмечают особые заслуги в сфере служения культуре и общественному благу. В 2018 году удостоен Почётного знака Губернатора Саратовской области. Лауреат Всесоюзного конкурса на лучшую музыковедческую работу (1974), лауреат Всероссийского конкурса на лучшее учебно-методическое пособие (2009), лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2009 года (2010), 2018 года (2019) и 2019 года (2020), лауреат I премии конкурса «Лучшая книга 2017 года» (2018).

Автор свыше 1600 научных публикаций (более 200 из них – в рецензируемых отечественных и зарубежных базах данных) и около 300 книжных изданий, в том числе опубликованных в московских издательствах «Наука», «Высшая школа», «КноРус», «Юрайт», «Русайнс», «Музыка», «Композитор», а также за рубежом – в данном отношении он является безусловным лидером современного отечественного искусствознания. Для него характерна масштабность изысканий с охватом практически всех эпох и национальных школ.

Последние три десятилетия самым активным образом разрабатывает новое научное направление – всеобщее искусствознание, которое базируется на комплексном изучении всех видов художественного творчества. Соответствующая методология апробирована в капитальной монографии «Мировая художественная культура как системное целое» (2010), а затем в книгах «Мировой художественный процесс. Эволюция и закономерности» (2019), «Мировая художественная культура» (2020) и «Смысловые концерты всемирного художественного наследия» (2021). В настоящее время помимо большой серии книг и статей всевозможной тематики осуществляет три фундаментальных проекта: «Вселенная слова, цвета, звука» в 12 томах, «Художественная энциклопедия» в 3 томах и «Художественная сокровищница Поволжья».

Под его руководством созданный им Международный Центр комплексных художественных исследований вырос в многоотраслевую структуру, объединяющую усилия более 500 учёных многих городов России и 24 зарубежных стран. За последние годы проведено 10 Международных научных форумов «Диалог искусств и арт-парадигм» («SCIENCEFORUM PAN-ART»), и по их материалам издано свыше 50 томов одноимённого альманаха. Подготовил 65 кандидатов и докторов наук, успешно защитивших диссертации. Принимал участие более чем в 400 международных, всероссийских и региональных научных конференциях (в том числе в качестве руководителя). Периодически выступает в качестве научного редактора и редактора-составителя ряда изданий (свыше 70). Его творческой деятельности посвящено около 250 публикаций.

Член Союза композиторов и Союза журналистов РФ, член Музыковедческой комиссии Союза композиторов России. В его активе около 500 выступлений по радио и телевидению. Является организатором множества различных художественных акций, в том числе трёх музыкальных фестивалей. Широкий резонанс имеет его просветительская деятельность – масштабные

циклы лекций по различным направлениям мировой художественной культуры проведены им в целом ряде городов страны.

Автор либретто нескольких опер и балетов, режиссёр-постановщик двух телеопер. Автор сочинений в различных музыкальных жанрах, стихов, рассказов, двух романов, а также ряда графических и живописных работ.

А. И. Демченко признан одним из ведущих искусствоведов страны, за многие годы исследовательской работы ему удалось осмыслить огромные пласты художественной культуры практически всех стран и народов. Спектр его научных интересов поистине необъятен, как необъятен и массив артефактов, находящихся в сфере его внимания. Помимо обширнейшего круга работ по музыкальному искусству различных эпох и национальных школ (монографии о классиках мировой музыки от Монтеверди до Бриттена и от Глинки до Шнитке), а также фундаментальных исследований типа «Картина мира в музыкальном искусстве России начала XX века» и «Иллюзии и аллюзии. Мифопоэтика музыки о Революции», его основные усилия трёх последних десятилетий направлены на освоение мировой художественной культуры, рассматриваемой в максимальном объёме и с восхождением от региональной специфики и локальных особенностей к выявлению общих, магистральных тенденций в развитии мирового художественного процесса, взятого в его интернациональном охвате.

Параллельно этому А. И. Демченко опубликовал множество книг, посвящённых отдельным эпохам, стилям и направлениям искусства – прежде всего в его классической составляющей (в диапазоне от издания «Немеркнущие идеалы Античности» до монографии «Серебряный век русской художественной культуры») и с выходами в сложную проблематику современности (показательны книги «Коллаж и полистилистика», «Конструктивизм», «Космогония авангарда»). В настоящее время он готовит к публикации двенадцатитомное исследование «Вселенная слова, цвета, звука (История мировой художественной культуры)», в котором все виды искусства рассматриваются в их эволюции от истоков до наших дней, и трёхтомную «Художественную энциклопедию (Литература. Изобразительное искусство. Архитектура. Музыка. Театр и Кино)». Всем этим закладывается базис нового научного направления – всеобщее искусствознание, обращённое к изучению мирового художественного процесса в исчерпывающей полноте, с рассмотрением всех видов искусства.

Столь грандиозные проекты не имеют аналогов в практике мирового искусствознания, что позволяет говорить о мощном прорыве в искусствоведческой науке. Трудно представить себе в современной науке о художественном творчестве что-либо столь же колоссальное и уникальное как по замыслу, так и по его реализации. Точно так же нелегко представить себе, как один человек может ставить перед собой творческие задачи, которые под силу только большому коллективу исследователей различного профиля, но огромное количество публикаций А. И. Демченко доказывает, что это является реальностью.

Во всём массиве информации исследователь выбирает самые существенные моменты, которые подвергаются обобщению и систематизации. Это касается как самих произведений искусства, так и их авторов. В концентрированном виде и сжатой форме эти знания подаются как в искусствоведческих трудах, так и в учебных пособиях, что делает их доступными для большого круга профессионалов, студенческой молодёжи и любителей искусства. Всё вышесказанное позволяет представить А. И. Демченко как учёного-энциклопедиста.

Важное место в деятельности А. И. Демченко занимает исследование региональных культур и, прежде всего, художественной культуры Поволжья, где, естественно, приоритет отдаётся Саратовскому краю. Как учёный и просветитель он изучил, систематизировал и обобщил всё то культурное наследие, которым располагает наш регион от времени его зарождения до нынешних дней. Определённые итоги этому подведены в двух книгах, вышедших в 2015 году («Золотой фонд столицы Поволжья» и «Вехи. События. Лица»), а также в вышедшей за рубежом монографии «Об одной из русских земель», и увенчаны двумя изданиями капитального труда – «Художественная культура Саратовского края» (2021, 2022). Пафос подобных исследований состоит в том, чтобы вовлечь в орбиту безусловного достояния культуры широкий круг высокохудожественных артефактов, созданных в российской провинции.

А. И. Демченко относится к типу исследователей, стремящихся дать комплексное представление о реалиях искусства – исследователей, тяготеющих к просветительскому направлению деятельности в целом. Это видно не только по названиям работ учёного, но и по его фактической занятости: профессор Саратовской государственной консерватории, Саратовского государственного университета, Тамбовского государственного музыкально-педагогического института, а совсем недавно и ещё двух вузов – Саратовского государственного социально-экономического университета и Оренбургского государственного института искусств.

Характеризуя творческое наследие А. И. Демченко, И. В. Николаева отмечает следующее: «...Интенсивность научных поисков, всеобъемлющая широта научных интересов, масштабность замыслов, оригинальность тематики исследований и её глубинная переработка, тяготение к обобщающему охвату больших исторических периодов в развитии искусства, самобытность манеры изложения» [10, с. 132]. Именно такими чертами обладает уникальное наследие А. И. Демченко.

Так же, как Б. В. Асафьев вошёл в историю благодаря созданию теории интонации, определяя музыку как «искусство интонируемого смысла», так и А. И. Демченко во многом известен как автор аналитического концепционного метода, суть которого заключается в том, что исследование художественного материала должно отталкиваться прежде всего от его концепционной основы. Именно концепция как идейно-содержательный субстрат, к выражению которого в конечном счёте (осознанно или интуитивно) стремится художник, является высшим объединяющим фактором, сводящим в смысловую целостность все и вся в той или иной композиции.

По мнению Александра Ивановича, при подобном подходе удаётся нацелить анализ на ту сверхзадачу, которая определяет суть рассматриваемого произведения, и одновременно способствовать преодолению трёх взаимосвязанных дефектов, довольно широко бытующих в практике искусствоведческого анализа: констатационность – описательность – технологизм, то есть «самодовлеющая информативность, фиксация фактов без их смыслового комментирования, рассмотрение разного рода явлений вне их содержательной направленности» [5, с. 4]. Суть же концепционного анализа состоит в том, что во главу угла ставится выявление образно-смыслового содержания, и все компоненты аргументации (от общеисторических сведений до технологических выкладок) подчиняются раскрытию соответствующих аспектов. Сам Александр Иванович придерживается в своих исследованиях представленного метода, и максимальный акцент делается им на семантико-концептуальных сторонах произведений искусства.

Идею многоуровневой концепции автор проецирует и на свою исследовательскую деятельность в целом, убеждая в необходимости интегрирующего осмысления предшествующего творческого опыта, что выражается в необходимости использования комплексного подхода к рассматриваемому материалу. Утверждаемое им всеобщее искусствознание отнюдь не отменяет анализа региональной специфики и локальных особенностей того или иного явления, но, наоборот, призывает соотносить выявленную специфику с проявлением общего, магистрального в развитии художественной культуры, взятой в её интернациональном срезе, что благоприятствует созданию целостной художественной картины мира, формированию нового типа всеобъемлющего сознания, предпосылкой для целостного восприятия и понимания всего происходившего и происходящего на нашей планете.

Универсальный взгляд на искусствоведение проецируется и на систему художественного образования, которое в условиях современного реформирования осуществляется с применением интертекстуального подхода. Автор отмечает, что инструментальные методы, призванные улучшить качество российского образования, нередко понимаются и истолковываются поверхностно, а следовательно, и применяются весьма формально. Использование новых подходов призвано помочь преодолеть информационную разобщённость между художественными и общегуманитарными дисциплинами, которые ведутся вне связи между собой.

Для того чтобы преодолеть эту разобщённость, автор предлагает использовать принцип историзма, который позволит провести «освоение всего цикла в параллельном, синхронном развёртывании материала – от истоков к современности, в движении от эпохи к эпохе. Это позволит студенту получить законченное, комплексное представление о целостном и последовательном развитии музыкально-исторического процесса в его связях с процессами общехудожественными и общеисторическими» [6, с. 137]. Несинхронное же обучение гуманитарных и общемузыкальных предметов приводит к тому, что нередко у выпускников отсутствует необходимая ориентация не только в хронологической соотнесённости между общественно-историческими и художественными явлениями, но и между параллельными процессами в зарубежной и отечественной культуре.

Именно такими – энциклопедически всеобъемлющими, насыщенными параллелями между музыкой и литературой, музыкой и живописью – будут вспоминаться лекции по истории музыки, которые читает в стенах Саратовской консерватории профессор Александр Иванович Демченко. Именно такой концептуально-контекстуальный подход был положен в основу проводимых им для самой широкой аудитории лекций в Саратовской областной научной универсальной библиотеке, где слушателям раскрывалась всеобъемлющая картина художественной жизни разных народов и разных эпох. Это многообразие от лекции к лекции складывалось в грандиозную картину не только бытия искусства, но и встававшего за ним бытия человечества в его эволюции от простейших форм первоначального существования к нынешним способам художественного выражения в авангардных системах XX столетия.

Исследователи отмечают, что А. И. Демченко убедительно совмещает общее и частное при сопоставлении различных видов искусств – музыки и литературы, архитектуры и живописи, театра и кино, так как одной из главных объединяющих доминант является единство времени, к которому всё это принадлежит. Вместе с лекциями и текстами учёного, представляющими мировую художественную культуру как системное целое, реципиент

усваивает и «стратегии аксиологического подхода к искусству», что особенно важно и действенно в переходные исторические периоды.

Наряду с тем, что А. И. Демченко выявляет и показывает наиболее существенные, показательные моменты развития культуры, он также и обращает внимание на интересные детали начала этих магистральных линий, которые можно обнаружить в творчестве художников, предчувствовавших начало коренных перемен. Именно это даёт возможность осознать непрерывность, взаимопроникновение и естественность процессов смены эпох, по-новому осмыслить ценность тех или иных художественных явлений.

Исследовательский стиль изложения А. И. Демченко вряд ли можно назвать классическим научным стилем в привычном смысле слова. Скорее это гармоничный сплав науки и литературного слова. И это ещё при обсуждении его докторской диссертации подметил российский музыковед и музыкально-общественный деятель, профессор Московской консерватории В. В. Задержайкин: «Вы понимаете, это не просто традиционное наше музыковедение. Александр Иванович – прирождённый музыкальный писатель», – говорил он [3, с. 83–84].

Стиль преподнесения материала обладает особым магическим обаянием. Все тексты А. И. Демченко пронизаны пафосом глубинного осмысления – будь то исследование композиторских опусов или рассмотрение исполнительских интерпретаций. На первый план у него всегда выходит критерий поиска всеобщего и даже надчеловеческого содержания, заложенного в искусстве.

И ещё можно говорить об особой гуманистической ноте, характерной для научных текстов А. И. Демченко. Его аналитические работы наполнены бережным и уважительным отношением к автору произведения или к создателю интерпретации, а также к будущему читателю. Можно согласиться с мнением Н. С. Серовой, высказанным в рецензии на книгу «Мировая художественная культура как системное целое», о том, что «в манере развёртывания своих положений автор ориентируется на читателя, заботится о нём... Стиль книги приглашает к общению, она написана так, что хочется принять участие в обсуждении затронутых тем» [11, с. 539].

Как отмечал и сам А. И. Демченко, любая степень талантливости и высокое общественное положение не дают право человеку становиться крайне категоричным. Он может быть строгим, но должен всегда оставаться справедливым и доброжелательным. Именно такие требования предъявляет герой данных заметок прежде всего к себе, именно такое отношение он приветствует и в окружающих его людях.

Бережно относясь к огромному своду всевозможных явлений художественной культуры, в том числе произрастающих в нашем регионе, столь же бережно Александр Иванович относится и к своим подопечным. Он даёт им право на полное самоопределение. Профессор ценит в молодом поколении интерес к творческому поиску и никогда не остаётся равнодушным, если к нему приходят люди, заинтересованные в том, что они делают. Такой подход вкупе со взыскательным отношением других педагогов даёт возможность осознать всю профессиональную ответственность, которая ложится на плечи молодого специалиста, он позволяет также сориентироваться подрастающему поколению в формировании своих научных принципов. Ведь только сбалансированное соотношение педагогической строгости и творческой свободы может давать по-настоящему плодотворные результаты.

При всей интенсивности научных занятий А. И. Демченко отличают высокая активность и разносторонность просветительской деятельности, имеющей самый широкий резонанс. Его «послужной список» художественно-

го критика насчитывает около тысячи статей и рецензий в местной и центральной прессе и полутысячи выступлений по радио и телевидению (в том числе по Всесоюзному и Российскому). В качестве лектора он провёл более семисот встреч с самой различной аудиторией. Помимо Саратова и городов Саратовской области неоднократно выезжал с выступлениями в другие регионы страны: Москва, Петербург, Смоленск, Орёл, Воронеж, Тамбов, Ростов-на-Дону, Нальчик, Нижний Новгород, Казань, Чебоксары, Самара, Волгоград, Астрахань, Оренбург и т.д.

О диапазоне его деятельности говорят такие проведённые им серии лекций, как «Энциклопедия искусств (Художественные стили, школы и направления)», «Классики отечественной музыки», «Классики зарубежной музыки», «Выдающиеся музыканты-исполнители», «Ave Verum (Евангельские образы и сюжеты в европейской художественной культуре)», «Наш кинозал (Классика и авангард мирового кинематографа)», «Художественная сокровищница Поволжья» и особенно – художественно-познавательный цикл «Панорама столетий (История мировой художественной культуры от истоков до наших дней)».

Целый ряд лекций, посвящённых отдельно взятым выдающимся художникам, архитекторам, писателям, деятелям музыкального искусства, театра и кино (например, в живописи от Джотто и Боттичелли через Рериха и Пикассо до Ильи Глазунова и Константина Васильева), позднее находил отражение в соответствующих изданиях (одно из наиболее примечательных – «Два солнца мировой литературы. Гёте и Пушкин»). Кроме того, А. И. Демченко является организатором множества различных художественных акций, в том числе трёх музыкальных фестивалей, либреттистом нескольких опер и балетов, режиссёром-постановщиком двух телеопер, автором сочинений в различных музыкальных жанрах, стихов, рассказов, двух романов, а также ряда графических и живописных работ.

Чрезвычайно большое внимание Александр Иванович как руководитель уделяет созданному им Международному Центру комплексных художественных исследований при Саратовской консерватории. Среди разных научных и просветительских мероприятий особенно выделяется серия Международных научных форумов «Диалог искусств и арт-парадигм». Участниками форумов становятся представители самых разных гуманитарных наук из различных городов России и зарубежья. Тематический диапазон публикуемых текстов форума исключительно широк и включает проблемы музыкального и изобразительного искусства, литературного творчества, архитектуры, театра, кино, фольклора и других областей искусства с привлечением междисциплинарных подходов научного знания. Не ограничена тематика и временными рамками. Вопросы, обсуждаемые на форумах, могут быть посвящены художественной культуре во всём её диапазоне – от Древнего мира до наших дней.

За всем сказанным стоит стремление А. И. Демченко к активной популяризации всего жизнеспособного и драгоценного в гигантских накоплениях мирового художественного наследия с пестованием безусловной уважительности и толерантности в отношении к различным национальным культурам. Он всемерно озабочен вопросами поддержания в слушательской и зрительской среде серьёзнейшего интереса к высоким духовным ценностям, которые несут в себе огромные творческие ресурсы, накопленные человеческой цивилизацией за всю её историю, и на протяжении полувека неустанно пропагандирует достижения отечественной и мировой художественной культуры во всех формах и направлениях. Всеохватная эрудиция автора и его способность живо, увлекательно донести до слушателей знания о художественном

мире – это неоценимый вклад в сохранение памяти о всемирном культурном наследии.

Пытаясь окинуть взглядом поистине неисчислимый свод того, что уже вошло с именем Александра Ивановича Демченко в анналы мирового искусствознания (свыше 1600 научных публикаций и около 300 книжных изданий), я не могу не отметить два коренных качества – универсализм и энциклопедизм. В самом деле, это необозримые своды исследований мировой художественной культуры, что увенчаны фундаментальным трудом «Смысловые концепты всемирного художественного наследия», опубликованным нашим центральным издательством «Наука». Это целые массивы книг по отечественной и зарубежной литературе, а также по архитектуре, изобразительному искусству и т.д., и это, конечно же, поразительные в своей всеохватности монографии, посвящённые музыке и другим видам искусств. Вкратце остановимся на четырёх из них, только что вышедших в Москве.

Одним из самых значительных трудов последнего времени стала работа под названием «Звуковые миры Иоганна Себастьяна Баха». Монография состоит из девяти разделов; в семи параграфах центральной части (Ordinario, Festoso, Energetica, Sapiens, Dramatik, Universum I, Universum II) излагаются основополагающие содержательные аспекты творчества И. С. Баха. Основная часть обрамлена вступительным (Predict) и заключительным (Postict) разделами. В книге рассматриваются особенности хоральных прелюдий для органа, духовных кантат и монументальных звуковых полотен. В своих пассионах, как отмечает автор, композитор самым широким образом использует возможности театрализации, превращая произведения в сценические оратории, в сюжетной основе которых легко подразумеваются реальные персонажи, и зримое действие.

Говоря об образно-концептуальном срезе сочинений, А. И. Демченко особо выделяет «идею пути», которая воплощается столь свойственными для Баха средствами полифонического изложения, в том числе многослойными имитационными наложениями, что представляет собой своеобразный симфонизм, обладающий тенденцией к бесконечному делению и тяготеющий к безостановочному движению. Это всё вызывает прямые ассоциации с воплощением самого жизненного потока с его внутренними стремлениями и противоречиями. При всём том путь этот воспринимается «в этике стоического должностования, а в качестве противовеса сумрачно-гнетущей юдоли существования выдвигаются позиция сурово-эпического жизнеотношения, мужественный настрой и всемерно утверждаемая мысль о величии человеческого духа, что находит для себя опору в незыблемых устоях всеобщего бытия... убеждая в том, что труды человеческие составляют важнейшую суть мироздания» [2, с. 85].

Отдельно учёный останавливается на гуманистической концепции искусства Баха, выражающейся в глубоком сочувствии страданиям человека, в осознании всего многообразия проявлений его внутренней и внешней жизни. Даже в культовых сочинениях Баха «в изобилии появляются эпизоды, казалось бы, допустимые только в опусах сугубо мирской ориентации», – подчёркивает автор [2, с. 97]. Будучи сыном своего времени, Бах органично претворял в жизнь важнейшую черту эпохи барокко – «совмещение несовместимого», используя всю палитру интонационно-стилевых возможностей и драматургических приёмов.

Таким образом, А. И. Демченко ярко и ясно очерчивает круг звуковых миров музыки И. С. Баха, для которых характерны «грандиозные художественные концепции, эпический размах, монументальность... гимнические

приношения земному миру и небесам, яркие картины празднеств... аффектированная драматическая патетика» [2, с. 5], оттеняющиеся и субъективированными, сугубо индивидуальными ощущениями, выливающимися в философский и проникновенный лиризм.

Следующим масштабным трудом стала «Appassionata. Очерки творчества Бетховена». Основной концепцией монографии, приуроченной к 250-летию со дня рождения Мастера, становится опора на ведущие идейные константы бетховенского творчества (героика, драма, эпос), дополняемые другими сущностными составляющими бытия (жизнедеятельность, лирика, отдохновения). А. И. Демченко акцентирует внимание на том, что творчество Бетховена очень насыщено и событийно. Он справедливо подчёркивает, что «композитор воссоздал в своей музыке всеобъемлющую картину мира, исключительную полноту и богатство жизнеощущения, обрисовал натуру человека, находящегося в расцвете сил и возможностей» [1, с. 4]. Бетховен стремился всем трудностям смотреть в лицо, его мало что могло утратить, и это очень хорошо чувствуется в его музыкальных творениях, наполненных высоким драматизмом, горячим воодушевлением, волевой устремлённостью, интенсивностью переживаний и преодоления. Безусловно, этому «отвечают особая объёмность и содержательная насыщенность образов, их чрезвычайная яркость, рельефность и выразительность» [1, с. 4].

Стержнем творчества Людвига ван Бетховена становится героическое начало, «благословляющее» и драму, и эпос, и даже самую проникновенную и глубокую лирику. Несмотря на то, что композитор был знаковой личностью своего времени, он не стремился к тому, чтобы быть героем для самого себя и своих сочинений; и, несмотря на то, что творчество любого художника нельзя отделить от него самого (оно всегда во многом автобиографично), герой произведений Бетховена не замкнут на самом себе, он глубоко чувствует социальные противоречия и желает прийти на помощь другим. А. И. Демченко пишет: «Героическое деяние зачастую приобретает в музыке композитора отчётливо гражданственную направленность, передавая утверждение достоинства и свободы человека, ненависть к тирании, республиканские идеалы, что определило соответствующую роль декламационно-ораторской выразительности и ассимиляцию жанров, порождённых революционными движениями того времени» [1, с. 5]. Вместе со всем этим творчество Мастера наполнено оптимизмом, верой в торжество справедливости и высшего разума.

Следующий труд также посвящён юбилюру – Сергею Васильевичу Рахманинову (к 150-летию со дня рождения). Здесь внимание сосредоточивается на основополагающих тенденциях и процессах творческой эволюции крупнейшего мастера отечественной музыки конца XIX–первой половины XX века. А. И. Демченко пишет, что волею судьбы С. В. Рахманинову довелось жить в трудный исторический период: Первая мировая война, три революции, часть Второй мировой войны.

Проведя немало времени вне России, композитор получил достаточную пищу для того, чтобы в полной мере прочувствовать и художественно осмыслить природу таких категорий, как русский путь и русская идея. А. И. Демченко проводит параллели между творческими идеями самого С. В. Рахманинова и воззрениями его современника – религиозного философа Н. А. Бердяева, у которых обнаруживаются явные параллели, сходства и подобия, выраженные только различным образом, соответственно роду деятельности каждого из них. Параллели эти сказываются прежде всего в принципе крайностей, противоположностей, которые включают в себя все оттенки жизненного бытия: элегичность в различных градациях грусти и меланхолии, носталь-

гия по несбывшемуся и несбыточному, мучительный комплекс неудовлетворённости сущим, наплывы депрессии и отчаяния, подводившие к грани трагизма, и в то же время – это светлые стороны существования, жизнелюбие, ярко выраженная жажда обновления, половодье раскрепощённых чувств, бурное воодушевление и героическая окрылённость, приобретающие поистине гимническое звучание.

Русский путь реализуется в его нескончаемых исканиях, в элегичности (как типе мировосприятия и типе жизнеотношения) и лиризме, через который передаются столь свойственные русской душе сочувственность, сострадателность, горячее биение сердца. Разумеется, искания, о которых идёт речь, неизбежно связаны с высоким духовным напряжением. Искания русского человека отличает подчёркнуто проблемный настрой, русский интеллект охвачен «мировыми проблемами», подчас сгибаясь под их непомерной тяжестью. Мотивируя выраженные в музыке Рахманинова умонастроения, автор приводит суждение Бердяева: «Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное». И, может быть, действительно «русскому народу надлежит сказать своё новое слово в конце времён» (Ф. М. Достоевский) [7, с. 118].

В завершение данного обзора обратим внимание на только что опубликованный труд, который посвящён 90-летию Родиона Щедрина. Эта монография состоит из следующих разделов: «Преамбула», «На исходных рубежах», «Бурные шестидесятые», «Балетная поэтика», «Распутье и зарубежье», «Постскриптум», завершаясь списком основных произведений Р. К. Щедрина. Здесь говорится о фортепианных концертах и концертах для других инструментов, вызвавших неподдельный интерес исполнителей и публики, о хоровых и симфонических произведениях, вошедших в постоянный репертуар многих коллективов.

Особое внимание исследователь сосредоточивает на балетах. Наряду с наиболее значимыми оперными шедеврами («Не только любовь», «Мёртвые души», «Лолита», «Очарованный странник», хоровая «Боярыня Морозова») существенные позиции в художественном наследии Щедрина составляют созданные им балеты. Произведения именно этого жанра дают наиболее последовательное представление об эволюции композитора за первые три десятилетия творчества: сказочный балет-буфф («Конёк-Горбунок»), балет-драма («Кармен-сюита»), балет-трагедия («Анна Каренина») с последующим «остыванием» романтической «лавы» («Чайка» и «Дама с собачкой»).

Щедрин в ходе эволюции шёл по пути резкого обострения различных сторон музыкальной выразительности, что соответственно сопровождалось сужением красок и тонов во всём и вся, а это, в свою очередь, означало, что его творчество приобретало явно романтическую направленность. Высшим достижением в его наследии стала «Анна Каренина». В своё время А. В. Свешников оценил её как «новое слово в искусстве балета». И следует признать: Р. К. Щедрин был в числе самых ярких представителей романтического движения второй половины XX века, а в целом его творческий почерк «отличают интонационная свежесть, острота ритма, гармонии и артикуляции, резко подчёркнутые образные контрасты (вплоть до парадоксальности их совмещения), широкое применение новаторски трактованных средств полифонии... Ряду его сочинений присуще незаурядное чувство юмора» [8, с. 5].

Возвращаясь к самой личности Александра Ивановича, я считаю необходимым сказать о главных чертах его характера. Как нельзя более метко и точно описывает его исследователь и коллега по Саратовской консерватории Е. В. Мстиславская: «Сочетание открытости, собранности с искринкой насмешливости; активный, подтянутый, спортивный, стремительный. Тип темперамента – сангвиник, тип исследователя – пассионарный. Он артистичен, что является неотъемлемым качеством Александра Ивановича» [9, с. 88].

Александр Иванович внутренне строен, в некоторой степени строг и одновременно доброжелателен. Его отличает стремление к реализации монументальных идей, для чего он проделывает колоссальный объем работы. Он наделён феноменальными энергетическими и интеллектуальными возможностями, целеустремлённостью и внутренней мотивацией, передающейся людям, общающимся с ним, и не позволяющей им останавливаться, требующей вечного и безудержного движения вперёд. Темп, динамика и событийная насыщенность его жизни разительно отличаются от жизни многих из нас, что не может не поражать. Не жизнь управляет им, но он управляет ей, как умелый скульптор подчиняет идее глину, когда ваяет шедевр.

Можно без ложной скромности сказать, что Александр Иванович Демченко является для нас своеобразной путеводной звездой, ярким примером человека, обладающего непостижимой пронизательностью, стройностью и глубиной исследовательской мысли, эталоном дипломатичности в межличностной коммуникации, позволяющей решать самые сложные задачи, человека высокой эрудиции и справедливого отношения к миру. И в связи 80-летним юбилеем хочется пожелать ему дальнейшей плодотворной работы, реализации запланированных идей, широких возможностей, неугасающего оптимизма и вдохновения, крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Список литературы

1. Демченко А. И. *Appassionata. Очерки творчества Бетховена. К 250-летию со дня рождения: монография.* М.: РУСАЙНС, 2021. 164 с.
2. Демченко А. И. *Звуковые миры Иоганна Себастьяна Баха: монография.* М.: РУСАЙНС, 2021. 156 с.
3. Демченко А. И. Зигзаги прямой. Вместо автобиографии // *Аналогии и параллели: сборник научных статей.* Ред.-сост. А. Демченко. Саратов: изд-во СГК, 2012. С. 5–86.
4. Демченко А. И. *Избранные статьи о музыке. Вып. 2. Искусство России рубежа и начала XX века.* Саратов: изд-во СГК, 2004. 176 с.
5. Демченко А. И. *Концепционный метод музыкально-исторического анализа: учебное пособие для музыкальных вузов.* М.: Композитор, 2010. 88 с.
6. Демченко А. И. *Проект преподавания общих дисциплин в музыкальном вузе // Проблемы музыкальной науки.* 2017. № 1. С. 137–142.
7. Демченко А. И. Сергей Рахманинов. К 150-летию со дня рождения: монография. М.: РУСАЙНС, 2022. 126 с.
8. Демченко А. И. *Творчество Родиона Щедрина. К 90-летию со дня рождения.* М.: РУСАЙНС, 2022. 100 с.
9. Мстиславская Е. В. *Творческая мастерская А. И. Демченко // Искания, труды, дерзания. К 75-летию со дня рождения Александра Ивановича Демченко: сборник материалов.* Саратов: изд-во СГК, 2018. С. 87–97.
10. Николаева И. В. *Горизонты искусствознания (О научных исследованиях А. Демченко) // Демченко А. Избранные статьи о музыке. Вып. 1. Западноевропейское искусство. Барокко и Романтизм.* Саратов: изд-во СГК, 2003. С. 128–137.
11. Серова Н. С. *Рецензия на книгу А. Демченко «Мировая художественная культура как системное целое» // Аналогии и параллели: сборник научных статей.* Ред.-сост. А. И. Демченко. Саратов: изд-во СГК, 2012. С. 538–539.
12. Хохлова А. Л. *Рецензия на книгу А. Демченко «Мировая художественная культура как системное целое» // Аналогии и параллели: сборник научных статей.* Ред.-сост. А. И. Демченко. Саратов: изд-во СГК, 2012. С. 532–533.

Наталья
ТЯПУГИНА

ХРАНИТЕЛЬНИЦА РУССКОГО СЛОВА

(к 80-летию народной артистки России
Е. А. Сапоговой)

10 ноября 2022 года. В переполненном Театральном зале Саратовской консерватории вот-вот начнётся волнующее действие. Сегодня общественность города отмечает юбилей Елены Андреевны Сапоговой, профессора консерватории, лауреата множества музыкальных премий, народной артистки России. Праздничное оживление. Поздравления, цветы, объятия, рукопожатия. Всего много. В левом углу сцены примостился журнальный столик, на который наброшен яркий павловопосадский платок с кистями. Шум смолкает. На сцену выходит Елена Андреевна Сапогова. Раздаются дружные аплодисменты. Ну всё, началось!

«МНОГО ГОДИКОВ ПРОШЛО, А Я НЕ НАПЕЛАСЯ...»

От Елены Сапоговой не отвести глаз – красивая, стройная, нарядная. В народном одеянии, самолично (как всегда!) изготовленном. Всё собственными ручками сшито-расшито, сплетено и связано. Кокосник стильный. Аппликации на коротёне свежие, яркие, радостные.

На сцене, на полукругом расставленных стульях, чинно в ряд, тоже в русских народных костюмах, разместились ученики юбилярши разных лет. Её гордость и радость. К слову сказать, это они и организовали праздник. Приехали из разных городов. Быстренько порепетировали, сладились и сидят теперь рядом, не сводя глаз с любимого учителя, взволнованные зрительским столпотворением, невероятным юбилеем и предстоящим концертом.

Я бывала на множестве юбилеев. Непростое это дело и для участников, и для зрителей. Банальность жанра оглушит и утомит кого угодно.

-
- Наталья Юрьевна Тяпугина (Леванина) – прозаик, литературовед, литературный критик. Член Союза писателей России. Доктор филологических наук, профессор. Автор более двухсот научных, литературно-критических и художественных работ. Публиковалась в журналах «Москва», «Октябрь», «Дон», «Волга», «Волга–XXI век», «Наш современник», «Литература в школе», «Женский мир» (США); «Крещатик» (Германия – Украина); альманахах «Саратов литературный», «Краснодар литературный», «Другой берег», «Мирвори» (Израиль), «Эдита» (Германия) и мн. др.

Но бывают и исключения. Вот и теперь зал вдруг сам собой присмирел, затих. И тут, как говорится, закончилась присказка и началась сказка. После дежурных поздравлений и немислимых размеров букетов вдруг на заднем плане замелькали на экране чёрно-белые кадры из давнишнего документального фильма, посвящённого Елене Андреевне, «Колыбельная для куклы». Выбран эпизод, где Елена, молодая, звонкоголосая, за семейным столом в окружении родных, на два голоса поёт со своей мамой, Ольгой Леонтьевной, русскую народную песню «Сяду я за стол...», а вслед за ней и ещё одну – задорную плясовую «Вейся, повейся, капуста моя!»

И засмотришься, и заслушаешься, не отрываясь от обеих.

Ну, вот опять! Стоит только начать слушать Елену Сапогову – и всё отходит на второй план. Даже сам юбилей. Экран приблизил к зрителю певуний, мать и дочь, понимающих и поддерживающих друг друга с полуслова, с полужука. Ничего напоказ. Всё, как у них принято: просто и душевно. Память старенькой уже мамы бережно сохранила слова и мотив песни, а явное удовольствие, которое получают мать и дочь от совместного пения, просто завораживает. Народная песня льётся с экрана, а родные голоса – как вольная речка, то разбиваются на рукава, то вновь легко соединяются друг с другом. Несёт и уносит песня в иные времена и дали, из которых, право, не хочется и возвращаться.

СВОЯ ЗЕМЛЯ И В ГОРСТКЕ МИЛА

Немногословная Елена Андреевна однажды призналась: «Иногда на концертах задают мне вопросы о чувстве Родины. У меня оно начинается именно с песен матери. Это конкретное чувство – любовь к земле, на которой родился и вырос, к людям, с которыми живёшь, к нашим песням. Народные песни надо петь и слушать как великую поэму о жизни русского народа».

К слову сказать, именно так и рождаются настоящие народные исполнительницы, подхватывая и развивая звучащие в семье и селе песни, перенимая их у покоющих предков. У Елены Андреевны кроме поющей мамочки музыкальной одарённостью отличался и прадедушка Никита, который запомнился тем, что «уж больно любил петь»; и отец, Андрей Фёдорович Сапогов, обладатель сильного и красивого голоса, знавший много народных песен; и многие поющие односельчане из родного села Бряндино. Интерес к фольклору, как и вообще к певческому искусству, поддерживал у юной Елены и патефон. Прослушивание пластинок и радиопередач с записями Лидии Руслановой, Ольги Ковалёвой, Марии Мордасовой, Фёдора Шаляпина тоже было хорошей школой.

Вот уж точно: «Россия росла под Русланову, под песни с хрипкой, с царапкой...» К этой певице у Елены Сапоговой особое отношение: «Стараюсь лишний раз поставить пластинку с записью Л. А. Руслановой, которую люблю неизменно. Может быть, наше военное детство не понять без песен этой великой русской певицы. Может быть, кто-то считает её пение самым обыкновенным, но моя душа всякий раз, когда слышу Лидию Русланову, обливается волною то ли грусти, то ли восторга. Из родного села Бряндино Ульяновской области я уехала, когда мне было 14 лет. И где бы я после ни жила, какие бы песни ни пела, ближе тех, что слышала в детстве, всё-таки не было и нет».

«Песней наполнено сердце моё...» – назвала Елена Андреевна свою искреннюю книгу о русской народной песне. А уж в песенном море разливанном разбирается Сапогова как никто другой. Сама жизнь поставила её

на эту стезю и мудро повела по ней. Можно долго говорить об этом, но сейчас мы просто воспользуемся фактами, размещёнными в интернете.

Елена Андреевна Сапогова родилась в селе Бряндино Малокандалинского района Куйбышевской области (ныне Самарская область). Петь начала в Уральском государственном русском народном хоре. В 1972 г. окончила СГК им. Л. В. Собинова, отделение хормейстера народного хора по классу заслуженного деятеля искусств, профессора Л. А. Христиансена и получила квалификацию хормейстера народного хора и концертного исполнителя русских народных песен. С 1972 г. по 2001 г. работала солисткой в Свердловской государственной филармонии. В 1982 г. получила звание «Заслуженная артистка России». В 1986-м – звание «Народная артистка России». В 1987 г. выпустила сольную пластинку «Старинные русские народные песни». Автор книги «На привольной стороне» (1989). В 1990 г. на Всесоюзном радио провела цикл передач «Лицо земли русской». В 1993 г. – звание «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации». В 1997 г. была удостоена звания «Глас Ангельский России» (Москва). Лауреат премии «Золотой Аполлон» (Музыкальное общество им. П. И. Чайковского, Москва, 1997). В том же году стала лауреатом премии Губернатора Свердловской области за концертную программу «Песнь Земли Русской» (Екатеринбург). В 1999 г. стала академиком Академии искусств и художественных ремёсел им. Демидовых (Екатеринбург). С 2001 г. – преподаватель сольного народного пения СГК им. Л. В. Собинова. В 2005 г. ей было присвоено звание профессора Российской народной академии наук (Москва). С 2009 г. – доцент СГК им. Л. В. Собинова, кафедра Народного пения и этномузыкологии. Продолжила певческую традицию Л. Руслановой, в то же время расширив круг исполняемых жанров русского народного творчества – от былин, сказаний, духовных стихов, плачей и причитаний до скоморошин, заговоров и заклинаний. Елене Андреевне Сапоговой посвящён телефильм «Колыбельная с куклой».

«ПЕВУНЬЯ-ЛАСТОЧКА»

И как же прикажете после всего этого называть Е. А. Сапогову? Артисткой? Певницей? Может, примой? Примадонной, прости Господи? Да язык не поворачивается! Народ таких, как Елена Андреевна, раньше с любовью и уважением величал певуньями, песельницами, сказительницами, плакальщицами. Люди знали: без таких песельниц жизнь будет пресна и бесцветна. Они нужны всегда: в дни рождения и смерти, свадьбы и кручины, встречи и проводов, работы и отдыха. Да всегда нужны такие люди, как Елена Андреевна Сапогова!

...А вот и она, певунья-ласточка, вылетевшая из родного гнезда, стоит сейчас на сцене вместе со своими повзрослевшими детками-учениками и поёт о главном: о России, о любви и верности, долге и чести, о том, за что в нашей вечно бурной и беспокойной жизни стоит держаться.

*Кипит вода, ревет ручьём,
На мельнице и стук и гром,
Колёса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнём летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясёт,*

*На камни рожь дождём течёт,
Под жерновом муку родит,
Идёт мука, в глаза пылит.
О мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый чёрт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян, и сыт;
Детей забыл, жену извёл;
Барбос с ним жил, барбос ушёл...
Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнёздышко,
Детьми обзавелась.
Поёт, пока не выгнали.
Чужой-то кров – не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.
В ночь тёмную под крылышко
Головку подогнёт
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнёт.*

(Иван Никитин. «Гнездо ласточки»)

Узнаваемо, не правда ли? Прямо нашу жизнь обрисовал поэт. И певунью-ласточку в ней...

...А вечер продолжается. На сцене, сменяя друг друга, выступают ученики Е. А. Сапоговой, молодые, талантливые, голосистые. Многие уже сами профессиональные артисты. Большинство из них – лауреаты разнообразных музыкальных конкурсов. Звучат «Страдания под балалайку» и масленичная протяжная песня «Дочушечка», лирические песни «Мамонька» и «Я взглянул на куст зелёный»; бессмертная «Лучинушка» и мощная «Дубинушка». А вот уже веселят народ шутейные рыбацкие припевки Астраханской области «Весело ставлю», а следом задробили ритмом знаменитые «Саратовские страдания». Куда же в Саратове да без задорной саратовской гармошки, без лихих саратовских частушек, без народных песен из репертуара нашей Лидии Андреевны Руслановой?! Никуда! По-прежнему восторг вызывают волжские припевки «Жигули», плясовая «По улице мостовой», «Мальчишечка-разбедняжечка» и многие (да все!) руслановские номера этого вечера.

Студенты и выпускники поют замечательно. А ведут себя на сцене и вообще по нынешним временам неслыханно: скромно, естественно. Никакого самолюбования и выпячивания, никакого пошлого выпрашивания аплодисментов. У всех понимание момента, можно сказать, исторического.

«А КАК РЕЧЬ-ТО ГОВОРИТ, СЛОВНО РЕЧЕНЬКА ЖУРЧИТ...»

У каждого Мастера свои секреты. Вот Елена Андреевна Сапогова, к примеру, играющий тренер. Она всегда на сцене вместе со своими учениками, она их неизменный камертон и образец, заводила и поддержка. Да и для неё

самой это хорошо, могучий стимул получается: надо работать, соответствовать, держать себя в форме, не сдаваться ни годам, ни напастям. Вот так всё у неё совпало, всё сработало.

Чувствуется, что молодёжь хорошо усвоила уроки своего Учителя. Ещё бы! Ведь это был не скоростной педагогический эксперимент, на чужеродных идеях состряпанный. Это была упорная, многолетняя русская педагогика в её чистом виде – совместное строительство юной личности. Это как переливание крови, как духовное породнение, как сращение поколений.

От Елены Андреевны ниточки тянутся к её Учителю – Льву Львовичу Христиансену, замечательному педагогу и человеку, бесконечно любимому и ценимому ею. Его советы-заветы она бережёт как зеницу ока, неустанно передаёт их молодым и неизменно следует им сама.

Так что на сцене сейчас выступают не просто талантливые одиночки, идёт, по сути, смотр нескольких поколений исполнителей великолепной Школы народного пения, которая была создана Л. А. Христиансеном в Саратовской консерватории ещё в 1967 году. И это внушает уважение и к консерватории, и к её преподавателям, и к неиссякающему ручейку студентов, выбирающих для себя этот путь: быть исполнителем русских народных песен, хранителем родного фольклора, носителем национальной музыкальной культуры.

В ситуации исчезновения ценнейшего пласта национальной музыкальной культуры – русского народного творчества – Елена Сапогова понимает всю меру личной ответственности перед будущим, то есть конкретно – перед своими учениками и зрителями. И перед Богом, конечно, который наградил её не просто редким голосом, но и выбрал носителем и хранителем той самой народной культуры, отказаться от которой в беспмятные времена легко и просто, а сохранить – почти подвиг.

А потому, мягкая и добрая в жизни, в своей работе Елена Андреевна строга и последовательна. Она передаёт главное. Не только (и не столько!) нотам и вокалу учит она своих подопечных. Если называть вещи своими именами, Учитель передаёт им те моральные и эстетические требования, которые выработаны в народе к Слову, песне, да и к самому исполнителю. И это самое сложное, ведь необходимая высокая простота даром не даётся, её начинающему артисту надо вырастить в себе неустанным трудом, осмысленным чтением правильной литературы, внимательным изучением творчества своих талантливых предшественников. А главный образец – вот он, Елена Андреевна Сапогова, учись – не ленись!

А сама Елена Андреевна всю жизнь помнит слова Льва Львовича Христиансена о вечном самообразовании, о нефорсированном звучании, скромном поведении на сцене (и главное – в жизни!), о лаконичном, но выразительном сценическом движении и жестукировании. Вот один из главных советов-заветов Христиансена, которому неуклонно следует Елена Андреевна в своей жизни и который передаёт своей поющей молодёжи: «Общеизвестно, что народное пение – разговорное пение, поём как говорим. Надо уметь скачивать, напевать, наговаривать песню своим голосом, чтобы донести до слушателя выразительность негромкого разговорного звучания и даже шёпота».

«СОЛОМИНКА С КРЫШИ РОДНОЙ...»

Свои колыбельные, обрядовые, бытовые, лирические и шуточные песни, частушки, а также заговоры, плачи и былины, духовные стихи и исторические песни Елена Андреевна исполняет так, что не остаётся и тени сомнений: ты свидетель чуда! А слушаешь ты сейчас каким-то непонятным образом

сохранившееся русское народное творчество в его абсолютно чистом виде. Все фольклорные жанры оживают в их уникальной достоверности и неповторимости.

Елена Сапогова строга, она не допускает вмешательства в ткань фольклорного произведения. (Кто мы такие? Умнее целого народа, что ли, который сотни лет эти произведения пел и оттачивал?!)

Она не любит самовольных переработок и импровизаций (за которыми чаще всего стоит недоучившийся выскочка с амбициями). У Сапоговой на первом месте, как и положено, слова песни. Ведь любая народная песня – это сказ-исповедь. А исповедь – дело деликатное, надо суметь донести её без нажима, не форсируя ни смысла, ни звука, взволновать зрителя можно только сутью переживания и подлинностью исполнения.

Вот такая высокая планка. А игры в поддавки никто и не обещал. Елена Андреевна Сапогова не просто артистка, признанный мастер всевозможных редчайших (включая былины) фольклорных жанров, не только исполнитель колоссального репертуара – Елена Андреевна Сапогова – это посол, гонец, представитель того самого чудом сохранившегося поющего народа, который (ты откуда-то твёрдо знаешь это!) с лёгким сердцем передал ей все права на своё исчезающее наследие, поручив быть не просто исполнителем, а Хранителем и Учителем.

Оттого почти сакральная атмосфера на концертах Елены Сапоговой и на этом вечере тоже. Не просто поздравления и выступления, а признание, благодарность и восхищение. И голос льётся, и дробушки сыплются, и ученики не подкачали, не подвели, а подхватили и понесли в мир всё, чему она их учила.

А главное, Елена Сапогова не дала в наше мутное и похабное время заразить эстрадной пошлостью своих учеников. Они, как и их голоса, были на сцене чистыми, естественными, природными. Молодые исполнители ничего и никого из себя не изображали, а лишь талантливо, с волнением и пониманием проживали сотворённое народом.

И почти невольно шепчешь ахматовские строки:

*...Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки.*

«В РОССИИ НАДО ЖИТЬ ДОЛГО!»

Вот уж точно, прав Корней Иванович Чуковский: «В России надо жить долго, тогда что-нибудь получится». Вот и сегодня всё получилось. Это был не просто вечер, не просто концерт. Это было наглядное доказательство того, что народная память существует. Что народ наш, несмотря на все эксперименты над ним, жив. Что он сохранил свою бессмертную душу. Ниточка не прервалась. Песня подхвачена. Родник не пересох, не замусорился. Бьёт и пульсирует чистой водой. Подходи, честной народ! Освежайся, омойся, пей, сколько душа просит!

А сама Елена Андреевна в своём возрасте держит в восторженном внимании огромный зрительный зал: голос её не оставил, звучит звонко и послушно. Почти три часа на сцене она завершила такой заводной пляской, что усидеть на месте не было никакой возможности. Народ хлопал, топал, подпевал, а потом засыпал свою любимицу новыми горами цветов, поздравлений, признаний и подарков.

ПОСЛЕСЛОВИЕ...

Елена Андреевна Сапогова, конечно, особенный человек и особенная исполнительница. При общении с ней возникает редкое по нынешним временам ощущение подлинности. Подлинности таланта, его мощи и настоящей народности.

Это может быть свойством дарования и знаком высокого мастерства, которые, конечно же, есть у артистки. Но у Елены Андреевны кроме всего этого есть дар истинно народного восприятия и песенного отражения жизни. Она каким-то непостижимым образом в большом городе начала XXI века остаётся голосом русской деревни, поющей и плачущей душой русского крестьянства.

И с этим связана самая большая тайна её личности. Как удаётся ей сохранять и полноцветно оживлять то, что в реальности почти не сохранилось? Откуда черпает она силу не поддаваться коррозии времени, когда большинство из нас живёт, «под собою не чуя страны»? Из каких заповедных глубин рождается её неповторимая интонация? Вот вопросы, на которые ответов нет, потому что талант и есть самая большая на Земле тайна.

Если попробовать описать манеру исполнения Еленой Андреевной Сапоговой песен ли, былин или даже современных прозаических текстов, то её, наверное, можно определить как редкую органичность. Когда всё, что попадает в душу певицы, вначале омывается бьющими из глубин родниками и лишь затем, обретая особый смысл и аромат, благодатно изливается на слушателей.

Я много раз слушала Елену Сапогову, и каждый раз меня охватывало ощущение уникальности происходящего. Певица так безоглядно щедра в своей манере полностью, до последней клеточки вкладывать себя в исполнение, что, пожалуй, даже рождает страх за себя, хрупкую женщину, совсем не умеющую себя беречь, каждый раз сжигающую свои нервные клетки в топке подлинных страстей.

Вновь и вновь Е. А. Сапогова ставит на кон всю себя и побеждает. Не может не победить, ведь цена за успех не просто высока...

А когда человек поёт как живёт, когда музыкальные такты совпадают с рубежами его внутренней жизни, органично выстраивая его существование в искусстве и профессии, тогда исполнение становится не просто зарабатыванием хлеба насущного – это уже осуществление Божьего промысла. И тут свои законы и свои мерки. Высшие. Именно им и следует в жизни и творчестве народная артистка России Елена Андреевна Сапогова, неся удивительно точное звание – «Глас ангельский России».

**Алексей
БУСС**

«Я НЕ ТЕРЯЮ ОПТИМИЗМА...»

К юбилею поэтессы Ирины Китовой

Региональный, или, если более манерно и литературно, – провинциальный писатель не избалован вниманием. Вниманием в самом широком смысле слова – да, у него могут быть свои читатели, публикации, авторские вечера и даже иногда – премии и победы в конкурсах, но в целом к нему редко поворачивается лицом критик, его практически не замечает учёный-филолог, а школьный учитель если и обращается к локальному литературному наследию в рамках краеведческого урока, то выбирает кого-то из старших, заслуженных коллег нашего гипотетического автора, тех, чьи имена уже застыли на почётных и мемориальных досках.

Между тем провинциальная литература – она здесь и сейчас, она процесс, движение и люди. И они, люди, пишущие в провинции стихи и прозу, имеющие минимум возможностей (кроме интернета) для публикации и ограниченные библиотеками и школами выходы на очные встречи с читателем, нуждаются во внимании, оценке своей работы, и да – в почестях, как бы фанфарно и не совсем уместно для литературоведческой статьи это ни прозвучало. Потому что в их части литературного процесса происходят различные события – выходят книги, журналы, альманахи, коллективные сборники, собираются и распадаются литобъединения, празднуются юбилеи, возрастные и творческие.

И вот как раз именно на поощрение «пророков в своём Отечестве» стараются направить свою деятельность Саратовское отделение Союза писателей России, существующая при нём литературная студия «Голоса поколений» и созданная недавно ассоциация по содействию издательским процессам «Приволжская книжная лига». Помочь автору поверить в свои силы и дать стимул к творческому подъёму можно разными способами, в том числе и напоминанием общественности о его значимых датах.

Год 2022-й в Саратове и области был богат на юбилеи писателей. Праздновали их и маститые авторы, и те, кто только входит в наш профессиональный круг, но уже добился немалых успехов и достиг определённых жизненных вершин.

-
- Алексей Александрович Бусс родился в 1973 году в городе Тахиаташ Каракалпакской АССР. Окончил филологический факультет Акмолинского университета. Поэт, прозаик, публицист, редактор, литературный педагог. Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Саратовской писательской организации, руководитель литературной студии «Голоса поколений». Лауреат премии им. К. Федина.

К таким авторам относится и поэтесса Ирина Китова из Базарного Карабулака (кстати, она автор и публикаций в журнале «Волга–XXI век»). Празднование её юбилея на рубеже зимы и осени стало поводом для высадки в этом живописном рабочем посёлке целого «писательского десанта» – главного редактора нашего журнала Елизаветы Мартыновой, членов Союза писателей России Павла Шарова, Людмилы Липатовой, Игоря Шведова, Ивана Тернова, Алексея Бусса, члена Союза журналистов Анны Морковичевой, писателя и журналиста Александра Горностаева. К чести базарнокарабулакцев, надо отметить прекрасную организацию, участие в мероприятии районной власти и зрительский аншлаг, который был бы удивителен даже для областного центра!

А главная цель – моральная поддержка автора, активно пишущего, хоть и юбиляра, но юбиляра молодого и полного сил – как мне кажется, была достигнута. Получить признание коллег и литературных организаций именно сейчас, а не в пору творческого заката, это важно и волнующе для любой творческой личности. Земляки Ирины Китовой воочию увидели и услышали, что она – отнюдь не только их районная «звёздочка», но полноправный член областного писательского сообщества. Это, несомненно, привлечёт к её замечательным стихам новых читателей, и не только в Базарном Карабулаке.

Об этих стихах, о творческом пути Ирины Сергеевны, о её таланте, образах и исканиях – эта статья.

Тарас Шевченко в одном из своих лирических стихотворений так описал образ счастливой любви и долгой семейной жизни:

*Не плач, не ярость, не стенанья –
Любви бессмертное дыханье
На тот свет тихий пронести.*

Постижением «любви бессмертного дыханья» и исследованием разных ипостасей личного счастья на протяжении всего своего творческого пути занята моя любимая саратовская поэтесса Ирина Китова. Опытный читатель и знаток волжской литературы тут же поправит меня: не саратовская, а базарнокарабулакская, поскольку именно в посёлке Базарный Карабулак Саратовской области и живёт наша героиня. Соглашаясь с этим, я не только не поменяю своего определения, но даже и повышу его ещё на ступень: Ирина Китова, безусловно, одна из самых интересных российских поэтесс сегодняшнего дня.

1

Я не зря начал эту статью с цитаты из классика. Ирина Сергеевна Китова получила свою сказочную, необычную фамилию, столь идущую человеку, пишущему стихи, в замужестве. А в девичества она носила фамилию великого Кобзаря – Шевченко. Её отец, Сергей Петрович Шевченко, кадровый военный, а ныне – пенсионер, хорошо известен в Базарном Карабулаке своей общественной деятельностью, а кроме того, и сам пишет стихи и хорошо рисует (как и его гениальный однофамилец). Но к теме семьи, столь важной для И. Китовой мы ещё вернёмся...

Как литературному редактору мне приходилось сталкиваться с разными типами эволюции поэтического таланта. Нередко начинающий автор очень медленно, поэтапно осваивает мастерство версификации, постепенно, кирпичи-

чик к кирпичику, складывает свои системы образов, учится применять метафоры, уходить от избитых рифм и ритмов. Ирина Китова относится к тем поэтам, которые, что называется, «выстреливают» сразу, уже в ранних стихотворениях демонстрируя моральную и стилистическую зрелость.

Её первая книга – «За окнами твои шаги», вышедшая из-под пера ещё совсем юной поэтессы в 2008-м году, уже была полноценным поэтическим циклом с единой концепцией лирического поиска, чётким, сформировавшимся образом главной героини, общей фабулой, строящейся на личных обретениях, потерях, снова обретениях – то есть на том, что мы называем поисками счастья. Меня поразило в ней отсутствие жеманства, обычно свойственное той молодой (да и не только) женской поэзии, основной вектор которой – интимно-любовный. Начинаящая поэтесса говорила с читателем прямо, исповедально, открыто, не стесняясь порой собственного смятения, боли, отчаяния. Есть в этой книжке что-то от личного, сокровенного дневника, и в то же время – явная решимость делиться этим сокровенным со всеми. Такое впечатляющее духовное самопожертвование, свойственное скорее авторам зрелым.

Впрочем, не такой уж Ирина Китова была в те годы и начинающей! Первые стихи цикла «За окнами твои шаги» датированы 1994-м годом, значит, к моменту издания книги Ирина Сергеевна имела уже более чем десятилетний поэтический стаж, что немало. Но книга сыграла ту роль, какую вообще должна играть первая книга поэта – она стала партой первого поэтического класса, школой, которая дала многое понять И. Китовой о слоге и ритме, о рифме, о размере, об образе. Несмотря на обилие современных электронных публикаций, я не раз замечал благотворное влияние именно печатного слова на быстрый рост мастерства поэтов. А у Ирины эволюция заметна уже в первой книге, где хорошо видно, как она методом проб и ошибок идёт от простого к сложному, открывая для себя всё новые и новые горизонты.

Но даже и не в десятилетнем периоде до книги лежат корни будущего поэтического сознания Ирины Китовой – очень самобытного, во многом уникального. Где они? Да конечно же, в детстве! Вот как она описывает сама себя:

*Тонкий месяц с той девочкой дружит.
Помнят девочку свежие росы,
Как она, глядя в зеркало лужи,
Расплетала пшеничные косы,*

*Дивной бабочкой в травах порхала
И была невесомей, чем воздух,
И задорные рифмы слагала
О себе, о деревьях, о звёздах...*

(«Про девочку»)

«Задорные рифмы слагала»... Задорными много позже станут рифмы детских стихов Ирины Китовой, о которых разговор ещё предстоит. А сейчас, во времена «За окнами твои шаги», она упорно и порой мучительно ищет свой неповторимый голос. И находит! Пожалуй, уже в этой книге определилось её творческое кредо: негромкие, пастельные, созерцательные образы, минорные мелодии, как правило, не очень весёлых драматических сюжетов из личной жизни, живые, говорящие пейзажные и интерьерные локации:

*О майском солнце, проливном дожде,
О поцелуях ветра, пчёл жужжании,
С чем так нелепо было расставанье,
Сирень мечтала в вазе на столе.
Ей в комнате увянуть суждено.
Над ней неистово кружили мухи,
И пауки, как дряхлые старухи,
Всё ткали кружевное полотно.*

(«Сирень»)

Или вот как «играет» пейзаж – живой, трепещущий, колоритный – на концепцию стихотворения «Милый Мурзик, друг сердечный...»:

*Белобокая сойка
Лихо пляшет на кустах,
И смородиновым соком
Лето брызжет на губах.
Не скупится солнце зноем
На деревни и поля,
На дитя в песке босое,
На тебя и на меня.*

Как правило, юные поэты не умеют использовать пейзаж, интерьер, натюрморт или портрет как приём движения фабулы стихотворения. То есть у них либо «о птичках», либо – «о любви». Ирина Китова научилась этому очень быстро и применяла уже в ранних стихах повсеместно. Мало того, у неё здесь – свои открытия и уникальные синтезы жанров, удивительные в своей неожиданной эклектике. Выше я упоминал о теме семьи, столь важной для Ирины Сергеевны, вот сейчас мы на неё и свернём, неожиданно, в духе «китовской» поэтики – от пейзажа к... мемориальному стиху.

Неизбывная душевная боль Ирины и её родителей – ранняя трагическая гибель младшего брата Александра. Образ его будет появляться в её стихах не единожды, будто бы не оставляя свою любимую сестру, опекая её и ода-ривая вдохновением. И в первом таком стихотворении И. Китова для изображения духовной общности использует – да, да! – пейзаж, погоду, небо...

*Поговорим о непогожем
Осеннем утре, где ты не был.
Ты дождь любил и свежесть неба,
И в этом были мы похожи.*

Не совместные игры и увлечения, не отцовское воспитание и материнское ласка, не всё то, что обычно объединяет братьев и сестёр, выходит здесь на первый план, а космическое, надмирное родство, единение душ, для которых главное – постижение Вселенной. Похожесть мировосприятий – это, безусловно, канал для разговора с ушедшими, высокая связь, неразрывная нить. И в следующем стихотворении памяти брата, помещённом в эту же первую книжку, снова космическое, метафорическое, онтологическое: «С неба чёрного, как беда, / Вдруг упала твоя звезда, / Над землёю оставив след, – / Это памяти вечной свет».

Чувствовать не только внешний, обыденный трагизм безвозвратного ухода близкого человека, но связанный с ним разрыв времён, разрыв

самой ткани бытия – это умение, присущее большим поэтам. Юная девушка, заявившая о себе на этом трудном поле философских умозаключений, сама по себе кажется мне персонажем некоего глубокого психологического романа...

Этот же разрыв бытия присутствует в стихах Ирины Китовой, связанных с разлукой. Данное состояние человеческих душ (а для него их требуется как минимум две) – своеобразная доминанта и раннего творчества поэтессы, и современных её работ. И дело тут не только и не столько в биографических перипетиях – хотя они, конечно, всегда служат основным толчком к росту метафор, связанных с разлукой, – но, возможно, в большей степени в особом складе души поэтессы. Насколько мне удалось узнать её за время нашего знакомства и работы над последней на сегодняшний день книгой, Ирина – человек особенной, весьма прихотливой рефлексии. Она, подобно всем настоящим творческим людям, бесконечно вглядывается в себя, но вглядывается с многочисленными сомнениями. И это не психологические комплексы, а некая высшая требовательность, духовная строгость к чистоте собственной души. Слушатели и зрители на её выступлениях наверняка замечали удивительный, гипнотический взгляд поэтессы, читающей свои стихи – она не замыкается в себе и не выплёскивает душу, глаза её смотрят как бы и на зрителя, и внутрь собственной души одновременно. Эффект чувственной гармонии – вот как бы я назвал это.

Примерно то же – и в самих стихах. Разлука в них – и боль, и стресс, и тот самый разрыв сложившейся ткани бытия, конец. И всё же – начало чего-то нового, неведомого, обретение свободы, почти неожиданной уже, а потому тем более необходимой:

*И не одно с тех пор сменилось лето.
Потяжелел багаж мой за плечами.
И, думая о том, что ждёшь ты где-то,
Я вспоминаю о тебе ночами.*

*Но чем быстрее ровная дорога
Уходит ввысь, меняя мир мой сложный,
Тем дальше я от твоего порога
И тем раскаяние невозможней!*

Однако перед тем, как потерять, надо обрести, чтобы разлучиться, надо сначала встретиться. Встреча у Ирины Китовой – тоже всегда метафора окончания процесса долгого, подчас мучительного поиска, да и сама по себе некий процесс, действие, мистерия. Показательно стихотворение «Тихо часики стучат», где вроде бы заурядная житейская история счастливого замужества чуть заметно диссонирует нотками грядущей тревоги... Те самые сомнения, основа поэтики Китовой, тут проглядывают лишь чуть-чуть, еле уловимо, но они есть, они будто бы ждут своего часа, и заглавная строка о тихо стучащих часах обретает при внимательном прочтении характер какого-то предзнаменования:

*И пусть, надеясь и грустя,
Порой о большем я мечтала,
Пять долгих зим тебя искала...
И обрела пять лет спустя.*

«Порой о большем я мечтала...» Неустроенность и неприкаянность великих наших поэтов – прямое следствие таких «больших мечт», но если для поэта-мужчины неприканное бродяжничество само по себе часто – способ существования, то для поэтессы неизбежен конфликт между инстинктом дома, материнства, уюта и этой самой неприкаянностью. Может быть, по данной причине представителей сильного пола в поэзии много больше?

Как бы то ни было, работает над словом Ирина Китова серьезно, крепко, по-мужски. И уже в первой книжке, в финальном стихотворении выводит определённую формулу своего понимания этой работы, чтобы далее ей следовать:

*...Слову цену особую знать,
Выбирать между «нет» и «да»,
Между тем, о чём можно сказать
И о чём не сказать никогда.
<...>
Чтоб не никла на грудь голова
От стыда, нужно нам понимать:
Каждый раз, называя слова,
Мы должны их уметь выбирать.*

(«Слова»)

Вот такой неожиданный нарратив. Повторюсь: поэтесса была ещё совсем юна, и, сидя в жюри молодёжных конкурсов, мы с коллегами снисходительно внимаем обычно «розам – слёзам» её тогдашних ровесниц, а тут – «выбирать слова»! С любого профессионала, по-моему, слетит спесь, приди к нему такая отроковица с кипой стихов о сущности бытия... Слава Богу, Ирина Китова в те свои нежные годы в поэзию пришла и осталась в ней навсегда.

2

Закончились переходные «нулевые» годы, и новое десятилетие ознаменовалось для Ирины Сергеевны Китовой выходом новой книги, весьма необычной. Оговорюсь: были, конечно, у неё и журнальные публикации, и участие в конкурсах и фестивалях, но сейчас мы исследуем именно библиографию поэтессы, её книги в хронологической последовательности. Ведь именно книгу автор формирует сам, тут не мешают ни политика и направленность журнала, ни главный редактор. Так вот: книга, увидевшая свет в 2012-м году, была задумана и скомпонована оригинально.

На обложке «Фиолетового солнца» – два имени: Ирина Китова и Сергей Шевченко – о нём я уже упоминал в начале статьи. Отец, один из важнейших людей в судьбе Ирины и в данном случае – соавтор, Сергей Петрович, будто бы поддерживает дочь под руку на трудном пути второй в её жизни книги.

Почему трудном? Ведь с момента выхода «За окнами твои шаги» прошло четыре года, и столь талантливая и многообещающая поэтесса не могла не эволюционировать если не в профессионального литератора, то, как минимум, в «продвинутого» любителя. Да потому, что если первая книга поэта – парта и школа, то вторая чаще всего – экзамен и выпускной. Первую книгу и публика, и старшие коллеги-поэты воспринимают, как правило, с некоторыми авансами: начинающему многое прощают, если искра таланта в пока несовершенных стихах даже хотя бы проглядывает. У Ирины не искра, а жар-

кое пламя большого дарования пылало в первой книге уже вовсю, однако же задача по компоновке второй была от этого не менее трудной. Не повториться, не сбиться на перепевы и интерпретации уже сказанного, просто ощутимо расти и двигаться дальше в глазах читателя – это всегда непросто, а для автора, основной стезёй которого оставалась любовная лирика, и вовсе, на первый взгляд, непосильная задача.

Но Ирина Сергеевна успешно справилась. Кстати, соавторство отца в книге условно – стихи Сергея Шевченко даны небольшим блоком в конце, они – патриотические, исторические, юбилейные – простые произведения доброго и щедрого человека стали своеобразным фундаментом беспокойным, мятущимся строфам дочери. Удивительный этот тандем сначала показался мне странным, но при внимательном и последовательном прочтении начинаешь понимать его закономерность и логичность.

Итак, «Фиолетовое солнце»... Из юности, из увлечения Серебряным веком принёс я стойкое убеждение: название стихотворения, а тем более – название цикла, книги – важнейший элемент их концепции, замысла, идеологии. Хорошее, дополняющее своим смыслом название – само по себе как бы стихотворение. Вот посмотрите: Анна Ахматова – «Белая стая», Владислав Ходасевич – «Тяжёлая лира», Марина Цветаева – «Вечерний альбом», Александр Блок – «Нечаянная радость», Юргис Балтуршайтис – «Лилия и серп» и так далее... Гармоничные, сбалансированные словосочетания со своим внутренним ритмом. «Фиолетовое солнце» – из того же ряда. Тут и нарочитая, вызывающая экзотика, и необычная красота, и какое-то тревожное предчувствие, предзнаменование...

Цикл содержит внутренние разделы: «Под тусклым солнцем абажура», «В зеркальном отражении», «Напишу родник серебряный», «Души задумчивая осень», «Я жизнь слагаю рифмами», «Какое множество разлук в закатах осени таится». Дробление небольшой по объёму поэтической книжки на некие подциклы поначалу выглядит наивным и несколько надуманным. Но это ощущение быстро проходит при чтении. Действительно, деление это имело смысл, ведь в маленькой книжке – одинаково страстные, но разнонаправленные устремления души Ирины Китовой, делающие «Фиолетовое солнце» своеобразным миниатюрным собранием сочинений или, если хотите, собранием откровений.

Открывают книгу несколько позитивных, жизнерадостных лирических тем – «Я покрашу стены в жёлтый цвет», «Утро», «Замужем». Радость устоявшей семейной жизни, материнства, налаженного быта пронизывают их, как лучики света в стихотворении «Утро»:

*Всё настойчивей лучик света.
Он сыночка ресниц коснётся,
Глянет в глазки, что цвета лета...
Утро доброе, «моё солнце».*

Но творчество Ирины Китовой не привлекло бы моего внимания с самых её первых шагов, если бы в стихах её не присутствовало что-то, что и определить-то словами порой непросто... В широком смысле это всё та же рефлексия, глубинные сомнения, тонкий баланс между позитивом и негативом. В мажорном вроде бы «Я покрашу стены в жёлтый цвет...» читаем:

*И раскаянье коснулось век:
И моих, и всех, кого простила...*

*Чтобы грусть, пришедшая навек,
Молодое сердце отпустила.*

Не отпустит, Ирина Сергеевна, увы... Это ведь та самая некрасовская тоска русских поэтов, которой болеет и которой питается уже не одно их поколение. Пока, работая над своей второй книжкой, вы этого ещё не понимаете, но понимание и приятие этого обязательно придёт, в общем – уже приходит.

Весь первый раздел книги – «Под тусклым солнцем абажура» – о семейном счастье и несчастье, о созерцании течения жизни из окна квартиры, в которой течёт своя (твоя!) жизнь, о том, как на фоне её преобразуются чувства и мысли, бывшие иными тогда, в юности, до замужества, до материнства... В окно своей судьбы смотрит уже женщина, а не девушка, и дело не в социальном статусе, а в новом этапе развития её дарования, а значит – души. Об этом откровенно говорят стихи «Поздний звонок», «Уж за полночь... и тишина...», «Снежинка» и заглавное – «Под тусклым солнцем абажура». А трогательное «Лучик света» звучит неожиданной, почти юношеской декларацией откровенности чувств:

*Луч во взгляде смеётся,
Стоит лишь приглядеться...
Лучше небо без солнца,
Но улыбка – от сердца!*

И понимаешь: нет, не исчезла в семейных заботах и драмах та девочка, что «дивной бабочкой в травах порхала»! Бескомпромиссность детского мировосприятия будет встречаться нам в стихах И. Китовой ещё и ещё раз, и это – стимул читать и читать её книги. И мы читаем дальше. Вот, на мой взгляд, очередная жемчужинка – стихотворение о юности, написанное из нового, взрослого времени, но такое свежее и яркое, будто создавалось «по горячим следам» юной влюблённости – «И до дома провожали...»:

*Были: лирика и драма
И свеченье фонарей.
Стерегла минуты мама,
Замирая у дверей...*

*В вазе белая гвоздика.
Первый луч тревожно ал.
«Кто же он?» – ты спросишь тихо.
«Тот, кто в губы целовал».*

Думается, этот ракурс – взгляд и от юной дочери, и от матери одновременно, он как раз от возраста, от нового понимания жизни. Взрослеющий автор часто отмечен как раз этим: он начинает думать и чувствовать не только за одного лирического героя (автобиографического), но и за всех персонажей своего произведения.

Тут же, буквально на следующей странице, – посвящение отцу. Это и снова тема семьи, уже упомянутая выше, и дань уважения своему соавтору по книге, но главное – зримое воплощение дочерней любви, очень трогательное и нежное. Вроде бы простое праздничное посвящение ко дню рождения, прикладное стихотворение «к случаю», но какие в нём искренности, ненаду-

манные, невымученные слова для открытки, а настоящая эпистола – письмо в стихах: *«Шар земной – всё, что есть у меня – / В этот ласковый день сентября / Эту осень и звёзд синеву / Посвящаю тебе одному!»*

Есть у меня ощущение, что весь комплекс стихов Ирины Китовой, созданный на сегодняшний день и продолжающий расти, – это своего рода поэтический роман-эпопея с центральным образом протагонистки, стремящейся к счастью, обретающей его, теряющей, обретающей вновь... В этом романе много драматических, даже трагических глав. В книге «Фиолетовое солнце» трагические пассажи возникают будто бы ритмически, сменяя оптимистические так, как ночь сменяет день, а зима – лето. В стихотворении «Ещё один вечер слетел ниоткуда...» хорошо показано, как любовь и семейное счастье однажды начинает поглощать рутину:

*Но жизни страницы потёрты, не новы,
Читаем с тобою их снова и снова,
И скучен сюжет, и забыта интрига,
И день преходящий – открытая книга...*

Следующий раздел книги – «В зеркальном отражении» – объединяет философскую лирику Ирины Китовой 2012 года. Это ведь был год, располагавший к философским размышлениям, предвидениям, предсказаниям... На фоне проблем года нынешнего, отстоящего от «двадцать двенадцать» на десятилетие, страхи, замешанные на туманных предсказаниях майя, кажутся глупыми и надуманными, но тогда психологический фон человечества был весьма специфическим и далеко не безмятежным... Вот и И. Китова преломляла личные проблемы через призму общемировой тревоги. *«Со всех – и с недруга, и с друга – / Истребуется по долгам, / И всем воздастся по заслугам»*, – напишет она в одном из первых стихотворений раздела и этим задаст ему тон. Здесь тоже будут личные счастливые минуты и чёрные мгновения, но... в несколько ином, более глобальном антураже, в контексте раздумий о вечном и непреходящем. Например, в стихотворении «Когда ты говоришь, а я молчу...» Ирина Сергеевна очень последовательно и точно объясняет свою позицию по отношению к самооценности слова, обосновывая необходимость тесной связи речи и совести. И опять с уважением и даже некоторым восторгом уточню, что и в жизни поэтесса Ирина Китова – человек крайне внимательный к речи не только художественной, но и устной, умеющий не просто хорошо говорить, но и убедительно молчать. А потому:

*Ты словом гонишь буйные ветра,
Забыв спросить у совести своей...
А мудрость – терпелива и щедра,
Поэтому он всё ж тебя сильней.*

*Он слово каждое привык беречь,
Носитель скромный божьего луча.
Он стоит многих тех, поверь, кто с плеч
С холодным сердцем рубит сгоряча.*

В этом же разделе впервые появляются у Ирины Китовой гражданские или даже политические стихи. Надо сказать, что это, вероятно, был скорее эксперимент, проба, впоследствии в магистральном творчестве поэтес-

сы не получившая значительного развития. Думается, дело в складе самого характера её, да и в свойствах таланта, для которого любой переход от бытийных, созерцательных размышлений к конкретной критике, осуждению или бичеванию почти противоестественен. В качестве исключения она будет иногда разрабатывать исторические темы, имеющие устоявшуюся морально-этическую трактовку (как правило, тему Великой Отечественной войны), темы же сегодняшние, злободневные, не прошедшие кристаллизацию временем, ей скорее чужды. Но сейчас она пробует и эти темы на вкус, и, на мой взгляд, не без успеха. Им посвящены стихи «Ода» оборотням в погонах», «Народное распалось братство...» (датированы 2009-м годом) и социальное «Про «Даму».

Но социальное, политическое, гражданское для Ирины Китовой – сиюминутное, случайное отклонение от раз и навсегда выбранного курса. Поэтому в финале «философского» раздела – снова программные стихи. Прежде всего это заглавное для книги «Фиолетовое солнце». Вчитаемся в него внимательно:

*Так приятны: лёгкий ветер,
Тёплая лазурь.
Я солгу, что нет ни смерти,
Ни магнитных бурь.*

*Ни разлук, ни душ раздетых,
Ни лихой беды...
Боли первые приметы
Глазу не видны.*

Самообман – любимая игрушка человечества. Художники тешат себя обманом о величии собственного дарования, политики – о своей непогрешимости, полководцы – непобедимости, влюблённые – о непреходящей любви. Однако такое откровенное признание в нём, в самообмане, расцветающем под «фиолетовым солнцем», у меня вызывает уважение и в очередной раз – восхищение самобытностью таланта Ирины Китовой. А финал раздела «В зеркальном отражении» – короткое, в четыре строки, стихотворение – как раз об упомянутом уже годе выхода книги – 2012-м. И тут – удивительная эклектика, сочетание несочетаемого:

*В наш век греховный эгоизма
Земля уже горит в аду...
Я не теряю оптимизма,
Живя в двенадцатом году.*

Апокалиптическое «горение в аду» соседствует с оптимизмом – почти безнадежно, но в свете содержания всего раздела, с его печальной, но всё же преимущественно жизнеутверждающей интонацией, это соседство выглядит естественным, даже – неизбежным.

Далее следует раздел «Напишу родник серебряный» – ода малой родине в нескольких её проявлениях. Ирина Сергеевна Китова родилась в городе Камышине Волгоградской области, а росла в Монголии, Латвии, Базарном Карабулаке – нормальная судьба дочери советского офицера. Вот и в «Роднике серебряном» – и волгоградские степи, и снежные зимы лесного Карабулака, и привольная Волга Саратова, где будущая поэтесса училась в вузе.

Личный рефлексивный драматизм здесь исчезает, уступая место русскому пейзажу, светлой ностальгии, тёплому, уютному патриотизму человека, всеми корнями своими связанного с местом, которое сформировало его, вырастило, позволило развиваться таланту. Ну, почти исчезает... Будто маленькие искорки, вспыхивают образы интимного среди природного, пейзажного, географического. Вот в стихотворении «Когда я еду домой»:

*...Лишь встретит ветра полёт,
И Волги слышать прибой,
И знать, что кто-нибудь ждёт,
Когда я еду домой.*

(«Кто-нибудь ждёт...»)

Но в остальном, как я уже и сказал, этот раздел книги посвящён, так сказать, песням о родине. Причём и в буквальном смысле – он включает и «Песню о Карабулаке», где в трёх куплетах и припеве – признание в любви к земле, ставшей родной. Тут Ирина Китова показала себя и как композитор – музыка к песне также принадлежит её перу. Интересный факт из биографии поэтессы, на который намекает и название раздела: «Напишу родник серебряный». Ирина Сергеевна – автор стихов, размещённых на одном из самых посещаемых родников Базарно-Карабулакского района Саратовской области. Прекрасный и, вопреки классику, рукотворный прижизненный памятник её дарованию!

Следующий раздел – «Души задумчивая осень» – снова замешан на пейзаже и образе лирической героини внутри него. В отличие от предыдущего, в нём нет уже столь чёткой географической локализации, это, скорее, осень-метафора, снова в большей степени декорация для личных переживаний. В заглавном стихотворении некто всесильный смог «*вдруг осень в августе устроить*», а далее автор и вовсе утверждает, «...*что я сама – седая Осень*». То есть осень здесь метафизическая и метафорическая, как и заявлено в заглавии – осень души. В первом стихе раздела встречаем такой финал: «*Всё, что пока мне достётся, – / Любовь, так схожая с печалью*». Осень – вообще важнейший элемент творчества для Ирины Китовой, неисчерпаемый источник вдохновения. В этом не было бы ничего уникального, ибо осенние мотивы – вообще неотрывная часть русской поэзии. Уникально у поэтессы взаимопроникновение личного в осеннее, и наоборот...

*Живу, за то благодаря,
Что ветер облаку не скучен,
Что в хмурый вечер ноября
Бог дал мне душу, –*

пишет Ирина Сергеевна, намекая на свой день рождения на самом стыке осени и зимы. И это – уже следующий раздел книги «Фиолетовое солнце» – «Я жизнь слагаю рифмами».

Именно поэтам свойственно подчас задумываться о сущности творчества, его генезисе и психолингвистических аспектах. Да даже и о связи быта и стиха... Однажды, редактируя книгу одного саратовского литератора, разместившего раздел в духе «стихи о стихах» в самом начале будущего издания, я заметил ему, что это выглядит так, как если бы повар, автор поварен-

ной книги, в первой её главе начал описывать свои творческие муки и проблемы на пути к вершинам кулинарного искусства.

Ирина Китова целомудренно спрятала подобный раздел в конце книги – как бы подразумевая, что прочтёт его только тот, кому это действительно интересно. Вот поглядите:

*Собрать золотые дождинки
В сокрытый в душе узелочек
И с рифмой сойтись в поединке
На белом листе многоточий...*

*Пусть сердце разбитое плачет,
Коль любит так нежно, так страстно.
В прогнозе – дожди, это значит:
Я снова пишу о прекрасном.*

(«В прогнозе – дожди, это значит...»)

Восхитительно стихотворение «Лето», где уже упоминавшееся выше «познание пейзажа» показано структурно, последовательно: «Я иду, смеюсь и каюсь, / В сердце рифмы расцвели, / И прислушаться стараюсь / К песням ласковой земли». Оно в высшей степени атмосферно, причём речь идёт об атмосфере творчества прежде всего.

Вроде бы весь раздел – о поиске и счастливом обретении вдохновения, но... Но, как известно, «гений – парадоксов друг». Вот и Ирина Китова путём мучительных подчас размышлений приходит к парадоксальному выводу о проникновении таланта в ткань существования его носителя:

*Есть такая в таланте сила...
Пред собою я виновата:
О страдании попросила –
Бог всевидящий отнял брата.*

*Всё тревожней пишу, красивей.
Всё больнее моя утрата...
Страшно, страшно произнести мне,
Что без счастья стихов не надо...*

Ах, Ирина Сергеевна, разве ж мы это выбираем?.. Счастье и несчастье – равные стимулы для создания шедевров, к сожалению. А может быть, и к счастью, ведь вот вы сами об этом пишете в стихотворении «Поэт», тоже, я думаю, программно:

*Любовь – одна – вместо солнца,
И с музой прочная нить...
Тогда на пике эмоций
Поэт способен творить...*

Не самое оригинальное откровение – творчество как способ существования. Но то, как оно подано – ясно, лаконично, однозначно, – говорит о важности именно этого пути для Ирины Китовой. Раздел написан не напрасно.

А мы, читатели книги «Фиолетовое солнце», опять возвращаемся к... осени! Последний раздел книги называется «Какое множество разлук в закатах осени таится». И это снова не календарная, а духовная осень, архитектор разлук... Почему поэтесса снова и снова к ней приходит, неужели дело только в личных неурядицах и переживаниях? Думаю, нет.

*Как увядающее мило!
Какая прелесть в нём для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь так немощно и хило,
В последний улыбнётся раз!.. –*

воскликнул как-то Фёдор Тютчев в своём стихотворении «Обвеян вещею дремотой...». Прелесть увядания, распада, угасания издавна была притягательна для поэтов. Для Ирины Китовой это всегда – угасание и умирание чувства. И так же, как для Тютчева, своего рода футляром, золотой рамой для картин краха любви и привязанности у неё снова и снова выступает осень. На страницах «второго осеннего» раздела книги мы увидим и собирательную весну («Простая история»), и зиму («Студит январский мороз»), и апрель («Утрата»), но во всех них будет что-то осеннее, деструктивное, распадающееся... И зима, настоящая календарная зима, являющаяся часто в литературе символом духовного очищения, этим очищением не станет, а просто, наверное, заморозит боль до новой весны, лета, осени:

*...А дождь всё плачет, и на юг,
Прощаясь, улетают птицы.
Какое множество разлук
В закатах осени таится!*

*Развеется осенний дым,
И снизойдёт, целуя кожу,
Декабрь с сердцем ледяным,
Так сильно на тебя похожий.*

Вот такая книга. С единым – простите за избитую метафору! – обнажённым нервом, колеблющимся от вибраций космоса, планеты, собственной судьбы поэтессы. Восхитительный документ чувственных переживаний, взлётов и падений, отчаяния и раскаяния. Были в ней ещё недочёты и явные несуразицы, но голос Ирины Китовой, поэта Божьей милостью, зазвучал в «Фиолетовом солнце» уже в полную силу, и сила эта столь значительная, что книжно-редакторские упущения совсем не портят его прекрасную песню.

3

И, наконец, «Стихи в блокноте...». Эта книга стала поводом для моего близкого знакомства с Ириной, до этого я знал её уже несколько лет полузаочно как участницу саратовских областных литературных конкурсов, в жюри которых традиционно состою. Для членов жюри Ирина Сергеевна с 2016-го ещё года всегда была неким заведомым фаворитом, появления её с новыми стихами ждали и старались отметить.

Работали мы над книгой долго. И. Китова в плане подготовки текста к публикации – строжайший перфекционист и глубокий самокритик.

Но и замечания редактора она воспринимает так же – строго, внимательно, придирчиво. Впрочем, правки было немного, скорее имели значение композиция цикла, оформление, добавление по ходу формирования текста новых стихов. И, на мой взгляд, всё было не зря – именно этой книгой после презентации в Центральной библиотеке Ирина Сергеевна заявила о себе уже во всеуслышание на саратовской литературной сцене, она же, я надеюсь, вселила в неё уверенность, ставшую стимулом к дальнейшим достижениям (скажу о них в конце статьи).

Для меня же книга стала своеобразным катарсисом, ведь редактор – да простят меня мои авторы – со временем, с каждой новой работой немного черствеет, добавляя несколько медяков в копилку цинизма, поначалу – здорового и необходимого, но со временем всё более едкого, желчного. Меня от этого спасли Ирина и её стихи – не только сами по себе чистые и честные, но и очищающие. Думаю, таковыми они стали и для большинства читателей.

О чём книга? Подобный вопрос, кстати, я иногда задаю своим авторам, когда пытаюсь как-то помочь выстроить фабулу слишком размытого стихотворения, рассказа, повести. И не всегда литератор находит, что ответить. Ирина Китова, если бы я задал ей такой вопрос о книге «Стихи в блокноте», уверен, ответила бы определённо: «Обо мне».

«Обо мне» – и когда действительно стихи автобиографические; «обо мне» – и когда на странице разворачиваются пропахшие летней или осенней травой пейзажи; «обо мне» – когда пишется посвящение сыну и его жизненной дороге; «обо мне» – даже тогда, когда речь идёт о событиях, отстоящих далеко в прошлом от времени рождения поэтессы. Таково, например, стихотворение «Была война», в котором Ирина Китова примеряет на себя платок ждавшей и дождавшейся солдатки. Тут не описание чужой боли, от мучительного ожидания и восторга встречи, тут они именно СВОИ. Оттого и антивоенный посыл стихотворения так глубок, искренен, неподкупен:

*Заживём!
Начнём трудиться,
по субботам печь блины...
Милый,
лишь бы пели птицы,
лишь бы не было войны.*

Таково же и стихотворение «Мне сегодня приснилась война...». Меня при первом прочтении оно так резануло по сердцу, что потребовалась небольшая передышка, для того чтобы отстранённо и трезво «вычитать» его чисто редакторским глазом. А это тяжело, когда на глаза наворачивается слеза... «Мне сегодня приснилась война: / Под обстрелом погиб эшелон...» – бьёт тебя прямо в душу беспощадная последняя строфа, и долго ещё не можешь перевести дыхание...

Но, как я уже отмечал относительно более ранних книг, исповедальная честность вообще характерна для стихов Ирины Китовой. В новой книге она только вышла на более высокий уровень. По счастью, юношеская, девичья чувственность никуда не исчезла, но дополнилась... хотел написать – мудростью, однако это неточно: мудрость была свойственна Ирине Китовой изначально, она у неё, так сказать, врождённая. И гармония образов была и раньше, я это отмечал. Пожалуй, новая особенность «Стихов в блокно-

те» – несколько большая уверенность в себе и появившееся ощущение поступательного, однозначно восходящего движения. Нет, столь милые мне самосомнения не исчезли совсем, но переродились, теперь они – не комплексы, но – творческий метод.

Может быть, поэтому открывает книгу стихотворение, посвящённое не традиционной уже почти для И. Китовой осени, а весне:

*А ты рисуй меня, рисуй!..
Извлечь огонь умеют пальцы.
Не вынуждай мою весну
Тебя стесняться.
Вот чай, фиалковый уют,
Останься, мы не одиноки...
Весну такую вечность ждут.
Пусть по проталинам идут
Дожди и токи.*

Мы видим, что, и как в случае с осенью, это не просто сезон, но и весна души. А эти вот «дожди и токи» – прекрасная эмоциональная, тёплая и настолько весенняя метафора, что, кажется, ощущаешь пальцами её влажность, долго резонирует во мне после каждого перечитывания стихотворения.

Однозначно оптимистична и зарисовка о любимой малой родине, Карабулаке, в стихотворении «Просыпайся»: от описаний родных красот «*Солнце плещется во мне*» – чудесно на душе! Думаю, карабулакцы должны быть счастливы оттого, что в их посёлке живёт такая удивительная творческая личность. Тем более что приношений родному Базарному Карабулаку в щедрой корзине вдохновения Ирины Сергеевны много. А это потому, что:

*Думала – чужая...
Приросла корнями.
Дымка золотая
Шита куполами...*

(«Карабулак – Чёрный ручей»)

Однако пристального интереса к центральной и самой глобальной своей теме – поиску счастья – поэтесса в новой книге не утратила. Ему посвящены стихи «Согрета нечаянно снегом...», «Придумаем настроение», «Приглашаю вас на чай», «Голуби», «Бессонница», «В снежном городе твоём тишина...», «Снегопад», «Сновидения», «Она рисует стихи и море», «Я болела тобой всю осень...», «Влюблённость подобна побегу», «Сложно о любви», «Имя твоё», «Кухарка», «Родинка», «Четыре реки», «Верить в любовь», «Бабочка», «О доверии громко – не нужно...», «Твоим притоком», «Имя взамен крыльев», «Прошлое ворошу», «Лепка», «Уж которую весну мою...», «Сентябри», «Привыкаю», «Лунное», «Ветреное»... Я не случайно перечислил все их названия и заглавные строки – прочитайте их внимательно, как я и говорил в начале статьи, все они – уже поэзия... Кроме того, это почти ровно половина от объёма книги – много! Естественно, тема любви, блуждающая от фрустрации до семейного благоденствия – системообразующая в цикле «Стихи в блокноте». Ирина Китова всё время возвращается к ней, уходя иногда в сторону любви к родителям, родине, сыну, размышле-

ниям о путях творчества. Но вечные «она и он» ходят тенями по улочкам её посёлка и снова и снова вопрошают о своей судьбе, ищут друг друга, теряют, разлетаются, как атомы...

Удивительно элегантно в своей иносказательности стихотворение «Голуби»:

*Он – к руке.
В пальцах моих еда.
Голубь, ты ж не за крошкой?..
Видят все:
ну, до чего ж хороший!
Сердце кольнуло: «Да!»*

*И теперь,
тёплым лучам под стать,
вместе живём под крышей –
верь не верь –
к солнцу и звёздам выше
снова могу летать.*

Личное счастье как условие «сможешь летать», условие вдохновения. Здесь уже не идёт речи о «пике эмоций», как в стихотворении «Поэт» из прошлой книги. Не экстаз, но «тёплым лучам под стать» – простое персональное благополучие становится ускорителем творческого мышления. К этому надо прийти, это надо осознать, и – главное – это надо суметь подать в стихе. Ведь поэтесса не сдалась в своём поиске, напротив – она расширила его границы.

Впрочем, нельзя не отметить и своего рода «пограничные» стихотворения, которые соединяют в себе два начала – привязанность к матери и то самое достижение/недостижение личного счастья. Это «Мир выжил. Открыта рама. На кухне шипит лазанья...» и «Маме». Стихи пронзительные, распаханутые в своей откровенности, трогательные и простые, намеренно лишённые стилистического украшательства – будто и правда отрывок из разговора с самым близким для каждого из нас человеком:

*Крыло не по-детски тонко.
Внутри, за привычной шторой,
так много золы и сора
и веских причин взлететь.
Но тянет ко дну воронка.
Ребёнку уже за сорок.
Ребёнку едва за сорок!..
Не повод, чтоб умереть.*

Только с матерью мы говорим так – не боясь, что нас пожалеют, а взыскав этой материнской жалости – самой светлой, самой милосердной на Земле. И только в стихах Ирины Китовой нашёл я воплощение своим мыслям и чувствам по отношению к моей давно ушедшей в лучший мир маме. Так, такими словами, и я говорю иногда с ней, будучи уверен, что она слышит.

*Такой покой... не объяснишь.
Заботливо хлопочут руки.
Лучи с утра совсем упруги
И талый снег съезжает с крыши.*

*Промчалась молодость. Но я
В тебе по-прежнему нуждаюсь.
И не придёт, я знаю, старость,
Пока есть мама у меня.*

(«Маме»)

В предисловии к книге «Стихи в блокноте» я особо отметил стихотворение «Привыкаю», волевой рефрен которого сравнил с заклинанием. Не могу не написать о нём и сейчас, в этом хронологическом разборе всей библиографии Ирины Китовой, поскольку уверен: это определённая веха в её профессиональном литературном развитии.

*А с утра сегодня осень
Всех опять очаровала.
А с утра сегодня осень.
А вчера тебя не стало.*

*Нет, ты есть, конечно, где-то –
Жив-здоров, и слава Богу.
Я не думаю об этом,
Привыкаю понемногу.*

Снова осень реальная и осень судьбы, снова разлука, опять – новое начало, к которому надо привыкнуть, преодолев печаль, но:

*Я ношу теперь, признаться,
Юбку в пол и ворот лисий,
Привыкаю улыбаться
Без твоих коротких писем,*

*Не дурачусь, не витаю,
Не тоскую на диете.
Ну, была любовь большая...
Мало ль глупостей на свете?*

Едва ли не впервые в творчестве И. Китовой появляется ирония. Тут ирония удивительно к месту – то, что должно было стать прощальным плачем, вдруг стало улыбкой. Может, и сквозь слёзы, но и сквозь надежду, заметили?

Наверное, именно поэтому сразу за «Привыкаю» стоит стихотворение «Моя надежда»:

*Хотелось кружев
И перламутра!
И в грязных лужах
Смеялось утро.
И даль – цветная,
И я – невежда,
И ты – смешная,
Моя надежда.*

Снова – ирония («И ты – смешная,/ Моя надежда»), но надежда – такое чувство, которое уже самим своим существованием, как над ним

ни подтрунивай, так перестраивает жизнь, что всё самое негативное, как фотоплёнка, спроецированная на фотобумагу, становится позитивным. Этот изменяющий свет надежды – вообще особенность новых стихов Ирины Китовой, а сама она – надежда русской поэзии, пишу это со всей серьёзностью и без всяких авансов. Недаром в нынешнем году Ирина Сергеевна стала лауреатом проходящего в Калининграде международного литературного конкурса «Русский Гофман» – это высокое и совершенно заслуженное признание. А сейчас Ирина Китова только закончила работу над книгой детских стихов «Ходят по небу слоны», которая, я уверен, станет событием в российской словесности, ведь нежность, мудрая доброта и педагогический такт, проявляющийся в них, давно требуют книжной реализации.

Мне всегда казалось, что вселенскому хаосу, великой энтропии и наступлению Апокалипсиса противостоят не политические системы и доктрины, а множество личных счастья. Так, храм нагревает не печь, а десятки горящих свечей и дыхание молящихся – будто бы сами молитвы, сама вера. Стихи Ирины Китовой воспевают и укрепляют веру в это самое маленькое счастье миллионов пар. А значит, и сами они – Вера, Надежда и, конечно – во всю ширь души русской поэзии – Любовь!

С юбилеем, Ирина Сергеевна!

Дмитрий
ЕРМАКОВ

Великая мечта о русском свете

(о романе Алексея Бусса «Великая мечта»)

Книга Алексея Бусса «Великая мечта» – литературная биография знаменитого изобретателя, создателя «свечи Яблочкова», электрической системы освещения, получившей название «русский свет», Павла Николаевича Яблочкова.

Неоднократно во время чтения этой книги в пятьсот семьдесят страниц ловил себя на мысли: «Так сейчас не пишут». Ныне привычным стал пресловутый «нон-фикшн» – скоростное и часто поверхностное «документальное» письмо, с каким-нибудь выкрученным шиворот-навыворот, «равным» сюжетом...

«Великая мечта» – роман, которому более всего подходит несколько старомодный подзаголовок: «жизнеописание». Без особых ухищрений, последовательно-линейно излагается жизненный путь человека. И путь интересный, и написано хорошо, а значит, и книга хорошая и интересная.

Вот дни детства в имении Петропавловка Саратовской губернии, где юный Павлуша читает в номерах журнала «Отечественные записки» роман «Открыватель следов», «американского писателя Купера» (доскональное знание примет, деталей, языка, событий описываемого времени – замечательное свойство романа Алексея Бусса). Ощущение, почти физическое, покоя и счастья мальчика – рядом с родителями, братом и сёстрами, «яблочным дедушкой», дядькой-воспитателем. И уже первые «научные занятия» вместе с деревенскими друзьями – составление карты местности; уже и первое изобретение – «землемерная телега». И чтение неграмотным друзьям в тёмной избе сказок Пушкина. И предчувствие великой судьбы: «...Павлу вспомнились сумрачные избы крестьян в Петропавловке, да и в любой другой деревне окрест. Тускло светят в ночи их маленькие окошки, будто щурятся на бесконечные русские просторы детские крестьянские глазки. <...> Темнота,

долгие зимние ночи, и в этой темноте – тёмный народ <...> ждёт он, что кто-то однажды зажжёт ему свет яркий, даже немного ослепляющий, как тёплое июльское солнце. И в свете этом будет читать народ умные, хорошие книги, и от тех книг делать добрые и радостные дела, и жизнь настанет другая – радостная, весёлая...»

Идея света (физического) и просвещения (образования) ненавязчиво, но явно протянута автором (как электропроводка с лампочкой на конце) через всю книгу. Потому что эта идея вела по жизни и героя книги – Павла Николаевича Яблочкова.

Нет смысла пересказывать роман. Алексей Бусс плавно, без рывков, но и не затягивая, описывает все основные, узловые моменты жизни своего героя: учёба в гимназии, больше похожей на тюрьму (чего стоит только гибель под розгами одного из учеников); кадетский корпус в Санкт-Петербурге, служба военным инженером в Киеве, уход в науку... Первые опыты и эксперименты... Читаешь и думаешь: какая жизнь! Одно только испытание паровозного фонаря (прожектора), когда Яблочков сотни вёрст стоял на открытой площадке впереди паровоза в ноябрьский мороз, чего стоит!

Повторюсь: огромным достоинством романа является доскональное знание автором предмета разговора: жизненного пути Павла Яблочкова, профессиональных тонкостей (Алексей Бусс, насколько я знаю, и сам – энергетик, «электротехник», говоря языком романа), характерных деталей времени и местности (а это и Киев, и Москва, и Париж, и Лондон, и Санкт-Петербург, и Саратов, и Европа, и бескрайняя Россия) Автор «вжит» и даёт возможность читателю «вжиться» в эпоху и события.

Немаловажная составляющая романа – научно-популярная. Признаюсь, я не отличался в школе успехами в изучении физики, я не электрик и даже на бытовом уровне не очень разбираюсь в электротехни-

ке, но, читая роман, я ни разу не споткнулся при описании опытов и изобретений – написано зримо, ясно, интересно!

Открытие первой политехнической выставки и создание Политехнического музея, всемирные научные выставки в Париже и Лондоне, покушение на царя, собрания народолюбцев, мировой, но недолгий триумф «свечи Яблочкова» и «русского света», богатство и разорение, болезни, любовь – всё это жизнь изобретателя, и всё это является содержанием книги о нём.

Кроме того, перед читателем проходит целая галерея лиц: мало известных, неизвестных, знаменитых – всех, кого судьба (и воля автора романа) сводила с Павлом Яблочковым. И каждый, пусть и эпизодический, герой выписан зримо, у каждого свой характер, привычки.

Деревенские мальчишки, гимназические друзья, однокашники по кадетскому корпусу, сослуживцы, революционеры, русские и французские рабочие, царь, террорист Каракозов, обе жены Яблочкова, друзья-соратники – Владимир Чиколёв и Николай Глухов; Гюго и Тургенев, Лавров, Лодыгин, Кибальчич, Менделеев, Вернадский, Тесла... В этом ряду и один из первых русских профессоров – Василий Петров, пусть не лично, а своей книгой поразившей будущего изобретателя «русского света». Учёные, военные, воздухоплаватели, литераторы, масоны... Десятки образов! (И ведь обо всех надо было ещё писателю Буссу узнать, всех понять, прочитать биографии – это огромный исследовательский труд!)

Меня, как вологжанина, не могли не привлечь две фигуры: изобретателя, создателя первого в России и одного из первых в мире летательных аппаратов тяжелее воздуха – Александра Фёдоровича Можайского, ведь его имение Котельниково, ныне посёлок Можайский, находится в пятнадцати километрах от Вологды, и именно здесь он пытался поднять в воздух свой самолёт; ну и фигура революционера и авантюриста Германа Лопатина – в Вологде он пробыл в ссылке три года, откуда, и в очередной раз, благополучно бежал в Париж...

И при описании событий, и при рассказе о людях Алексею Буссу удаётся избежать излишней детализации, чувство меры (качество, необходимое для хорошей прозы) нигде не изменило автору. И поэтому роман читается с неослабевающим интересом, роман заставляет сострадать и думать.

Вот и думаю: сорок два года прожил Павел Яблочков. Всего лишь! Но как прожил – постоянный самоотверженный труд в избранной им отрасли. Он будто сжимал своё время. Такие люди за короткую земную жизнь проживают огромные вневременные сроки и остаются в истории, если не именем (не всегда человечество помнит своих поэтов, изобретателей, открывателей), то своими делами...

И ещё думаю, что же так неласкова Родина к своим лучшим и бескорыстным сынам, таким, как Яблочков? И неужели так и будет всегда?

И сам себе отведу: а может, так и должно быть? Непризнание, гонения, зависть... А может, не будь этого всего – не было бы и Яблочкова? Может, только преодолевая козость материального мира, художник или учёный (творец!) становится... ну, да – звездой? Не в пошлом нынешнем понимании, а в понимании того, что звезда – светит всем и всегда. В случае Яблочкова – это почти и буквально верно: свет его мысли, его великой мечты разлит по улицам наших городов.

И даровала же ему судьба и Родина возвращение, встречу с родными и близкими, упокоение в родной земле...

Поздравляю Алексея Бусса с творческой удачей, а читателей – с новой замечательной книгой!

* * *

Книга Алексея Бусса издана в Саратове (на родине автора и героя книги) тиражом 500 экземпляров. Хорошо, что издана, но, убеждён, книга эта достойна и большего тиража и издания, например, в знаменитой серии ЖЗЛ (просто идеально, по-моему, для неё подходит). Надеюсь, что будут и новые издания этой книги, и большие тиражи.

Ирина
КИТОВА

«Сыплются зёрна меж строк»

Людмила Липатова. «Зарисовки по памяти». — Саратов, издательство «Саратовский источник», 2022

Зарисовки по памяти... Память бережно сохраняет в сердце поэта самое важное – негромкое, непрямое. Это простые вещи, которые, если достать их в нужный момент из сундучка воспоминаний, помогают пережить серые будни и трудные времена. Это вещи, на которые опираешься всю жизнь:

*...Бабушка ворчит нестрого.
Крепко обниму
И вдохну знакомый запах
Мыла, дров и щей.
Мне три года, я с азартом
Проскочу пред ней,
Озарилась чтоб улыбка
Сеть густых морщин,
Пусть любовь непрочно, зыбка —
До сих пор как щит.*

В этом сундучке Людмилы Липатовой, человека внутренне гармоничного, непринужденно живут: «вишня, стонущая под январским хмурым небом», трава под босыми ногами, «тропинка вдоль леса, около болотца», лесная речка с раками на дне и лилиями на поверхности, а также деревенские петухи, «скворцы да синицы — не райские птицы, но наши, свои — оттого и милы». В нём непременно есть место простому труду на осенних грядках в непрямом захолустье в самом «углу мира».

*Вот он, мост Калинов красный,
Вот и солнце во хмелю,
Над Смородиной опасной
Свою душу пронесу.
Расступитесь, малюверы,
Не пугайте вороньё!
Мне для жизни и для веры
Нужно семечко моё.
Отберу благие мысли,
Завяжу их в узелок,
Подержу в ладошке чистой,
Под раковый кусток*

*Прикопаю на суглинке,
Заклинаю прошепчу,
Чтоб сорняк на луговинке
Отступился на чуть-чуть.
Прорастай, зернинка, смело!
Ты слезою полита,
Чтобы в душах между делом
Расцветала широта.*

Да, как говорят, что посеешь, то и пожнёшь... Ощущение, что правильное, доброе, не сорное семечко было посеяно в сердце поэта, укрепилось во мне по мере прочтения книги. В поэзии Людмилы Липатовой чувствуешь главное, потерянное, к сожалению, многими современными душами, — это добродетель. Добродетель эта не напоказ, она не плакатная, но — между строк, она не обличает, но — врачует. Да, иногда она вынуждает высказываться резко, но это не из желания прогнать строчками, сотрясая воздух, а из врождённого и воспитанного в себе чувства справедливости, из-за привычки сердца тревожиться и потребности обнять всех «малых, грешных и убогих».

Именно такой предстала передо мной поэт Людмила Липатова в этой книге.

Поэтическое пространство, предложенное читателю, лично мне оказалось очень близко. Не городские, по большей части, пейзажи, места, где властвует «тысячелистника агат», где крепко «настой полевых трав» и «бегут кулички вразнобой», так называемое «захолустье», которое одновременно и «угол мира», и место духовной силы:

*...Были бы вёсны дождливые —
Будет и хлеб на обед.*

Или:

*Новый день скользит по краю
Матушки-земли.*

*Я судьбу не выбираю,
Мне б снега мели,
Засыпая с головою
Наш нехитрый двор...*

А ещё вслушайтесь только: «сорняк на луговинке», «стёжка неторопкая», «Вечером неспроста / Блажило кошке мыться...» Будто слышишь речь предков – такие тёплые, словно выуженные из того самого сундучка воспоминаний слова, погружают читателя в этот непрдуманый, обыденный, тихий уют:

*Я с вами, ветреные дали.
Я с вами, синие снега.
Бессмертная душа едва ли
Уйдёт в другие берега.
Она привязана любовью
К уютной этой тишине,
Где вера предков в изголовье,
Где труд в привычке – не в цене...*

Людмила не только «рисует» сюжеты своих всплывающих в памяти летних тёплых дней или зимних вечеров, но и словно сшивает ткань стихотворения стёжками-строчками, штопает прожитый день, вяжет прочные узелки семейного быта:

*Вечер тихо штопал шторы
Прожитого дня,
Серым, синим, чёрным шёлком
Твердь небес чиня...*

Неслучайно в стихах немало так называемых текстильных метафор: «роскошно-сизый атлас капусты», «кружевные крахмальные сентябринки», «белых блуз и бантиков куртина», «в светлом янтарном ситце осень».

Лирическая героиня Липатовой – мастерица, умеющая и зерно посеять, и платье пошить, и супом наваристым порадовать. А как иначе, ведь она из тех, кого «растил добрый советский ветер». Эрудированность, почерпнутая из книг, способность чувствовать прошлое и настоящее и болеть за «неокрепшее завтра» для неё вполне закономерны и естественны. Поэтому в книге автором зачастую остро ставятся философские и социальные вопросы, обращённые и к себе, и ко всему человечеству, и к жизни.

*...А мне бы жить и поныне
Как раньше: в траве валяться,
Купаться в знакомой речке,
Растить кабачки да тыквы...
Но маленькое сердечко
Болит от неравной битвы.*

И хорошо, что болит. Всходы посеянного семечка не будут крепкими от равнодушия. И пусть неприхотливый сорняк растёт и легче, и быстрее. А мы попробуем вместе с возвращёнными меж строк Людмилой Липатовой ростками тянуться к солнцу.

Данила
КАТКОВ

Суровый вопрос

Екатерина Федорчук. «Что ты делал в октябре!» —
М.: «Снежный Ком М», 2022

Спокойную сепию обложки разрыва-ет тревожный, насыщенно-оранжевый кленовый лист, вопрошающий: «Что ты делал в октябре?»

Ответ: читал книгу Екатерины Федорчук.

Этот же вопрос автор адресует читателю в одноимённом рассказе, им же вольно или невольно задаются и главные герои остальных произведений — где-то в лоб, а где-то он не озвучивается, но незримо присутствует.

Важно ли помнить историю своего народа, историю города, родного села, семьи? Что ограничивает нас в достижении счастья, построении благополучного государства, справедливого общества? Екатерина Федорчук предлагает своим героям выбирать (и выбор их различен), при этом не оставаясь в стороне, не устранившись на правах наблюдателя, говорит о том, что считает важным — помнить болезненно, но необходимо. Отречение от исторической памяти есть отречение от родины, корней, от настоящего себя. Невозможно построить град солнечный, не обладая фундаментом самости.

Но признание прошлого травмирует. Это лишь начало. Поэтому сделать второй шаг непростого пути — дать беспристрастную оценку тому, что только вчера кровоточило и саднило — становится ещё сложнее. Но шаг этот неизбежен, о чём следует помнить всем претендующим на звание творцов исторического процесса. Что и испытывает на себе главный герой рассказа «Долг монарха», отрекающийся от попытки построить утопию, основанную лишь на внешних атрибутах, пусть и отзывающихся в сердцах одних людей, но вызывающих неприятие других. Накал этого противостояния и нетерпимости к иному пониманию жизненного уклада возрастает в драматично-горьком рассказе «Русским духом пахнет».

Магическая фантазия «Вечный май» порывом прохладного весеннего ветра разряжает обстановку. Читатель вместе с участниками маёвки не замечает, как шествие переливается в вечность, в нескончаемый ход поколений. И каждый идёт сам и за своё, но движется исключительно вперёд, не в силах совладать с потоком, вовлекается в течение соборности. Зато о наблевшем «частном» рассказывают сентиментальные «Привет, стрекоза!» и «Нищebroды».

Творческие страсти горят в «Колобке» и «Я вышел на подмостки», поднимая вопросы происхождения, природы таланта, сложности построения диалога с обществом, а зачастую отсутствия возможности до него докричаться, быть правильно услышанным.

Когда берёшь книгу в руки, сухость аннотации настраивает на восприятие сдержанное в эмоциональном отношении, взвешенное, по-научному критическое.

Тем ярче впечатления от лёгкости чтения.

Рассказ за рассказом автор говорит с читателем живым, понятным, не перегруженным излишней стилизацией и софизмами языком.

С композиционной точки зрения повествование каждого из произведений развивается динамично, завершаясь эмоциональной кульминацией, но важна и их очерченность.

Несмотря на то, что рассказы написаны в разные годы, все они объединены настроением, общностью авторского замысла, переключаются в судьбах главных героев в выпавших им испытаниях. Иллюстрации Людмилы Чакиной своевременно интонируют с самыми драматичными моментами.

Приятна и форма подачи. В ключе метафоры, эстетически выверенного магического реализма и социальной фантастики

автор говорит о серьёзнейших вопросах духовного самосознания индивида и современного российского общества как единого организма, являющегося носителем исторической памяти, отказаться от которой вольно или невольно невозможно.

Жанровым исключением является завершающее книгу «Государево искушение» – несколько обособленная притчевая художественная трактовка известных исторических событий, подводящая осмысленный итог.

В исследовании болевых точек национального самосознания, веры и псевдо-религиозности, воинствующего атеизма, реваншизма, проявлений ксенофобии Екатерина Федорчук даёт своё видение сплачивающей народ общности духовных ориентиров, говорит об ответственности поколений прошлого, настоящего и грядущего, кажется, всегда находящихся на перепутье, не ожидая, что однажды громом с неба прозвучит суровый вопрос: «Что ты делал в октябре?»

**Елизавета
МАРТЫНОВА**

«КНИГИ, С КОТОРЫМИ МОЖНО ЖИТЬ»

Книги и альбомы издательского дома «Волга» выгодно выделяются среди книжной продукции многих других (и не только саратовских) издательств тщательным подходом к оформлению и редактуре. При таком подходе сами книги становятся произведениями искусства, а не просто бумажным носителем информации с тематическими иллюстрациями. Думаю, для такого понимания Книги (с большой буквы) нужен особый дар – дар видения и понимания Красоты как таковой. Потому что Книга в высоком смысле слова – это образ мира, мира Прекрасного, воплощение красоты.

Возможно, поэтому самым частым жанром издательства становятся альбомы.

Иллюстрации, их подбор создают определённый образ мира, не хаотичный, а гармонизирующий наши представления о том или ином предмете.

Глядя, как художники делали прекрасным образ города, не прибегая к штампам и красивостям, читатель этого альбома сам меняется, меняются его видение и восприятие. Такие книги помогают увидеть красоту, про которую мы обыкновенно забываем в повседневной жизни.

У книг издательства «Волга» не только просветительская, но и воспитательная функция, исподволь такие издания воспитывают вкус читателя.

Конечно, такие издания дороги – как любой предмет роскоши. Но в какой-то степени любое бумажное издание теперь является предметом роскоши, поскольку большинство людей довольствуется информацией, полученной из интернета, информацией как таковой, без всякой эстетики.

Поэтому лучшая книга – это книга, изданная богато, красиво и со вкусом, особенно если она касается художественной жизни города и страны, отечественной истории и выдающихся личностей.

Для того чтобы конкретизировать представление о книгах, которые выпускает издательский дом «Волга», стоит рассказать о нескольких книгах, вышедших в последние годы.

Саратовские художники. – Саратов: изд. дом «Волга». – 2017. – 192 с: илл.

Альбом «Саратовские художники» захватывает небольшой временной отрезок художественной жизни Саратова и городов Саратовской области, начиная с середины XX века и заканчивая сегодняшним днём. В нём опубликованы работы и биографии как именитых, так и совсем молодых художников.

С одной стороны, впечатляет энциклопедичность издания (в предисловии искусствовед Маргарита Салмина говорит о том, что в альбоме воссоздана максимально полная картина художественной жизни Саратова, рассказывает об истории развития этой жизни, о художественном процессе, останавливается на творчестве отдельных художников).

С другой стороны, радует отбор самих картин – они очень характерны для творчества отдельных художников, т.е. из всего многообразия, созданного мастерами, представлено самое яркое, и на одной или нескольких страницах отображён художественный мир, самое главное в нём.

И всё это прекрасно скомпоновано, подано так, что читатель знакомится с альбомом, с биографией художников и их творчеством с эстетическим удовольствием.

Саратов в изобразительном искусстве. / Авт.-сост. Е. К. Савельева; авт. Предисловия А. В. Кумаков. – Саратов: изд. дом «Волга», 2012. – 144 с: илл.

Книга «Саратов в изобразительном искусстве» воссоздаёт образ Саратова и художественный, и реальный (реалистичный). Он увиден глазами различных художников разных эпох, и у каждого художника, и у каждой картины есть своя история, своя легенда.

Интересна здесь не только и не столько реалистическая сторона изображённого города, сколько то, как он преображается красотой и разнообразием стилей разных художников.

В альбоме представлены как известные художники (П. В. Кузнецов, В. Э. Борисов-Мусатов, П. С. Уткин), так и малоизвестные; как профессионалы, так и художники-любители, современные художники: Н. П. Семёнова, Б. В. Глубоков, Е. Ю. Слыщенко.

Альбом снабжён прекрасным, насыщенным предисловием. О стиле каждого художника написано эмоционально и ярко. Что интересно, у каждого художника выбраны самые знаковые работы (среди изображений преобладают исторический центр Саратова, старинные дома и окраины, почти сельские пейзажи или индустриальные. Видимо, это и есть лицо нашего города, его характерные черты, и так интересно посмотреть на город не привычным взглядом, а словно бы со стороны.

Важен хронологический принцип: альбом показывает, как изменился наш город в историческом плане.

В конце альбома приведены список произведений, алфавитный указатель. Вполне научное издание.

Саратов художественный XX–XXI века. – ООО «Орион», 2009 (автор проекта А. Ю. Графченко).

Более скромное, но не менее энциклопедически насыщенное издание (справочно-художественное).

Оно посвящено истории развития художественной жизни в Саратове и Саратовском крае начиная с середины 19 века и до наших дней. Издание представляет наиболее значительные художественные собрания из музеев Саратова и области; в нём даны краткие биографические сведения о художниках. Особенность книги в том, что иллюстрации, приведённые в ней, публиковались крайне редко – при её создании были использованы материалы из архивов и фондов саратовских музеев, личных архивов и частных коллекций.

В основе лежат уже опубликованные издания: «Энциклопедия Саратовского края», «Художники Саратова». Издание это интересно тем, что в нём кратко охарактеризованы не только музеи и музейные коллекции с их знаковыми экспонатами и художественными работами, но также во 2-й части книги представлены биографии и работы саратовских художников (принцип подачи похож на издание 2017 года, хотя последнее ярче и богаче, но, что

интересно, ни в коей мере не совпадает с другими в плане выбора иллюстраций). Таким образом, мы видим перед собой серию «творческих» портретов, нарисованных с академической точностью.

Важна историческая значимость этого альбома: XX век уже стал историей, XXI век продолжает традиции саратовской школы.

Такие издания никогда не бывают лишними, поскольку не могут дублировать друг друга: художественная жизнь города многообразна и требует разностороннего осмысления.

Выпущены издательством и книги другого плана, исторического.

Мезин С. А. Саратовское Поволжье в эпоху Петра I. – Саратов: Издательский дом «Волга», 2022. – 152 с.: илл.

Важно, что это авторская, исследовательская книга, посвящённая важному периоду в истории городов Поволжья, которые в конце XVII–первой четверти XVIII века стали объектом реформаторской деятельности Петра Первого. Основа книги – новые архивные материалы и критически переосмысленная краеведческая литература. В центре внимания исследователя оказывается история Саратова, который в Петровское время стал крупным торговым и промышленным городом Нижнего Поволжья.

В исследование включены отдельные очерки, посвящённые и другим городам: Царицыну, Дмитриевску (Камышину), Петровску.

Кроме того, автор книги подробно исследует путешествие Петра Первого по Волге в 1695 и 1722 годах.

Главной целью для С. А. Мезина становится рассмотрение путей развития, которые были выбраны городами Поволжья в Петровскую эпоху.

Думаю, что эта книга, так же, как и те, о которых я писала до того, представляет собой прекрасное подарочное издание, документально выверенное, прекрасно проиллюстрированное. Радует, что книга написана так, что оказывается понятной современному читателю, но при этом является значительным научным трудом. Перед нами книга, рассчитанная не только на специалистов, но и просто на любителей истории и краеведения.

Значимость научного труда подчёркивается «парадностью» издания: «видеорядом» – фотографиями.

Меняющийся Саратов. Фотоальбом. Иллюстративно-краеведческое издание. – Изд. дом «Волга», 2015. – 232 с.

Это история города в фотографиях. Выбран общий стиль издания – текст проступает на фоне иллюстраций, и это напоминает киноленту. Подобный художественный приём помогает увидеть, как менялся Саратов, посмотреть на то, что было, что изменилось, что утрачено или приобретено нашим городом.

«Меняющийся Саратов» – прекрасный подарок как для саратовцев, так и для гостей города. И эта книга так же, как и остальные издания, адресована широкому кругу читателей: людям, интересующимся историей нашего города – специалистам, краеведам, любителям искусства.

Старое соседствует с новым, старинные фотографии – с современными, и этот «перепад температур», разница во времени, демонстрирующая изменения, происходящие в городе, и составляет динамику альбома, его внутренний сюжет.

Перелистав книги издательского дома «Волга», мы можем понять, что перед нами не просто качественно изданная научная, краеведческая литература. Перед нами произведения искусства, которые воспитывают душу и делают нашу жизнь красивее и праздничнее.

**Виктор
ЛОБАНОВ**

В ЗАТИШЬЕ ЛЕТА

Саратовцам – знатокам истории родного края – хорошо известно имя знаменитого московского журналиста и писателя начала XX века Владимира Гиляровского, автора книг-бестселлеров «Трущобные люди» и «Москва и москвичи». Он неоднократно бывал в Саратове и в молодые, и в зрелые годы, здесь у него было немало друзей и знакомых. Саратовские впечатления легли в основу некоторых его очерков. Но мало кто знает, что его зятем был уроженец села Балакова Самарской губернии (сегодня, как известно, город в Саратовской области), сын местного купца-лесоторговца, старообрядца Михаила Прокофьевича Лобанова, Виктор.

Виктор Лобанов родился 1 (13) февраля 1883 года. По окончании реального училища в Вольске он поступил на юридический факультет Московского университета и поселился у Гиляровского благодаря рекомендации, которую написал, скорее всего, балаковский купец-миллионер, книгоман Паисий Мальцев, близко знакомый с московской знаменитостью¹. Поселился и вскоре женился на дочери гостеприимного хозяина, Надежде.

В квартире «дяди Гиляя»² в Столешниковом переулке³ тогда бывал весь цвет художественной, писательской и актёрской интеллигенции: Чехов, Толстой, Репин, Шаляпин и т.д. Гиляровский брал Витю с собой везде, где тот мог получить что-либо полезное и интересное, как выразился писатель, «для мозгов».

Благодаря Гиляровскому Виктор Лобанов познакомился с творчеством буквально всех выдающихся художников того времени. Он приобретал и переписывал каталоги всех художественных выставок, которые посещал, а после окончания в 1912 году университета стал регулярно писать искусствоведческие рецензии на книги.

В первое время после Великой русской революции 1917 года Лобанов при поддержке своего тестя организовал издательство «Берендеи». Дела, связанные с издательской работой, он совмещал со службой в Государственном историческом музее, где с 1918 года состоял в учёном секретариате. Издательство существовало немногим больше года. Главным делом его стал выпуск двух альбомов автолитографий К. Ф. Юона «Русская

¹ Об этом писал личный секретарь писателя Николай Морозов («Сорок лет с Гиляровским». Московский рабочий. 1968 г.)

² Такое прозвище дали Гиляровскому его друзья.

³ В просторечье – в Столешниках.

провинция» и А. М. Васнецова «Древняя Москва», которые сегодня являются библиографической редкостью.

В легендарные 1920-е Лобанов – член Русского общества друзей книги. Он собирал проспекты издательств и отдельных изданий, каталоги книжных и букинистических магазинов и лавок.

В 1930-е Лобанов собрал и составил книгу биографий советских художников. Набранная и даже в какой-то части тиража напечатанная, она не вышла, но в нескольких экземплярах существует как результат огромной работы. Это было первое подобное справочное издание в советское время.

Неудача с книгой не остановила Лобанова. Он продолжал собирать биографические материалы о художниках⁴, каталоги выставок, как персональных, так и групповых, как крупных объединений, так и малых.

Во время Великой Отечественной войны Виктор Лобанов не уехал из Москвы и работал секретарём оргкомитета Союза художников СССР.

В 1959 году по его инициативе при Центральном доме работников искусств СССР был открыт Клуб любителей книги, который стал одним из ведущих библиофильских центров столицы.

Лобанов бережно сохранил творческое наследие своего тестя. Он вместе с дочерью Гиляровского, уже после смерти писателя, издал его рассказы и книги «Люди театра» и «Москва газетная» и сохранил квартиру знаменитого московеда в том виде, какой её знали видные деятели культуры конца XIX–начала XX вв.

Виктор Лобанов скончался 23 октября 1970 года и похоронен на Новодевичьем кладбище рядом со своим тестем и своей женой.

Он – член-корреспондент Академии художеств СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР, один из первых советских искусствоведов; автор воспоминаний «Столешники дяди Гиляя», книг по истории русского и советского искусства («Живопись 1905 г.», «Художественные группировки», «Книжная графика Е. Е. Лансере», «Дом-музей В. М. Васнецова в Москве», «Виктор Васнецов в Москве», «Кануны» и др.)

В сегодняшнем номере «Волги» публикуется первая глава из книги «Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы», выпущенной в 1968 году в издательстве «Советский художник» и ныне почти забытой искусствоведами.

«Ценность воспоминаний В. М. Лобанова не в обобщениях или «рассуждениях по поводу», а в живом, ярком, образном рассказе о сложных процессах, которые в то время развивались в искусстве», – писал в предисловии сотрудник института мировой литературы им. А. М. Горького Иван Гронский, который в 1930-х в течение нескольких лет был главным редактором знаменитой газеты «Известия» и состоял членом редакций не менее знаменитых «толстых» журналов «Красная Нива» и «Новый мир». Автор знакомит нас с разнообразными событиями художественной жизни Москвы, с деятелями различных групп интеллигенции, даёт талантливые литературные портреты писателей, художников, артистов, учёных, публицистов, меценатов, любителей искусства и т. д. Подавляющее большинство людей, о которых он пишет, ушли из жизни. Забыты их облик, черты характера, привычки и склонности, манера держаться в обыденной жизни и в общении с людьми, их симпатии и антипатии. Поэтому свидетельства, характеристики и зарисовки Лобанова, приводимые им факты, показывающие жизнь этих людей, имеют для нас, да и для истории искусства, поистине непреходящее значение».

Юрий КАРГИН

⁴ Иногда их просил написать свои автобиографии, иногда записывал за ними сам.

Июнь, июль и первые дни августа, по глубокому убеждению коренных москвичей, считались в году самыми глухими и малолюдными месяцами.

Шумная, оживлённая в центре, в кольце бульваров; тихая, провинциальная за валами Камер-Коллежским, Сущевским, в Замоскворечье и Дорогомилове, старая столица пустела и притихала. Редели на улицах пешеходы. В тихую дрему погружались магазины, пассажи и торговые ряды. Замирали особняки и огромные квартиры центральных улиц. Только на Петровке, Тверской, Кузнецком мосту, Никольской, Театральной⁵, Лубянской и Страстной площадях замечалось необычное оживление у поставленных посередине улиц раскалённых докрасна круглых чугунных печей.

В них плавилась куски чёрного сызранского асфальта⁶, начавшего вытеснять на улицах привычный булыжник. Новоявленный асфальт сметал не только булыжник улиц, но и широкие, отёсанные каменные плиты тротуаров, вдоль которых высились глубоко вкопанные в землю массивные каменные тумбы.

Казалось, дремали сгорбившиеся извозчики – «ваньки», зорко следившие за проходящими редкими пешеходами. На Страстной у «Метрополя» и около «Московской гостиницы» живыми монументами восседали на козлах важные и величественные лихачи, невозмутимо ждавшие клиентов.

Щегольские, на дутых шинах пролётки лихачей были запряжены холёными на вид конями, уже состарившимися, но когда-то призовыми, законно оспаривавшими первенство в состязаниях на Ходынском поле⁷.

С окраин, от привокзальных площадей, тянулись, поднимая клубы пыли, страшного вида ломовые извозчики, развозившие товары в магазины и торговые учреждения центра.

На перекрёстках улиц маячили фигуры городских.

В открытых, ждущих покупателей больших магазинах от спущенных на окна полосатых полотняных, называвшихся «маркизами», навесов было тяжело.

Некоторое оживление наблюдалось лишь после четырех-пяти часов вечера, когда закрывались конторы и учреждения. Служащие, жившие на дачах, превращались в «мучеников долга», в «дачных мужей», являвшихся находкой для юмористов.

Выносливые и покорные, отбив служебные часы, торопливо выполняли они поручения своих семейств, пользовавшихся благами природы Петровского парка, Сокольников, Останкина, Кунцева, Пушкина и других недалёких пригородных дачных мест.

В летние дни свойственная столице деловитость наблюдалась только на Ильинке и в прилежавших к ней переулках с купеческими конторами в Городских и Верхних рядах.

В них бурлила не особенно заметная, но внутренне очень напряжённая жизнь. Здесь осуществлялась деятельная подготовка к проходившей в августе Нижегородской ярмарке.

Фабричные гиганты Иваново-Вознесенска, Ярославля, Костромы и других центров шерстяного и хлопчатобумажного производства, промышленные фирмы капиталистов Морозовых, Рябушинских, Прохоровых, Носовых, московские конторы уральских и донецких предприятий поспешно и деятельно готовили к смотру свои изделия. Отправку всех этих товаров на ярмар-

⁵ Улицах.

⁶ Речь идёт о продукции Сызранско-Печерской асфальтовой компании, созданной в г. Сызрань Симбирской губернии (сегодня Самарской области) в 1875 году. Если в 1860-х гг. асфальт в Россию ввозился из-за границы и ввоз этот постоянно рос, то с середины 1870-х сызранский асфальт вытеснил иностранный.

⁷ Местность на севере Москвы между современным Ленинградским проспектом, Беговой улицей и Хорошевским шоссе. В 1834 году здесь был открыт ипподром.

ку осуществляли московские конторы, расположенные в улочках и переулках Ильинки.

На воротах и подъездах домов зеленели объявления о свободных квартирах. Хозяйки квартир извещали красными плакатиками о сдающихся у них комнатах. Уныло смотрели на запылившиеся окна дворники. Они хорошо знали, что жизнь для них начнётся только после возвращения москвичей с дач и по возобновлении студенческих занятий в университете и в других высших учебных заведениях Москвы.

Даже всегда многоголосый, шумливый, крикливый и пёстрый от людей и товаров Охотный ряд затихал. Его хозяева и продавцы с большим, чем обычно, рвением вглядывались в сильно уменьшавшиеся ряды покупателей, усиленно предлагая мясное, птичье, продуктивное и прочее рассчитанное на потребление и утоление человеческих appetites охотнорядское товарное изобилие.

В ранние утренние часы очень ненадолго это затишье нарушалось стекавшимися в Охотный ряд закупщиками от ресторанов и хозяйками со всей Москвы.

«Дачные мужья», плохо осведомлённые в торговых тайнах охотнорядцев, по бумажкам, заботливо всунутым жёнами в боковые карманы пиджаков, торопливо и рассеянно набирали нужные продукты, умоляя об одном:

– Заверните только получше, чтобы дорогой (в конке или дилижансе) не растерять покупки.

Летнее опустение особенно чувствовалось в московских театрах, в редакциях газет и журналов, в университетских, институтских, научных и художественных учреждениях.

Большой, Малый, Художественный, Новый и театр Корша закрывались. Большинство известных артистов до осени покидало столицу.

Обеспеченная часть артистической Москвы рассеивалась по собственным дачам в Петровском парке, Сокольниках и в небольших подмосковных усадьбах.

Второго и третьего ранга артисты во время летнего перерыва гастролировали в общественных садах Москвы: «Эрмитаже», «Аквариуме», на Сокольническом кругу и в подмосковных театрах Пушкина, Малаховки, Быкова.

Крупные театральные знаменитости, чьи имена не сходили со страниц газет, разбредались по разным местам, каждый по своим пристрастиям и вкусам.

Константин Сергеевич Станиславский, особенно популярный в это время среди передовой Москвы, по закрытии театра уезжал сначала в свою усадьбу Любимовку под Пушкино, а позднее отдыхал в Кисловодске или во Франции на побережье Атлантики. Владимир Иванович Немирович-Данченко уезжал смотреть театральные новинки в широко известные театры Европы.

Ольга Леонардовна Книппер-Чехова предпочитала отдыхать в летней сутолоке зарубежных городов.

Московское ядро «художественников»⁸ – И. М. Москвин, В. В. Лужский, А. Р. Артём, А. Л. Вишневский, В. И. Качалов – как правило, отдыхали в Подмосковье. Здесь можно было бродить по залитым солнцем лужайкам, берёзовым рощицам и сидеть в тени прибрежных кустов с удочкой в руках, следя внимательно за движением поплавок.

Верный друг и земляк Вл. И. Немировича-Данченко, тоже один из неизменных любимцев Москвы, Александр Иванович Южин-Сумбатов, пожив в имении жены, отправлялся «проветриться» на побережье лазурного Средиземного моря.

По пути А. И. Южин-Сумбатов не забывал заглянуть в гостеприимно раскрытые двери всегда многолюдного, шумного и оживлённого учреждения

⁸ Актёры Московского художественного театра.

в Монако⁹, где нередко сталкивался с не забывавшим тоже монакских приманок Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко.

Мария Николаевна Ермолова, нежно любившая с детских лет подмосковное местечко Владыкино и летом в нём жившая, иногда уезжала на короткое время в Ялту подышать свежим морским воздухом.

Руководитель частного драматического театра на Театральной площади К. Н. Незлобин колесил по провинциальным городам, выискивая для себя новые, неведомые таланты, а его актёры разъезжались по курортам или гастролировали в городах Поволжья и Сибири.

Фёдор Иванович Шаляпин и Леонид Витальевич Собинов, неизменные баловни московской публики и печати, отдыхали по-особому.

У Шаляпина к летнему перерыву в работе всегда «висели на шее» до самого закрытия сезона контракты с дирекцией государственных театров на спектакли и выступления. Это не мешало ему обременять себя новыми договорами с С. П. Дягилевым¹⁰, с антрепренёрами Парижа, Лондона, Рима, Милана, Берлина и даже Нью-Йорка и Вашингтона.

У Леонида Витальевича Собинова договоров было хотя и меньше, но и его летний перерыв до отказа заполнялся гастрольными выступлениями в Петербурге, на Кавказских Минеральных Водах и за границей.

Основные театры Москвы в это время бывали «на замке», и двери в них открывались только для проветривания в дневные часы. Они напоминали, что жизнь в театрах не прекратилась и забурлит опять с конца августа, когда ярко освещённые зрительные залы заполнятся оживлённой, жаждущей зрелищ толпой.

Обезлюдывали в это время редакции московских журналов и в особенности крупных московских газет.

Руководящий редакционный состав и влиятельные сотрудники, поскольку политическая жизнь в России и за границей в эти месяцы обыкновенно замирала, уезжали отдыхать большей частью за рубеж. Их деловые связи с редакциями в летний период ограничивались в большинстве случаев корреспонденциями из чужих стран.

Рядовые сотрудники, особенно молодёжь, учитывая летнее опустение, старались «выгонять» лишние пятаки за строчку придумыванием всяческой информации для каждогодневного заполнения ненасытных газетных полос, настойчиво требовавших «печатной пищи».

Даже всегда предоставлявшие большие возможности для информации театральные отделы газет сжимались в эти месяцы донельзя. Обычно распространённые в газетной практике беседы с видными деятелями театра исчезали с газетных полос.

Летний выпуск, ввиду отсутствия будоражащих читательское внимание сенсационных известий, превращался в трудное, требовавшее большой изобретательности дело, а порой и тематическую эквилибристику.

Дежурные редакторы к моменту окончания вёрстки полос хватались за головы: «Хотя бы большой пожар или крупное ограбление, если уж нет никаких землетрясений или огненной лавы Везувия или Этны¹¹!»

Заметно бросалось в глаза уменьшение сотрудников в уважаемых «Русских ведомостях», руководящая «головка» которых, связанная с либеральной профессурой Московского университета, неукоснительно пользовалась трёхмесячным академическим перерывом в работе.

⁹ Имеется в виду знаменитое казино в Монте-Карло.

¹⁰ Русский театральный и художественный деятель. Один из основателей группы «Мир искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева».

¹¹ Вулканы в Италии.

На границу менял Москву величественный, подчеркнуто спокойного «профессорского стиля», хотя и не читавший лекций, фактический хозяин газеты Василий Михайлович Соболевский. Жена его, известная в столице филантропка В. А. Морозова, снабжала газету денежными средствами.

Охочая до житейских курьёзов, Москва долго смаковала историю о забытой В. М. Соболевским второпях перед отъездом за границу зажжённой электрической лампочке.

За Соболевским ухаживала верная старая служанка. Не зная, как обращаться с недавно проведённым электричеством, она оставила гореть лампочку в течение двух месяцев, пока хозяин не возвратился в Москву.

«Теперь она у меня культурная, – замечал В. М. Соболевский, – постоянно гасит, не успею я уйти из комнаты!»

Заметно пустел и двухэтажный небольшой домик редакции «Русских ведомостей» в Чернышевском переулке.

Бедущие сотрудники газеты А. С. Постников, Д. Н. Анучин, А. И. Чупров уезжали отдыхать, и ведение газет поручалось Илье Николаевичу Игнатову, давнишнему испытанному сотруднику, в обычное время ведавшему каким-то отделом.

Редакция «Русского слова» сначала ютилась на Петровке против Столешникова переулка, потом в одноэтажном небольшом домике на Страстной площади, на том месте, где высится теперь громада «Известий»¹².

Позднее она разместилась в комфортабельных апартаментах сытинского особняка в стиле «модерн» на Тверской улице против Английского клуба.

Полудержавный властелин газеты, создатель её фантастической по тому времени популярности, фактический хозяин и редактор Влас Михайлович Дорошевич обычно покидал Москву с наступлением первых летних дней.

Большой, грузный, как бы тяготившийся своей фигурой, медлительный в движениях, внимательно вглядывавшийся через пенсне в собеседников, он словно был недоволен беспримерной известностью и признанием. Блестящий фельетонист, талантливый и остроумный человек, Дорошевич наводил необъяснимый страх на всю редакцию «Русского слова».

Эту братию возглавлял официально числившийся редактором зять И. Д. Сытина Фёдор Иванович Благов, внешним признаком положения которого в газете являлся богато обставленный кабинет.

Дорошевича побаивался и остерегался даже излишне осторожный, себе на уме, умевший всегда сэкономить рубль на копейке, денежный хозяин газеты, смекалистый, но тихий на вид, пронизательно вглядывавшийся хитроватыми глазками в собеседника Иван Дмитриевич Сытин. Пришёл он в Москву мальчиком, буквально без копейки, а благодаря большой любви к книге, пониманию жизни, сметке и оборотистости быстро стал одним из известнейших издателей столицы.

И только в летнее тихое время чаще, чем обычно, отваживался Иван Дмитриевич спускаться с верхнего этажа здания, где жил, в редакцию.

Зимой он заходить в редакцию не особенно любил, избегая и остерегаясь встреч с редакционной «грозой», как называл он Дорошевича.

Из постоянного редакционного состава газеты «грозы» не боялись, кажется, только двое. Первый – заведующий петербургским отделением, избретательный, блестящий газетный информатор А. В. Руманов, кичившийся своими связями с «верхами». Он имел возможность звонить по телефону любому министру и сановнику. И второй – буйный москвич, «стихия в куртке» – Владимир Алексеевич Гиляровский, о котором в минуту добродушия Дорошевич говорил:

¹² Редакция газеты «Известия».

«Всегда остерегаюсь Гиляя! Хотя я и не серебряный полтинник и не печная кочерга, но Гиляй, рассердившись и вспылыв, и меня может согнуть пополам или завязать узлом¹³».

Пустела редакция популярных среди интеллигентных читателей-разночинцев «Новостей дня». Главное внимание в этой газете обычно сосредотачивалось на театральном отделе, хронике бегов и скачек, мелочах московского быта и отчасти на событиях московской литературной жизни.

Редактор-издатель газеты А. Я. Липскеров увлекался конным спортом и имел своих спортивных лошадей. Обыкновенно он покидал Москву на лето по закрытию сезона на ипподроме. Его примеру следовал и брат, ведавший хозяйственной стороной газеты, И. Я. Липскеров, и постоянные сотрудники во главе с очень милым, чутким, обаятельным в обращении Николаем Ефимовичем Эфросом, литературной душой «Новостей дня».

Безлюдно было в другой, читаемой, главным образом, деловыми кругами Замоскворечья и за чертой Садовых, когда-то распространённой газете «Московском листке».

Основатель, а в первые годы и редактор её, Николай Иванович Пастухов, нажив к началу века солидное состояние, уже начал отходить от издательских дел.

Большую часть времени он проводил у себя наверху, в квартире над редакционным помещением в Ваганьковском переулке. Только изредка Пастухов выезжал «половить рыбку» в Пушкино или отдыхал на своей даче в Ялте.

Ведение газеты после скоропостижной, сразившей его смерти сына он поручил преданному, безотказному и верному её «стражу» Фёдору Константиновичу Иванову, невысокому, суровому на вид, но бесконечно добродушному работяге.

Иванов сиднем сидел и зимой и летом за редакторским столом. Он делал всё. От начала и до конца. Писал передовицы, переделывал статьи и заметки, не разгибая спины, завершая многотрудную, каждодневную редакторскую работу внимательным просмотром изготовленных матриц.

По привычке Фёдор Константинович после выпуска газеты частенько ездил «отдохнуть» к «Яру» или в «Стрельну»¹⁴ и с первым солнышком возвращался в редакцию.

Присяжные фельетонисты и верные сотрудники газеты И. И. Мясницкий (Барышев), А. М. Пазухин и Е. Н. Опочинин в это время оседали на дачах и присылали материал с кем-нибудь из домашних.

В либерально-буржуазном «Утре России» её «редакционные нервы», Аркадий Павлович Алексеевский и Савелий Семёнович Раецкий, незаметно «удирали» отдохнуть на юг. «Удирание» они оправдывали тем, что «по летам событий не бывает, все думают не о политике, а о курортах», и редактирование спокойно поручали «аппарату».

Непостижимым образом немногие оставшиеся сотрудники ежедневно более или менее удачно «выкручивались» из трудного положения, оставляя четыре, а по праздникам шесть-восемь газетных полос, рассчитанных на среднего читателя, который проглатывал их как рюмку водки перед обедом.

Аппарат старого «толстого» московского журнала «Русская мысль» был очень невелик.

¹³ Гиляровский обладал такой силой, что однажды на спор согнул пополам полтинник, а в другой раз завязал в узел кочергу, которая потом стояла у всех на виду в его квартире в Столешниковом переулке.

¹⁴ Известные в то время рестораны.

Финансировавший «Русскую мысль» Вукол Михайлович Лавров «просадил» на журнал больше миллиона рублей, доставшихся ему от отца – елецкого торговца овсом и хлебом.

В. М. Лавров и В. А. Гольцев, фактические редакторы журнала, на лето переселялись под Москву. Вблизи станции Шелковки по Брестской дороге, на небольшом пригорочке, именовавшемся Малеевкой, у них были кусочки земли, где они построили дачки.

В первые годы XX века В. М. Лавров жил в Малеевке почти круглый год, лишённый возможности иметь квартиру в Москве и гостеприимно принимать друзей, как это он делал в прошлом веке. Семья растила яблоки и клубнику. «Сам» ходил по утрам за грибами, а по вечерам, вернее, ночам, занимался переводами из Ожешко и Сенкевича, творчество которых хорошо знал и очень любил.

В. А. Гольцев, погружённый в московский каждодневный литературный быт и плотно в него вросший, не любил и не желал передоверять редактирование журнала в чужие руки и сам читал всё «от корки до корки». Только на несколько дней, забрав рукописи, уезжал он к семье в Малеевку. По вечерам обычно засиживался у хлебосольного В. М. Лаврова за стаканом доброго красного столового вина. Вспоминали минувшие времена литературной Москвы, её дела и людей, из которых многие – А. П. Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вас. И. Немирович-Данченко, Г. И. Успенский – неизменно приезжали в Малеевку на именины хозяина.

Отдых в Малеевке, позднее прозванный Гиляевкой, по названию её почтового отделения, по субботам и воскресеньям делил с Лавровым и Гольцевым имевший около них свой кусочек земли В. А. Гиляровский.

Этот неутомимый человек даже в летнее время ухирялся находить интересный репортаж в опустелой и притихшей Москве. Он выбирался к жившей на даче семье только на эти дни. В понедельник с ранним поездом, в котором вместе с ним обычно ехали отдыхавшие в этих местах А. А. Мануйлов¹⁵ и С. С. Голушев¹⁶, возвращался на квартиру в Столешников переулок.

Здесь он погружался в привычную, необходимую для него как воздух, напряжённую газетную работу.

Очень часто Гиляровский прерывал свою работу и посещение Малеевки внезапным отъездом из Москвы. Неожиданно не только для семьи и друзей, но и для самого себя, он срывался с места и уезжал в купе скорого или курьерского поезда, оказываясь «на минутку» на Кубани, Украине, в Петербурге, Сербии, Болгарии. Так же скоропалительно и неожиданно возвращался обратно, быстро входил в привычную московскую суету и сутолоку. А на субботу и воскресенье приезжал как ни в чём не бывало в Гиляевку.

Для большинства художников летнее московское время являлось не затишьем и отдыхом, а периодом напряжённой работы. Они разбредались кто куда мог. Писали натурные этюды среди полей, лесов, на берегах речек.

Часть художников жила в квартирах при Училище живописи на Мясницкой, некоторые имели мастерские в бросавшемся в глаза своей архитектурой доме, построенном по проекту художника С. В. Малютина почти на берегу Москвы-реки, около храма Спасителя, другие – по разным уголкам столицы.

Лето для художников было временем напряжённого труда по собиранию материалов, которыми они широко пользовались в течение всего года. Это время они называли «поездками на этюды», без чего многие из них не могли

¹⁵ Мануйлов Александр Аполлонович – российский экономист и политический деятель, в 1905–1911 гг. – ректор Императорского Московского университета, в 1917 г. – министр народного просвещения Временного правительства.

¹⁶ Голушев Сергей Сергеевич – русский революционер, живописец и график, художественный и театральный критик, писавший под псевдонимом «Сергей Глагол».

плодотворно работать. Началом обычно считался отъезд живописцев, связанных с преподавательской работой в Училище живописи.

Одними из первых отправлялись на этюды А. Е. Архипов, Л. О. Пастернак, С. В. Иванов.

А. Е. Архипов, забежав перед отъездом попрощаться с близкими друзьями, уезжал на Север или чаще всего в родную Рязанскую губернию, в деревню Усолье. В Усолье он увлечённо писал местных баб и девок, для которых привозил с собой заботливо собранные и составленные наряды из цветастых ярких юбок, душегреек, кокошников, ожерелий, бус.

«Русскую женщину надо обязательно одевать так, чтобы при виде её всякого мужчину в жар и холод бросало! Недаром русский человек красный цвет любит, не напрасно к нему неудержимо, против воли, тянется! Много раз я наблюдал, как при первом взгляде на разноцветные привезённые одеяния самая неказистая деревенская молодка маковым цветом расцветает. Откроешь перед ней сундук с нарядами – загорится, выберет что к лицу и, немного пожеманясь, наденет, посмотрит в зеркальце, заулыбается, и диву даётся, откуда у неё столько прелести появится», – увлечённо рассказывал, воротясь из летних поездок, обычно скупой на слова, застенчивый художник.

«Это ведь Россия, крепкая, добротная, весёлая, залихватская и никого и ничего не боящаяся, и себе на уме», – добавлял Архипов, неохотно показывая друзьям летние работы в своей небольшой, под чердаком, холостяцкой квартире в доме во дворе Училища на Мясницкой.

Другие преподаватели училища живописи, ваяния и зодчества, С. В. Малютин, А. С. Степанов, особой торопливости к отъезду не проявляли, селясь обычно в подмосковных дачных местах, только Л. О. Пастернак старался «поскорее удрать» за границу, куда его увлекал немосковский ритм жизни.

Дольше других задерживался преподававший в Училище живописи, но тесно связанный с работой декоратора в Большом театре Константин Алексеевич Коровин.

В промежутках между окончанием занятий в Училище живописи и завершением сезона в Большом театре Коровин «отрывался», как он говорил, на рыбную ловлю под Москву – иногда к себе, иногда к Ф. И. Шаляпину, жившему где-то по Савеловской железной дороге.

«Федя (Шаляпин) мне постоянно напоминал, чтобы я зорче следил за переливчатыми огнями костра, зажжённого на берегу, где мы ловили рыбу. «Лучше, Костя, – говорил Ф. И. Шаляпин, – пожалуй, в мире никакой картины не придумаешь. В дыму от костра чёрт-те что чудится! Часто в костровом огне и искрах я и Мефистофеля наблюдал с его страшными ужимками и дьявольскими глазницами, и Бабу-Ягу не помеле видал!»

После закрытия сезона К. А. Коровин частенько уезжал в Париж. Его неудержимо манили к себе сверкающие тысячами огней парижские бульвары.

Особенно притягательны они были для него поздними вечерами и ночами! И утром на улицах народу мало, везде неубранный мусор, пустые столики кафе, и надо всем этим ни с чем не сравнимый, перламутровый парижский отблеск, необыкновенный парижский колорит, который никакой краской не передашь и только трепещешь перед ним.

Из Парижа Коровин нередко уезжал «проветриться» в Биарриц, расположенный на берегу Средиземного моря.

В. А. Серов, отказавшись от преподавательской работы в училище живописи, на лето покидал свою квартиру около Румянцевского музея¹⁷ и уезжал отдыхать за границу. Если художника не связывали договорные обяза-

¹⁷ Сегодня – одно из зданий Российской государственной библиотеки (дом Пашкова).

тельства с Дягилевым, требовавшим его присутствия в Париже, то он проводил время в Лондоне, Брюсселе или Биаррице, где любил встречаться с его летними завсегдатаями: художником-коллекционером И. С. Остроуховым и Л. О. Бакстом¹⁸.

В. Д. Поленов, замкнуто живший по зимам в одном из переулков близ Кудринской площади, на лето обязательно покидал Москву и, как «заправский помещик», проводил время в местечке Бехово под Тарусой, на живописных поэтических берегах Оки.

Виктор Михайлович Васнецов сиднем сидел с начала века в Третьем Троицком переулке, в созданной по его чертежам и планам бревенчатой хоромине. Он замкнуто и напряжённо работал, зорко следя за явлениями в близком его сердцу искусстве.

В самый разгар летней жары Васнецов уединялся в свою усадьбу Новое Рябово близ Яхромы по Савеловской дороге. В Новом Рябове он усидчиво доделывал то, что не успевал закончить в зимние месяцы в мастерской. В часы отдыха бродил по окрестностям, славящимся изобилием грибов, и вспоминал незабвенные для него вятские непроходимые чащи и приветливые абрамцевские¹⁹ рощи.

Василий Иванович Суриков покидал привычный «Княжий Двор»²⁰ для поездок в родной, вечно его привлекавший Красноярск.

Михаил Васильевич Нестеров, нежно любивший уфимский «медвежий» край, плотно осевши на Донской улице, отправлялся отдыхать после зимних трудов к себе на родину, на берега воспетой С. Т. Аксаковым²¹ реки Белой.

Подвижный, шумный, вечно чем-то занятый, заботливо следивший за костюмом, любимец меценатов, и постоянных, и вновь нарождавшихся, Сергей Арсентьевич Виноградов²² проводил жаркие солнечные дни в старинных подмосковных усадьбах. В эти годы они меняли своих титулованных владельцев на московских фабричных богачей. Но прежними были обстановка в комнатах, чудесные парковые ансамбли, заботливо охраняемые новыми хозяевами.

С большой охотой С. А. Виноградов проводил также время под уютным крыльшком гостеприимной коровинской дачи в Гурзуфе.

В Гурзуфе у К. А. Коровина всё было приспособлено для самых избалованных художнических вкусов и странностей. Гурзуф был по душе и С. А. Виноградову. Часто жил он там в одиночестве, поскольку хозяин дачи предпочитал проводить это время во Франции.

В перерывах между гастролями любил завернуть в Гурзуф Фёдор Иванович Шаляпин. К. А. Коровин порой рассказывал по возвращении из-за границы о триумфах своего прославленного друга. Любо-дорого было смотреть, как Шаляпин шутя подчинял себе сердца и души многочисленных слушателей. От его игры и пения, а больше, кажется, от славы буквально «шалели» и тщательно выбритые джентльмены с берегов Темзы, Сены и Гибра, и загорелые владельцы чайных и кофейных плантаций Цейлона и Бразилии. Перед волжским богатырём падали ниц и самоуверенные, молящиеся только доллару жители Америки, и владетельные магнаты, почти короли маловедомых африканских земель! И всё, что хотел, то с ними и делал: то плакать застав-

¹⁸ Еврейский художник, сценограф, иллюстратор и дизайнер.

¹⁹ Абрамцево – подмосковная усадьба, в которой часто бывали и работали многие художники и артисты. Сегодня на её территории – Государственный историко-художественный и литературный музей-заповедник.

²⁰ Гостиница, которая находилась в Москве недалеко от храма Христа Спасителя.

²¹ Писатель.

²² Художник, педагог Строгановского художественно-промышленного училища.

лял, то дико хохотать! Волжскому духу нашему, силушке нашей необъятной, сами того не понимая, все эти разноликие и разнокожие люди поклонялись!

«Некоторые рабами моими после спектакля делались», – говорил, по рассказам К. А. Коровина, Фёдор Иванович Шаляпин весело за ужином.

Обязательный участник выставок «Союза русских художников» и «Мира искусства», живописец, к работам которого внимательно присматривались во время «Ученических выставок» коллекционеры, Константин Фёдорович Юон не спешил покидать столицу.

Москвич, любивший красоту архитектурных ансамблей старорусских городов, он обыкновенно уезжал из Москвы после закрытия пользовавшейся успехом у передовой молодёжи своей студии на Арбате.

Художник обычно отправлялся не столько отдыхать, сколько работать с натуры в Сергиево-Троицкий посад, в Кинешму, Углич, Ростов, Нижний Новгород.

В этих городах и городках Константин Фёдорович писал десятки этюдов, за которыми осенью и зимой «гонялись» собиратели искусства.

Только набравшись нужных впечатлений во время поездок, он короткое время проводил на родине жены, Клавдии Алексеевны, в подмосковной деревеньке Фирсановке. Здесь у него была очень удобная, на берегу реки дачка с большой мастерской.

Вместе с друзьями и соратниками по искусству и выставкам покидал Москву пользовавшийся уже известностью пейзажист С. Ю. Жуковский.

Много времени и сил он отдавал охоте, бродил с ружьём по подмосковным лесам за утками, вальдшнепами и глухарями.

Иногда Жуковский менял скитания по Подмосковию на поездки на Север для охоты на медведей и волков.

Но и во время охотничьих поездок он писал этюды.

Летом, а иногда и ранней весной Жуковский любил пожить в великолепном старом поместье, где писал интерьеры, жадно раскупавшиеся любителями искусства пейзажи, на которых пламенели первым осенним багрянцем рощи, тревожили весенняя нежность, мартовские рассветы, звёздные ночи.

Баловни московских собирателей, влюблённые в красоту и поэзию родной природы, скромные, изо всех сил старавшиеся держаться как можно незаметнее, Э. Х. Аладжалов, П. И. Петровичев, А. С. Степанов и Л. В. Туржанский обыкновенно уезжали в излюбленные, хорошо им знакомые места на Волгу, в Подмосковьё, на Север, а последний – на Урал, под Екатеринбург.

«В уральском пейзаже есть все живописные оттенки, которые пленяют нас, художников. Надо только попристальней взглядываться в них и хорошенько запоминать», – замечал Л. В. Туржанский.

Мешковатый, словно не знающий, куда девать себя, добродушный Пётр Иванович Петровичев, покидая Москву, устраивался по-простецки в ближайших старых волжских городах. Часами, как зачарованный, взглядывался он в поразивший его кусок природы, в пламенеющий букет роз и с упоением писал.

Сидя где-нибудь у стен Ростова Великого, Ярославля или Углича, Пётр Иванович умилённо восхищался, как русский человек руками сложил такие могучие стены кремлей и храмов.

Алексей Степанович Степанов, удивительнейший по мягкости человек, вырвавшись после окончания сезона в Большом театре, где он нередко помогал К. А. Коровину писать декорации, уезжал на отдых в Подмосковьё. В тишине он ловил рыбу, писал этюды и наслаждался покоем.

По зимам Алексей Степанович обязательно навещал эти места, чтобы побродить с ружьём по заснеженному, словно заколдованному лесу, полюбоваться ни с чем не сравнимым его таинственным очарованием, нарушаемым только громкими ружейными выстрелами.

Сергей Васильевич Малютин рассказывал, возвратясь в город к началу занятий в Училище живописи, как он любит летним днём в солнечных лучах писать загорелые, обветренные лица крестьян, девок и баб.

Чаще всего свои летние досуги он проводил на Савеловской дороге. Зимой всё время у него уходило на преподавание и писание портретов. Он писал Нестерова, Брюсова, Гиляровского и других.

Летом, по его словам, всё по-другому. Тут наблюдаешь в одиночку или в толпе простые русские лица, по-своему мудрые и запоминающиеся. Поглядишь на них – и захочется свободно пописать, не думая, как выйдет.

Сосредоточенный, больше похожий на профессора или с долгой практикой приват-доцента, чем на художника, медлительный в движениях и словах Аполлинарий Михайлович Васнецов не спешил после окончания академического года оставить Москву.

Он иногда задерживался, чтобы порыться в документах Архива иностранных дел, в библиотеке Румянцевского или Исторического музеев или у себя дома, в Фурманном переулке. Там, в маленькой комнатухе его квартиры, хранились многие нужные ему исторические материалы.

Исподволь, не торопясь, подготавливался он к отдыху. Лето Васнецов проводил или под Москвой, или уезжал на Урал, Кавказ, южный берег Крыма, где писал для себя небольшие натурные этюды.

«Это для того, чтобы глаза отдохнули! – восклицал Аполлинарий Михайлович, за зиму привыкнув к классной натуре в мастерской или к разглядыванию через лупу Сигизмундовского или Годуновского планов старой Москвы. – Глаза разучаются по-настоящему видеть окружающую красоту. Только природа, вода, зелень направляют их на надлежащий строй и лад, и рука от этого по-другому работает! Без природы нашему брату, художнику, шагу сделать нельзя. Если месяца два в году на неё, матушку, по-настоящему не поглядишь, то и писать нам, живописцам, картины не следует!»

Игорь Эммануилович Грабарь упорно занимался малознакомыми передовой интеллигенции вопросами истории родного искусства.

«Я иногда ощущаю себя погружённым в бурлящие стихии неведомого океана искусства и красоты, – сказал он однажды, делясь своими впечатлениями о поездке на Север, в глухие уезды, кажется, Олонецкой губернии. – Сколько драгоценнейших россыпей, изумительнейших произведений русских самородков таятся неизвестными в неведомых заводах русской жизни, по разным уголкам страны, в заброшенных усадьбах, в пропылённых ризницах, на колокольнях, в сундуках, в избах! Не только художникам это собирать и брать на учёт надо, а любоваться, восхищаться ими должны все, кто любит свою Родину, свой народ, своё искусство! Все мы преступники и перед самими собой, и перед страной, что до сих пор не занялись пристальным изучением родных художественных богатств! Сейчас надо не картины писать, а ездить и ездить и смотреть в оба!»

Летние дни и недели Грабарь отдавал таким поездкам, или, как он любил их называть, экспедициям. Результаты этих экспедиций уже тогда начал он публиковать в журналах, а позднее, собранные и обработанные, они явились основой затейной им солидной, многотомной «Истории русского искусства».

Эта «История русского искусства», несмотря на свою незавершённость из-за войны 1914 года, до сих пор является незаменимым пособием для каждого интересующегося русской художественной культурой.

Ни многочисленные, часто в очень трудных условиях, поездки по заброшенным уголкам страны, ни подготовка к составлению «Истории русского искусства» не мешали всё же Грабарю выкраивать иногда время для писания пейзажей. В них Игорь Эммануилович, как немногие из русских пейзажистов, его современников, с поразительной силой передавал поэзию заворожённого прихотливыми пушистыми узорами инея заснеженного леса.

Немногие, как он, умели с таким обаянием написать мартовский снег и весеннюю лазурь, нежные, трепетные, тронутые холодком осинки, первый багрянец рябинок и первую торжествующую зелень берёзы.

«Игорь Грабарь теперь не столько, пожалуй, художник, не импрессионист, не реалист, а счастливый открыватель неведомых кладов русской красоты», – говаривал о нём И. С. Остроухов.

Этот громоздкий, казавшийся порой очень раздражительным, а порой флегматичным, художник, коллекционер, промышленник всегда относился к Грабарю с некоторой осторожностью, хотя в большинстве случаев не уставал одобрять многие начинания стремительного и делового молодого живописца.

Остроухов был сверх меры занятым человеком. Он энергично работал как один из директоров крупного торгового предприятия, пайщиком которого являлся. Одновременно отдавал много времени, сил и знаний заботам о нуждах Третьяковской галереи. Там он был, по существу, «душеприказчиком».

В то же время Остроухов ревностно создавал собственную художественную галерею в Трубниковском переулке и являлся авторитетным консультантом по определению авторства картин, создатели которых были неизвестны.

Время для отдыха «подгонял», или, как говорил, «выкраивал», ближе к осени, предпочитая для этого заграничные курорты, из которых он особенно любил Биарриц.

«Люблю там следить, как сердится могучими, но всегда ласковыми волнами такое синее море! Часами могу восхищаться морскими космачами, набегаящими на берег! В этом мой отдых! В такие часы я забываю всё на свете: и Москву, и дела, и самого себя!»

На обратном пути Остроухов обязательно старался провести денёк-другой в Париже, заглянуть в Лувр, к «маршанам»²³ на выставки, где часто встречался с москвичами А. В. Морозовым, С. И. Щукиным, С. П. Рябушинским, В. О. Гершманом²⁴.

Все хотели обязательно свою коллекцию какой-нибудь парижской новинкой пополнить и этим московских собирателей удивить!

«Без природы, – говорили художники, – мы можем преждевременно ослепнуть, потерять «нюх». Природа, живая, непосредственная, переполненная кислородом, нужна как воздух!»

Это разделялось, считалось необходимейшим условием жизни и деятельности каждого.

Но и в дни июня, июля, начала августа, когда летнее затишье властвовало над Москвой, её актёрская, писательская и художническая часть ни на минуту не забывала, что в конце сентября для каждого из них наступит «сезон», начнётся новый, ответственный, напряжённый период работы.

Неизменным в Москве оставалось только число служащих в магазинах Кузнецкого моста, Петровки, Тверской и пассажей, торговых рядов на Красной площади и Ильинке, и в оптовых складах, которым не полагался длительный летний отдых, кроме кратковременных воскресных дней.

Москва пустела, затихала, но пульс её творческой жизни не прекращался.

**Подготовка к публикации
и комментарии Юрия Каргина**

²³ Маршан – торговец художественными произведениями, являющийся посредником между покупателями и художниками.

²⁴ Представители крупного российского бизнеса и коллекционеры.

КОНКУРС

Редакция литературно-художественного журнала «Волга–XXI век» объявляет литературный конкурс, связанный со 100-летием со дня рождения Расула Гамзатовича Гамзатова. К рассмотрению принимаются авторские эссе, связанные с творчеством Расула Гамзатова, литературоведческие и критические статьи, посвящённые его стихам. Объём произведений – не более 2 авторских листов.

Лучшие работы будут представлены на страницах журнала «Волга–XXI век» осенью 2023 года – ко дню рождения выдающегося аварского советского поэта, прозаика, публициста, общественного и политического деятеля. Авторы литературных работ будут приглашены на презентации журнала, которые планируются в течение года в библиотеках города.

*Виктор Михайлович Лобанов
(фото из Государственного
исторического музея России)*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 12 апреля 2023 года.

Дата выхода в свет 28 апреля 2023 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/12043

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2023.

© «Волга–XXI век», 2023.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юрий Анатольевич Татаренко

Михаил Юрьевич Лаврентьев

Юрий Татаренко. «Перекасти-поле» стр. 21
Михаил Лаврентьев. «Я вспомнил жизнь...» стр. 95

Алексей Бусс, Ирина Китова, Людмила Липатова

